

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

Вестник МГОУ



Политология



Филология



Психология

1 / 2021

ISSN (Online) 2224-0209

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Основан в 2010 году

№ 1 / 2021

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки);
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки);
- 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки);
- 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки);
- 10.02.19 – Теория языка (филологические науки).

BULLETIN OF MOSCOW STATE REGION UNIVERSITY

Founded in 2010

№ 1 / 2021

**The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications
of the Higher Attestation Commission in the following groups of scientific
specialties:**

- 23.00.00 – Political Science (23.00.01 – Theory and Philosophy of Politics,
History and Methodology of Political Science,
- 23.00.02 – Political Institutions, Processes and Technologies);
- 19.00.00 – Psychological sciences (19.00.05 – Social psychology,
19.00.07 – Pedagogical psychology);
- 10.02.00 – Philological Sciences, Linguistics (10.02.19 Language Theory).

Учредитель издания:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный областной университет

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н. С. – д.псх.н., доц., проф. Московский государственный областной университет;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.Г. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина;

Манойло А. В. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., доц. Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С. Н. – к. п. н., доц., Московский государственный областной университет;

Феофанов К.А. – д.пол.н., проф., Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»;

Ширинянц А.А. – д.пол.н., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Штоль В.В. – д.пол.н., проф., Центрально-Европейский университет в Скалице (Словакия).

Раздел «Психология»

Бауэр Елена Анатольевна – д. псих. н., член-корреспондент РАО;

Карабанова О.А. – д. псих. н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Носс И.Н. – д.псх.н., проф., Московский государственный областной университет;

Скрипкина Т.П. – д.псх.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;

Степанов В.Г. – канд. псх.н., проф., Московский педагогический государственный университет;

Суворова О.В. – д.псх.н., проф., Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина;

Толстикова С.Н. – д.псх.н., доц., Московский государственный педагогический университет;

Цветкова Н.А. – д.псх.н., доц., Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Сипко Йосеф – к.филол.н., доктор, проф., Прешовский университет (Словакия);

BULLETIN MRSU

Electronic scientific journal «Bulletin MRSU» was established in 2010.
Founder: Moscow Regional State University.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage.
Registration Certificate ЭЛ № ФС 77-43477.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN (Online) 2224-0209.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO.
Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor.

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of Moscow State Regional University;

Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow State Regional University;

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow State Regional University;

Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;

Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Professor of Moscow State Regional University;

Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Professor Moscow state University named after M. V. Lomonosov;

Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Urals Federal University named after Yeltsin B.N.;

Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Moscow state University. M. V. Lomonosov;

Fedorchenko Sergei N. — PhD in Political Sciences, Associate Professor Moscow Region State University;

Feofanov Konstantin A. — Doctor of political Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the MFA of Russia;

Shirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences, candidate of philosophical Sciences, head of chair of history of socio-political doctrines, faculty of political science of Moscow state University named M.V. Lomonosov;

Stoll Vladimir V. — Doctor of Political Sciences, Professor of Central European university in Skalitsa (Slovakia).

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Olga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Moscow state University named after M. V. Lomonosov;

Noss Igor N. — doctor of psychological Sciences, Professor, Professor of Moscow State Regional University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Stepanov Vladimir G. — candidate of psychological Sciences, Professor, Moscow state pedagogical University;

Tolstikova Svetlana N. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow City Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nickolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences of Omsk state University n. a. F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor Moscow State Regional University;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of Moscow State Regional University, Cyril and Methodius University in Triave, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor Moscow state regional University;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvatiya);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Sipko Joseph — Ph. D. In Philology, Doctor, Professor (Preshov University (Slovakia)).

COTACT US:

Address: 105005, Moscow, Radio street, 10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

КОТАКТЫ:

Адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@vestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

Алексеев Р. А.

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ ПОПРАВOK 8

Багдасарян В. Э.ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ 32**Бронников И. А., Горбачев М. В., Кононенко О. С., Тимирчев И. К.**МЕДИААКТИВИЗМ И ГРАЖДАНСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ:
ГЕНЕЗИС И ТЕНДЕНЦИИ 44**Зорин В. Ю., Герасимова И. В., Бурда М. А.**ПОТЕНЦИАЛ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРОГРАММЫ ПО ПЕРЕСЕЛЕНИЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ 61**Коломацкая Д. А.**ПРОБЛЕМАТИКА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ИДЕОЛОГИИ
И СТРАТЕГИИ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ 72**Лиханова Т. Ю.**К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 88**Манойло А. В.**

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА И НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (I) 100

Пилипенко А. Д.К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И РОЛИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НКО
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 133**Федоров В. И., Ежов Д. А.**ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ
КЛАССИФИКАЦИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ 146

ПСИХОЛОГИЯ

Скрипкина Т. П., Ванданова Э. Л., Бакшиханова С. С.МОДЕЛИ РЕШЕНИЯ СЛОЖНЫХ СИТУАЦИЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 163

Титова О. И.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ:
АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ И ФАКТОРНОЙ СТРУКТУРЫ 178

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Князьков Д. А., Семина Т. А.

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ПЕСЕННОМ
ДИСКУРСЕ (ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ) 198

Мазирка И. О., Митюшина М. С.

ВЕРБАЛЬНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ ИНДИВИДУАЦИИ ПО К. Г. ЮНГУ
ПОСРЕДСТВОМ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ 211

Пугачева Е. Ю.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ «ИСТОРИК» В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ Л. Н. ТОЛСТОГО
И ДЖ. ФАУЛЗА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ 227

НАШИ АВТОРЫ 243

POLITICS

R. Alekseev

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE HISTORY
OF AMENDMENTS 9

V. Bagdasaryan

CIVILIZATIONAL FACTORS IN THE FORMATION OF PUBLIC POLICY 33

I. Bronnikov, M. Gorbachev, O. Kononenko, I. Timirchev

MEDIAACTIVISM AND CIVIL MOBLIZATION: GENESIS AND TENDENCIES 45

V. Zorin, I. Gerasimova, M. Burda

POTENTIAL AND REALIZATION FEATURES OF THE STATE PROGRAM F
OR RESETTLEMENT OF COMPATRIOTS 62

D. Kolomatskaya

PROBLEMS OF EUROPEAN INTEGRATION IN IDEOLOGY AND STRATEGY
OF RADICAL LEFT PARTIES 73

T. Likhanova

STATE OF NATIONAL SELF-AWARENESS IN MODERN RUSSIA 89

A. Manoilo

INFORMATION WARFARE AND NEW POLITICAL REALITY (I) 101

A. Pilipenko

ON THE PLACE AND ROLE OF SOCIALLY ORIENTED NGOS IN THE POLITICAL
SYSTEM OF MODERN RUSSIA 134

V. Fedorov, D. Ezhov

EVOLUTION OF ELECTRONIC VOTING IN RUSSIA: PROBLEMS OF
CLASSIFICATION AND PERIODIZATION 147

PSYCHOLOGY

T. Skripkina, E. Vandanova, S. Bakshikhanova

MODELS OF SOLVING COMPLEX SITUATIONS IN PEDAGOGICAL ACTIVITIES 164

O. Titova

TOLERANCE TO UNCERTAINTY IN SOCIAL INTERACTION: ANALYSIS OF RELATIONSHIPS AND FACTOR STRUCTURE	179
---	-----

PHILOLOGICAL SCIENCES

D. Knyazkov, T. Semina

SENTIMENT LEXEMES PROCESSING IN SONG DISCOURSE (EXPERIMENT IN LINGUISTIC EXPERTISE)	199
--	-----

I. Mazirka, M. Mityushina

VERBAL PRESENTATION OF THE C. JUNG'S CONCEPT OF INDIVIDUATION BY THE MEANS OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS	212
---	-----

E. Pugacheva

VERBALIZATION OF THE EMOTIONAL ASPECT OF "HISTORIAN" SOCIAL ROLE IN LEO TOLSTOY'S AND JOHN FOWLES' DIARY DISCOURSE: COMPARATIVE ANALYSIS	228
--	-----

НАШИ АВТОРЫ	243
-------------------	-----

УДК 324

Алексеев Р. А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ ПОПРАВOK

АННОТАЦИЯ

Цель. Характеристика и анализ конституционных поправок с 1996 г. по настоящее время, затронувших организацию и функционирование высших органов государственной власти, местного самоуправления и федеративного устройства страны.

Процедура и методы. Произведено сравнение конституционного процесса в России и странах ближнего и дальнего зарубежья; осуществлён политико-правовой анализ процесса внесения изменений в Конституцию России в его конкретно-исторической обусловленности и развитии.

Результаты. Предложена авторская периодизации этапов конституционных преобразований: 1 этап (1996–2008 гг.) – «обновление фасада», в ходе которого в Основной закон были внесены изменения названий субъектов Федерации; 2 этап (2008–2019 гг.) – «укрепление основ» – поправки, целью которых стало укрепление властной вертикали и институциональный дизайн высших органов государственной власти в стране; 3 этап (2020 г.) – «перепланировка здания» – существенная трансформация российской политической системы, укрепление президентской власти, объединение под дефиницией «публичная власть» трех её уровней – федерального, регионального и муниципального.

Теоретическая значимость: сформулирован авторский подход, заключающийся в выделении этапов конституционных реформ в России, направленных на модификацию политической системы общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Конституционный процесс, конституционные поправки, политическая система, «жёсткие» и «сверхжёсткие» конституции, публичная власть, институциональный дизайн, Конституция России, политическая система России

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаю благодарность кандидату политических наук, доценту Абрамову Андрею Вячеславовичу за идею рассмотреть поправки в Конституцию РФ в политико-правовом поле и ценные рекомендации при обсуждении статьи.

СТРУКТУРА

Введение

Процедура внесения поправок и пересмотра Основного закона

«Обновление фасада»: конституционные поправки 1996–2008 гг.

«Укрепление основ»: поправки 2008–2019 гг.

Конституционная реформа 2020 г.: «перепланировка здания»

Заключение

R. Alekseev

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytyschi 141014, Moscow region, Russian Federation

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE HISTORY OF AMENDMENTS

ABSTRACT

Aim. To characterize and analyze the 1996–2020 constitutional amendments, which affected the organization and functioning of the highest bodies of state power, local self-government and the federal structure of the country.

Methodology. A comparison of the constitutional process in Russia and the countries of the near and far abroad is made; a political and legal analysis of the process of making changes to the Constitution of Russia in concrete historical conditions and development is carried out.

Results. The author offers the following periodization of the constitutional transformations stages: stage 1 (1996–2008) – “renovation of the facade”, during which the names of the subjects of the Federation were changed in the Basic Law; stage 2 (2008–2019) – “strengthening of the foundations” – amendments aimed at strengthening the power vertical and the institutional design of the highest state authorities in the country; stage 3 (from 2020) – “redevelopment of the building” – a significant transformation of the Russian political system, strengthening of presidential power, unification under the definition of “public power” of its three levels – federal, regional and municipal.

Research implications. The author’s approach is formulated in the article, which consists in highlighting the stages of constitutional reforms in Russia aimed at modifying the political system of society.

KEYWORDS

Constitutional process, constitutional amendments, political system, “rigid” and “super-rigid” constitutions, public power, institutional design, the Constitution of Russia, the political system of Russia

ACKNOWLEDGMENT

I express my gratitude to the candidate of political sciences, associate professor Abramov Andrey Vyacheslavovich for the idea to consider the amendments to the Constitution of the Russian Federation in the political and legal field and for valuable recommendations when discussing the article.

ВВЕДЕНИЕ

Российская Конституция 1993 г. принималась всенародным голосованием в сложной политической ситуации в стране, в ходе противостояния первого президента России Б. Н. Ельцина и Верховного Совета РСФСР, закончившегося силовым роспуском главой государства высшего органа законодательной власти. В этот непростой и переломный для нашего Отечества момент путём волеизъявления граждан РФ и была принята действующая Конституция, разработанная Конституционным Собранием при президенте, впитавшая в себя новые политические реалии, установившая отличающуюся от советского и раннего постсоветского периодов систему органов государственного управления, закрепившая на государственном уровне конститу-

ционные основы государственного строя, права и свободы человека и гражданина, самостоятельность местного самоуправления, ставшего независимым уровнем публичной власти в стране. Исследование в хронологическом порядке вносимых в Конституцию РФ поправок позволит не только провести их комплексный анализ, но и наглядно продемонстрирует их воздействие на политическую систему, поможет выявить позитивные и негативные векторы проводимого в стране политического курса.

Проблематика конституционных преобразований в нашей стране рассматривалась целым рядом учёных, таких как: С. Э. Авакьян [2], С. С. Алексеев [4], В. Э. Багдасарян [5], М. В. Баглай [6], Н. В. Витрук [8], А. В. Зиновьев [10], В. Д. Зорькин [11], О. Е. Кутафин [13], Е. А. Лукьянова [14], А. Н. Медушевский [15], Я. А. Пляйс [16], Т. Я. Хабриева [19], В. Е. Чиркин [20], Б. С. Эбзеев [21] и др. В юридических исследованиях чаще освещаются вопросы, касающиеся организационно-правовой процедуры внесения поправок и пересмотра Основного закона, каждая из поправок исследуется индивидуально, тогда как в политологических изысканиях даётся характеристика политических реалий, в которых принималось решение о проведении конституционных преобразований.

В ходе проведённого исследования будут решены следующие задачи: изучение процедуры внесения поправок и пересмотра Конституции России; проведение политико-правового анализа этапов конституционных преобразований, проводившихся с 1996 г. по 2020 г.; оценка конституционной реформы 2020 г., выявление сильных и слабых сторон данных изменений.

ПРОЦЕДУРА ВНЕСЕНИЯ ПОПРАВОК И ПЕРЕСМОТРА ОСНОВНОГО ЗАКОНА

Характеризуя процедуру внесения поправок и пересмотра российской конституции, стоит отметить тот факт, что разработчики текста Основного закона 1993 г., в отличие от авторов Конституции РСФСР 1978 г. (в которую за относительно короткий период с 1989 по 1993 гг. внесли свыше трёхсот поправок), учли не только предшествующий советский, но и зарубежный опыт (США, Франции, Италии и ряда других государств), предусмотрели более сложный порядок конституционных корректировок. Данной процедуре посвятили отдельную главу конституции (9 глава), усложнив не только процесс пересмотра главного закона страны, выступающего ядром правовой системы, но и внесения поправок, затрагивающих отдельные сферы жизнедеятельности. Таким образом, в отличие от Конституции РСФСР 1978 г., которая могла быть изменена не менее $\frac{2}{3}$ голосов депутатов Верховного Совета РСФСР (а с 1992 г. – делегатами Съезда народных депутатов РФ)¹, Конституция РФ 1993 г. является «жёсткой» и требует более сложной процедуры, не только для пересмотра и принятия нового Основного закона, но и для внесения поправок [9, с. 41].

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407 (утратила силу).

На основании положений, содержащихся в девятой главе Основного закона 1993 г., конституционные поправки могут вноситься лишь в шесть глав, с третьей по восьмую, касающихся организации и деятельности высших органов власти (президента, парламента, правительства, судов и прокуратуры), особенностей федеративного устройства и местного самоуправления. Правом на инициативу о внесении конституционных поправок (равно как и на пересмотр конституции) обладает ограниченный круг политических акторов, таких как глава государства, правительство, палаты Федерального Собрания РФ (парламента), а также не менее $\frac{1}{5}$ от общего числа каждой из палат российского парламента и региональные представительные органы власти [3, с. 99]. Для того чтобы данная инициатива получила дальнейшую реализацию, в обеих палатах российского парламента проводится голосование квалифицированным большинством парламентариев каждой из палат ($\frac{2}{3}$ в Госдуме и $\frac{3}{4}$ в Совете Федерации), после чего поправка должна быть одобрена $\frac{2}{3}$ региональных парламентов².

Однако, проводя параллели с конституциями ряда зарубежных государств, стоит отметить, что предусмотренный в нашей стране порядок внесения поправок не является самым сложным и гарантирующим неизменность конституционных норм. Так, например, в Италии на основании положений, закреплённых в действующей Конституции (1947 г.), необходимо, чтобы поправка утверждалась дважды обеими палатами парламента (после первого голосования за поправки, по прошествии трёх месяцев состоится повторное голосование). С точки зрения разработчиков конституции, такая процедура должна избавить парламентариев от поспешности и сиюминутности принимаемых решений. В США применяется не менее сложная процедура для конституционных поправок, каждая из которых должна быть одобрена обеими палатами Конгресса, поддержана не менее 38 штатами, на что им отводится семь лет (для сравнения, срок утверждения конституционной поправки региональными парламентами в нашей стране составляет всего один год). Столь сложная процедура конституционных преобразований способствовала тому, что за длительный период действия американской конституции (введена в 1787 г.), в неё было внесено вплоть до настоящего времени всего лишь 27 поправок³.

Текст конституционных поправок в России может приниматься лишь на основе конституционных федеральных законов или законов о внесении поправок, а также указов главы государства. Это свидетельствует о важности для государства проводимых преобразований и должно гарантировать стабильность текста Основного закона, т. е. он не может подвергаться изменению.

² Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 года (ред. от 14.03.2020 № 1-ФКЗ), ст. 136 // Российская газета. 2020. 04 июля. № 144.

³ Конституция США. Текст Конституции в переводе на русский язык [Электронный ресурс]. URL: <https://brightonbeachnews.com/rus/constitution-of-the-usa-russian-text/> (дата обращения 20.01.2021).

ям в угоду отдельных политических сил. В том случае, если конституционные поправки затрагивают систему высших органов публичной власти, федеративное устройство России или местное самоуправление, они принимаются на основании законов о внесении поправок в конституцию.

Таким образом, в России, как и в большинстве стран мира, поправка (либо несколько поправок) должна быть одобрена, не только обеими палатами парламента и квалифицированным большинством региональных представительных органов власти, но и санкционирована главой государства. В том случае, если поправки вносятся в 65 статью Конституции России, в которой перечисляется перечень субъектов, входящих в её состав, корректировка может быть осуществлена в соответствии с принятием ФКЗ о принятии (или образовании) в составе РФ нового субъекта. Тогда как при изменении названия региона (т.е. субъекта РФ), поправки могут вноситься на основании указа главы государства.

О незыблемости ключевых положений действующей российской конституции свидетельствует и тот факт, что основы государственного строя (1 глава), права и свободы человека и гражданина (2 глава), а также порядок внесения конституционных поправок и пересмотр конституции (9 глава), не могут быть изменены без пересмотра действующей и принятия новой конституции. Данная процедура носит более усложненный порядок, в силу чего данные главы зачастую называются «сверхжесткими». Для пересмотра действующего Основного закона необходимо не просто одобрение данной процедуры квалифицированным большинством голосов в $\frac{3}{5}$ парламентариев каждой из палат российского парламента, но и подтверждение данного решения специально созданным Конституционным Собранием, которое должно подготовить проект новой конституции, и либо вынести его на референдум, либо принять квалифицированным большинством голосов в $\frac{2}{3}$ от числа членов данной инстанции⁴. Сложность состоит в следующем: несмотря на то, что действующая конституция была принята более двадцати лет назад, закон о Конституционном Собрании так и не был принят. Данное обстоятельство можно объяснить двумя причинами: желанием властвующих политических элит сохранить незыблемость основ российской государственности, заложенных ещё в начале 1990-х гг., и заботой о стабильности основных положений базового нормативного акта в стране.

«ОБНОВЛЕНИЕ ФАСАДА»: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПОПРАВКИ 1996–2008 ГГ.

Вплоть до начала июля 2020 г. в действующий Основной закон России было внесено всего пятнадцать поправок. В период президентства Б. Н. Ельцина (вплоть до конца 1999 г.) и в первые два президентских срока В. В. Путина (вплоть до 2008 г.) Конституция России практически сохраняла свой пер-

⁴ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 года (ред. от 14.03.2020 N 1-ФКЗ), ст. 135 // Российская газета. 2020. 04 июля. № 144.

воначальный текст, вносимые корректировки затрагивали лишь субъектный состав РФ (т.е. ст. 65).

Применительно к президентству Б. Н. Ельцина, незначительность вносимых изменений объясняется отсутствием у главы государства поддержки в нижней палате парламента, которая неоднократно предпринимала попытки отрешить президента от занимаемой должности путём импичмента (1993 г., 1999 г.). В создавшейся обстановке о каких-либо серьёзных корректировках конституции, а тем более её изменении, не могло идти речи, т. к. это могло привести к конституционному кризису и повтору событий октября 1993 г.

Первые поправки в Конституцию России были внесены указом президента Б. Н. Ельцина от 9 января 1996 г. и связаны с корректировкой названий двух соседних республик – Северной Осетии, добавившей в своё наименование – Алания и Ингушской республики, которая трансформировалась в Республику Ингушетию⁵. Вслед за этим последовал указ главы государства от 10 февраля 1996 г., согласно которому Республика Калмыкия – Хальмг Тангч получила более лаконичное название Республика Калмыкия⁶.

Не спешил с внесением серьёзных поправок и второй президент России В. В. Путин, неоднократно заявлявший в течение первых двух президентских сроков о том, что нельзя менять Основной закон страны в угоду политической конъюнктуры. Третьей по счёту поправкой, затронувшей название одного из субъектов РФ, стало переименование Чувашской Республики – Чуваш Республики – указом главы государства от 9 июня 2001 г. в Чувашскую Республику – Чувашию⁷. Вслед за ней последовала поправка от 25 июля 2003 г. о добавлении в название Ханты-Мансийского автономного округа указом главы государства слова Югра⁸.

На основании пяти федеральных конституционных законов в период с 2005 г. по 2008 г. произошло укрупнение входящих в состав РФ субъектов, были образованы четыре новых края: Пермский (объединение Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области в 2005 г.), Красноярский (объединение Эвенкийского и Таймырского автономных округов в 2007 г.); Камчатский (объединение Корякского автономного округа и Камчатской области в 2007 г.); Забайкальский (слияние Агинского Бурятского автономного

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 09.01.1996 № 20 «О включении новых наименований субъектов Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» // Российская газета. 1996. 13 января. № 7.

⁶ Указ Президента РФ от 10.02.1996 № 173 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» // Российская газета. 1996. 15 февраля. № 31.

⁷ Указ Президента РФ от 09.06.2001 № 679 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» // Российская газета. 2001. 14 июня. № 111.

⁸ Указ Президента РФ от 25.07.2003 N 841 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 30 июля. № 151.

округа и Читинской области в 2008 г.), а также образована одна область (в 2008 г. Усть-Ордынский Бурятский автономный округ был преобразован в Иркутскую область).

Как видим, все конституционные поправки, вносившиеся в период с 1996 по 2008 гг., касались именно ст. 65 Конституции РФ и были связаны либо с переименованием, либо с объединением (укрупнением) субъектов РФ [19, с. 275]. Изменения не затронули принципы и не изменили модель российского федерализма, именно поэтому первый этап конституционных преобразований можно с полным основанием назвать временем «косметического ремонта» российской политической системы, «обновлением её фасада».

«УКРЕПЛЕНИЕ ОСНОВ»: ПОПРАВКИ 2008–2019 ГГ.

Вторым этапом конституционных преобразований стали поправки, внесённые в Основной закон с конца 2008 г. по 2019 г., направленные на укрепление властной вертикали вообще, и главенствующей роли президента в частности.

Начало данному этапу конституционных преобразований было положено третьим Президентом России Д. А. Медведевым, инициативы которого коснулись системы высших органов государственной власти. Они вносились двумя Законами о поправках в Конституцию РФ от 30 декабря 2008 года⁹ и затронули сразу несколько статей Основного закона (ст. 81, 96, 103 и 114). Срок президентских полномочий с четырёх лет был увеличен до шести, что объяснялось желанием правящей элиты сохранить стабильность сформированной политической системы и обеспечить преемственность смены политических лидеров.

Как показывает политическая практика, продление сроков полномочий не является специфическим российским явлением, это характерно для значительной части государств постсоветского пространства (Киргизия, Туркмения, Белоруссия, Казахстан), в которых имеют место автократические тенденции. Обратный пример демонстрирует Франция (президентско-парламентская республика), где в 2000 г. срок полномочий главы государства был сокращён с семи до пяти лет [12, с. 97].

Одновременно с увеличением сроков президентских полномочий, в 2008 г. были продлены и полномочия российских парламентариев с четырёх до пяти лет. Данная новация законодательства была апробирована на выборах депутатов Государственной Думы в 2011 г. За поправки проголосовало подавляющее большинство российских парламентариев (фракции «Единая

⁹ Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» // Российская газета. 2008. 31 декабря. № 267; Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // Российская газета. 2008. 31 декабря. № 267.

Россия», ЛДПР, «Справедливая Россия»). Против выступили лишь депутаты от КПРФ, критиковавшие вносимые изменения за то, что они могут привести не только к монополизации власти, но и к снижению явки на выборы [12, с. 97]. Стоит отметить, что электоральная активность избирателей действительно снизилась и составила на выборах в Государственную Думу 2016 г. 47,88 %¹⁰.

Следующая поправка от 2008 г. затронула две статьи конституции (ст. 103 и 114), наделив Госдуму более широкими полномочиями в отношении Правительства РФ. До внесения данной поправки высший орган исполнительной власти должен был лишь отчитываться перед парламентариями об исполнении федерального бюджета [18, с. 27], тогда как после 30 декабря 2008 г. нижняя палата российского парламента получила право требовать у правительства отчёт о проделанной работе и отвечать на поставленные вопросы. За данную поправку, продемонстрировавшую готовность нового главы государства поделить некоторыми своими полномочиями с законодательной ветвью, проголосовали практически все парламентарии.

В течение практически шести лет в Конституцию РФ не вносились поправки, что можно объяснить стабильным функционированием установившейся в стране политической системы. Однако, уже летом 2013 г. в ходе Петербургского международного экономического форума, вновь избранный в 2012 г. на президентский пост В. В. Путин озвучил предложение об укреплении единства судебной системы путём объединения двух высших судебных инстанции Верховного и Высшего Арбитражного судов. Законом о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г.¹¹ были внесены поправки в целый ряд статей (ст. 71, 83, 102, 104, 125, 126, 128, 129), на основании которых из текста Основного закона были исключены упоминания о Высшем Арбитражном суде, расширены полномочия главы государства при назначении прокуроров (с этого момента президент получил возможность назначать и освобождать от должности прокуроров субъектов РФ и иных прокуроров, за исключением прокуроров низовых уровней – городских и районных). Изменилось и название седьмой главы Конституции России, которая в своё название наряду с «судебной системой» добавила слово «прокуратура», что имеет вполне логичное объяснение, т. к. данная инстанция, исходя из положений, содержащихся в ст. 129, не относится к судебной власти и осуществляет надзорные функции за соблюдением конституции и законов.

Арбитражный суд был упразднён (равно, как и ст. 127 Конституции РФ), и в августе 2014 г. прекратил своё существование, его полномочия были переданы Верховному суду РФ, который за счёт этого расширил свой функционал,

¹⁰ Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&root_a=null&vrn=100100067795849®ion=0&global=1&type=0&prver=0&pronetvd=null (дата обращения 17.01.2020).

¹¹ Закон о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 07 февраля. № 27.

став высшей судебной инстанцией не только при рассмотрении дел, подсудных судам общей юрисдикции, но и при рассмотрении экономических споров.

Данная поправка вызвала весьма неоднозначное отношение среди представителей экспертного сообщества. Звучали мнения, как в защиту данной инициативы, так и против. К числу сторонников объединения двух высших судебных инстанций можно отнести лидера партии «Справедливая Россия» С. М. Миронова, полномочного представителя Правительства РФ в высших судебных инстанциях М. Ю. Барщевского, занимавшего на тот момент должность главы профильной комиссии Общественной палаты РФ А. Г. Кучерену, которые полагали, что данная мера позволит исключить противоречия в правоприменительной практике. Противниками поправки стали экс-глава Минфина А. Л. Кудрин; В. П. Лукин, занимающий на тот момент должность Уполномоченного по правам человека и С. А. Белковский – политолог и политтехнолог. По мнению последнего, объединение судов объясняется не столько необходимостью координации работы судебных инстанций, сколько борьбой за влияние различных кремлёвских кланов¹². Как бы то ни было, но данная поправка упрочила позиции Верховного суда РФ, ставшего высшей судебной инстанцией не только среди судов общей юрисдикции, но и среди арбитражных судов.

Затронули поправки 2014 г. и структуру верхней палаты российского парламента, порядок образования которой неоднократно менялся с 1995 г. Однако ранее перемены не отражались на положениях, закреплённых в Конституции России. Лидер ЛДПР В. В. Жириновский выступил с законодательной инициативой, поддержанной более 90 депутатами Государственной Думы, о введении в состав Совета Федерации представителей РФ, которые должны назначаться на должность главой государства пожизненно. Закон РФ о поправке к Конституции от 21 июля 2014 г. «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»¹³ затронул ст. 83 и 95, в которые были внесены корректировки, предоставляющие президенту право на назначение в верхнюю палату парламента не более 10% представителей РФ от общего числа сенаторов, которые не могли быть отстранены от должности вновь избранным главой государства.

Несмотря на поддержку данной поправки квалифицированным парламентским большинством, она вызвала критику со стороны экспертного сообщества, увидевшего в пожизненном сенаторстве синекуру для видных политиков, утративших свои позиции в госструктурах¹⁴. Курс на «сбережение

¹² Эксперты назвали плюсы и минусы объединения судов и предположили, кто возглавит новую инстанцию URL: https://www.newsru.com/russia/07oct2013/courts_opinions.html (дата обращения 14.01.2020).

¹³ Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 23 июля. № 163.

¹⁴ Сенаторы с пожизненным сроком. Ради обновления элиты старым партиям найдут

элиты» в Совете Федерации был продолжен и в поправках 2020 г., на основании которых число сенаторов, назначаемых президентом, не только увеличилось, но и была установлена квота для семи пожизненных членов Совета Федерации.

В 2014 г. была внесена ещё одна важная поправка в ст. 65 Конституции РФ: численность субъектов федерации увеличилась с 83 до 85 в результате вхождения в состав России республики Крым и города федерального значения Севастополь. Это стало возможным после проведения референдума о воссоединении с Россией бывших территорий Украины (за «возвращение в родную гавань» высказалось 96,77 % крымчан и 95,6 % севастопольцев)¹⁵. Результаты референдума закрепил ФКЗ от 21 марта 2014 г., в результате которого число республик в составе России увеличилось до двадцати двух, а городов федерального значения до трёх.

Последняя на настоящее время поправка, внесенная в ст. 65 Конституции России о переименовании названия субъекта в составе РФ, была произведена указом Президента России от 27 марта 2019 г.¹⁶. Кемеровская область добавила к своему названию слово «Кузбасс», чтобы увязать название территории с одним из самых крупных угольных месторождений не только в России, но и в мире.

Таким образом, охарактеризовав содержательную сторону поправок 2008 г., 2014 г. и 2019 г., можно прийти к выводу, что второй этап конституционных преобразований был направлен на укрепление властной вертикали и президентской власти. Институт главы государства упрочил своё положение в системе высших органов госвласти в России, став главенствующим властным актором, а также произошло реформирование законодательных и судебных инстанций.

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 2020 Г.: «ПЕРЕПЛАНИРОВКА ЗДАНИЯ»

Третий этап конституционных преобразований, начавшийся с 2020 г., является самым масштабным, т. к. затронул шесть глав Конституции России (с третьей по восьмую), в которые было внесено 206 поправок, касающихся публичной власти, федеративного устройства и местного самоуправления (рис. 1).

теплые места. URL: https://www.ng.ru/politics/2014-02-25/1_senatory.html (дата обращения 12.01.2021).

¹⁵ Протокол Комиссии Автономной Республики Крым по проведению общекрымского референдума о результатах референдума. 17 марта 2014 г. Заверенная копия из Государственного Совета РК. URL: <http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/protokol-komissii-avtonomnoy-respubliki-krym-po-provedeniyu-obshchekrymskogo-referenduma-o> (дата обращения 14.01.2021).

¹⁶ Указ Президента РФ от 27.03.2019 № 130 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. 01 апреля. № 13. Ст. 1390.

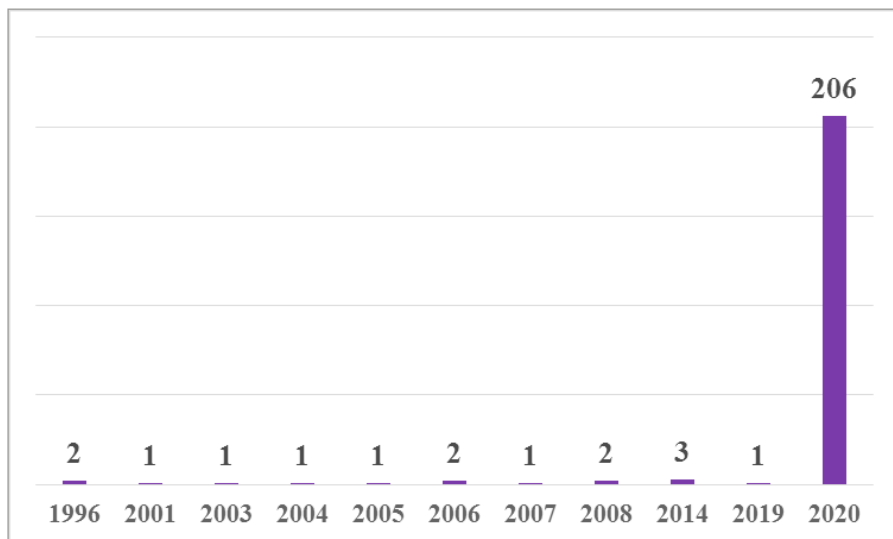


Рис. 1 / Fig. 1. Динамика внесения конституционных поправок / Dynamics of constitutional amendments

Примечание: в 2008 г. две поправки были внесены в 4 статьи; в 2014 г. три поправки внесли в 11 статей, изменено название 7 главы и убрана ст. 127; в 2020 г. внесено 206 поправок в 41 статью Конституции РФ.

С инициативой о внесении поправок выступил Президент РФ В. В. Путин в обращении к палатам Федерального Собрания РФ 15 января 2020 г. Как уже отмечалось выше, ранее В. В. Путин неоднократно высказывался против внесения поправок в Основной закон, считая, что исправление Конституции может породить политическую нестабильность [15, с. 56]. Однако, как показало время, точка зрения высшего руководства может меняться под воздействием обстоятельств и происходящих в стране событий.

В ходе обсуждения предложенных главой государства поправок, была создана рабочая группа из 75 членов, которая должна была подготовить предложения о поправках в Основной закон. В конце января 2020 г. главой государства был внесён в нижнюю палату российского парламента законопроект под названием «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» [17, с. 51], который был принят большинством голосов депутатов Госдумы (за исключением парламентариев от партии КПРФ и одного справедливоросса) и одобрен Советом Федерации (при одном голосе против и трёх воздержавшихся от голосования). Далее последовало одобрение закона всеми 85 субъектами РФ (при конституционной норме в $\frac{2}{3}$ от общего числа субъектов РФ), после чего документ был подписан главой государства.

По словам В. В. Путина, окончательное решение по поправкам в Конституцию должен принимать «многонациональный народ» России, поэтому

было принято решение о проведении общероссийского голосования по поправкам. Первоначально плебисцит планировался на 22 апреля, но из-за пандемии COVID-19 голосование было перенесено на 1 июля 2020 г. [7, с. 4]. Голосование по всем поправкам решено было проводить «одним пакетом». Ответом на критику принятого решения был аргумент, что голосование подразумевает либо утвердительный, либо отрицательный ответ на поставленный вопрос и голосовать за каждую поправку в отдельности не представляется целесообразным.

Стоит отметить, что в связи с пандемией COVID-19, ЦИК РФ было принято решение о возможности голосования по поправкам в течение недели и не только на избирательных участках, но и на придомовых территориях, что было тут же названо либеральными СМИ «голосованием на пеньках»¹⁷. На опасность изменения результатов волеизъявления из-за того, что в ночное время суток урны для голосования находились без наблюдения, указывали представители оппозиционных партий и ряда интернет-платформ. Всё это оказывало негативное влияние на общественное мнение.

С открытыми письмами против поправок к главе государства обратились около четырёхсот учёных, журналистов и писателей (среди которых член-корреспондент РАН, декан юридического факультета МГУ А. К. Галиченков, академик РАН Е. А. Аникин, журналист Л. Г. Парфёнов, писатель В. А. Шендерович и др.), 192 депутата представительных органов муниципальных образований и законодательных инстанций более двадцати регионов. В марте 2020 г. с заявлением в Совет Европы о проведении правовой экспертизы вносимых в российскую конституцию поправок обратились более сотни правозащитников, политологов и юристов¹⁸.

Внесённые 14 марта 2020 г. поправки в Конституцию коснулись 41 статьи в шести главах, при этом не затронув 1, 2 и 9 главы Основного закона, обладающие «сверхжёсткой» защитой¹⁹. В ходе общероссийского голосования по поправкам (явка на котором могла быть и менее 50%), по данным ЦИК РФ, приняло участие 67,97 % граждан РФ, обладающих активным избирательным правом, при этом «за» высказалось подавляющее большинство голосующих – 77,92 %, а против только – 21,27 %²⁰.

¹⁷ ЦИК узаконил «голосование на пеньках». Комиссия готова и к выборам, и к провокациям по их дискредитации // Коммерсант : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4484486> (дата обращения: 20.01.2021).

¹⁸ Против поправок в Конституцию выступили почти 400 ученых, журналистов, юристов // kurer-sreda.ru. URL: <https://kurer-sreda.ru/2020/03/16/524280-protiv-popravok-v-konstituciyu-vystupili-pochti-400-uchenyx-zhurnalistov-yuristov-polnyj-spisok> (дата обращения 18.01.2021).

¹⁹ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ. «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. 06 апреля. № 14. Ст. 1416.

²⁰ Центральная избирательная комиссия Российской Федерации : [Официальный сайт]. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&root_a=null&vrn=100100067795849®ion=0&global=1&type=0&prver=0&pronetvd=null (дата обращения 17.01.2020).

Ряд оппозиционно настроенных российских СМИ, а также зарубежные издания сразу после проведения голосования сообщали о нарушениях при процедуре голосования, также критиковали агитацию в поддержку вносимых поправок²¹.

Рассмотрим и проанализируем конституционные поправки 2020 г., условно разделив их на три крупных блока: федеративное устройство (глава 3), организация и функционирование федеральных органов власти (затрагивающие институт президента, законодательной, исполнительной, судебной власти, конституционные основы формирования и деятельности прокуратуры – главы с 4 по 7), местное самоуправление (глава 8). Стоит отметить, как уже упоминалось выше, что поправки, касающиеся территориально-политического устройства, вносились и ранее в третью главу (ст. 65 Конституции России), при этом они не затрагивали принципов и концепции российского федерализма.

Поправками, внесёнными в третью главу конституции (первый блок поправок), было закреплено положение о правопреемстве современной России от СССР (ст. 67.1), зафиксировано требование о защите исторически сложившегося государственного единства своей территории (ч. 2.1 ст. 67), русский народ объявлен «государствообразующим» (ч. 1 ст. 68), установлены требования, направленные на защиту культурной самобытности проживающих на территории России народов и соотечественников, проживающих на территории иностранных государств (ст. 69), увеличены полномочия, находящиеся в совместном ведении России и её регионов (к ним отнесены молодёжная политика, медицинская помощь, сельское хозяйство, защита института семьи и брака – ст. 72). Подверглись корректировке и исключительные полномочия РФ (статья 71 была дополнена рядом положений, расширяющих перечень вопросов, отнесённых к ведению федерального центра, например, применение информационных технологий, цифровые данные, метрологическая деятельность и ряд иных вопросов). Все вышеперечисленные поправки направлены на сохранение исторических традиций, укрепление территориальной целостности страны, признание самобытности культуры населяющих её народов, а также разграничение вопросов ведения России и её субъектов.

Исходя из поправок, внесённых в третью главу Основного закона, можно отметить, что большая их часть в целом направлена на предоставление ряда социальных гарантий гражданам РФ, которые скорее должны быть отнесены к второй главе (характеризующей правовой статус личности). Однако, вторая глава обладает особой конституционной защитой, в неё не могут вноситься поправки, поэтому законодателем было принято решение дополнить третью

²¹ Игорь Сопов: Закон о выборах на голосование по Конституции не распространяется // Псковская лента новостей. URL: <https://pln-pskov.ru/society/382562.html> (дата обращения 15.01.2021); Brendan Cole On 7/3/20 at 11:20 AM EDT. Ballot fraud gave Russia's Putin 22 million extra votes, says expert // Newsweek. 2020. 3 July.

главу, закрепив данные гарантии в положениях, касающихся деятельности государства в социально-экономической сфере на федеральном уровне.

К числу таких гарантий отнесены установление МРОТ не менее величины прожиточного уровня трудоспособных граждан, адресная соцподдержка нуждающихся, обязательная индексация социальных пособий, уважение и защита трудовых и иных прав граждан (ст. 75), обеспечение условий для повышения уровня их благосостояния и реализацию иных мер (ст. 75.1), направленных на взаимное доверие между аппаратом публичной власти и населением. Безусловно данные гарантии важны для населения, они призваны стабилизировать обстановку в сфере занятости и трудоустройства, пенсионного обеспечения и снять социальную напряжённость в обществе. Однако, практически все вышеперечисленные стандарты закреплены в статьях второй главы, характеризующих конституционные права и свободы граждан, плюс к этому гарантии их реализации содержатся в нормах отраслевого законодательства.

Внесены были в третью главу и поправки, детализирующие статус глав регионов, который ранее определялся федеральными законами. Дополнены ст. 77 и 78, в которых установлены требования для занятия должности главы региона (губернатора) и руководителя федерального органа власти. Возрастной ценз устанавливается на уровне 30 лет. При этом ужесточаются требования, касающиеся ценза гражданства, с принятием поправок лицо, претендующее на занятие этих должностей, должно не просто обладать российским гражданством, но и не должно иметь гражданства (подданства) иностранного государства или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание за рубежом. Наряду с этим устанавливается запрет на вклады и счета в иностранных банках, что позитивно сказывается на статусе выборных и назначаемых должностных лиц, призванных защищать интересы граждан своей страны. Однако стоит отметить, что данные требования к вышеуказанным лицам устанавливались и ранее в нормах действующего отраслевого законодательства.

Закрывают перечень поправок, внесённых в главу о федеративном устройстве, положения, касающиеся приоритета норм Конституции РФ над решениями межгосударственных инстанций, в том случае, если они противоречат Основному закону. Данное требование, установленное обновлённой ст. 79 Конституции России, отчасти идёт вразрез с положением ч. 4 ст. 15, на основании которого устанавливается приоритет норм международного права (в том числе международных договоров) над национальным законодательством, в случае их ратификации (т. е. одобрения для применения со стороны российской власти). Нашло отражение в третьей главе и упоминание об укреплении международного мира и безопасности, недопущения во внутренние дела вмешательства со стороны иностранных государств (для чего в Конституцию РФ была внесена новая ст. 79.1). Данные новации конституци-

онного законодательства представляют ценность при защите национальных интересов и национальной безопасности страны, содержатся в большинстве международных актов, устанавливающих международные стандарты в области коллективной безопасности.

Переходим ко второму блоку поправок 2020 г., затрагивающих институты федеральных органов власти, который выступает самым объёмным, т.к. включает в себя четыре главы Конституции России. Начнём с главенствующего органа госвласти в России – института президентской власти, которому посвящена целиком четвёртая глава конституции. Конституционные поправки затронули политико-правой статус главы государства, дополнив ст. 80 положением, заимствованным из преамбулы Основного закона, что Президент обеспечивает гражданский мир и согласие в стране, что призвано расширить его полномочия в качестве гаранта Конституции. Внесены поправки и в ст. 81, определяющие требования к кандидату на высший пост в государстве и порядок его избрания на должность, вызвавшие наиболее бурные дискуссии среди как профессиональных политологов, юристов и политических деятелей, так и научного сообщества.

На основании поправок в ст. 81 дополнены требования к кандидатам, претендующим на пост президента, с 10 до 25 лет увеличен ценз оседлости (т.е. постоянного проживания на территории России). Скорректирован и ценз гражданства: от претендента требуется не просто наличие российского гражданства (как было ранее, независимо от оснований его приобретения) и отсутствие иностранного гражданства, вида на жительство или иного документа, подтверждающего его право на проживание на территории иностранного государства (данное требование есть в ФЗ от 10 января 2003 г. «О выборах Президента РФ»), а приобретение российского гражданства может быть только путём филиации (т.е. по рождению). Исключение сделано только для присоединённых к России территорий (Крыма и Севастополя). Аналогичное требование содержится и в Конституции США, лица рождённые за пределами США (за исключением консульских посольств), приобретающие гражданство путём натурализации или по иным основаниям, не могут избираться на пост президента. Вышеперечисленные в Конституции России требования носят вполне обоснованный характер: будущий президент должен знать историю своей страны, выражать интересы граждан, проживающих на её территории.

Однако, положение, дополненное ч. 3 ст. 81 Конституции об «обнулении» президентских сроков действующего главы государства не вызвало столь однозначного отношения как среди представителей экспертного сообщества, так и в избирательном корпусе. На основании опроса, проведённого «Левада-Центром» в марте 2020 г., мнения российских граждан относительно обнуления президентских сроков и возможности действующего главы государства переизбираться в 2024 г. разделились, практически поровну, одо-

бруют 48%, выступают против этого 47 % опрошенных респондентов²², что наглядно свидетельствует об отсутствии единого мнения граждан по столь важному вопросу.

Данная поправка была внесена по предложению космонавта, члена партии «Единая Россия» В. В. Терешковой, выступившей с инициативой отменить ограничения, связанные с числом сроков избрания на высший пост в государстве или же предоставлением действующему президенту права переизбираться без учёта предыдущих сроков нахождения на этом посту. Инициатива была поддержана В. В. Путиным, который заявил, что он не исключает для себя данный вариант при условии поддержки данной поправки парламентом и при наличии положительного заключения Конституционного суда РФ. За данную поправку проголосовали парламентарии трёх фракций, за исключением депутатов от фракции КПРФ. В последующем Конституционный суд РФ признал правомерность данной поправки, хотя в 1998 г. вынес обратно противоположное решение, когда с аналогичным запросом обратился первый президент России Б. Н. Ельцин, объяснив изменение своей позиции возникающими «угрозами для общества и государства, а также общим состоянием, как экономической, так и политической систем»²³.

Внесённые в четвёртую главу поправки, характеристика которых содержится в статьях с 83 по 89 Конституции России, увеличили полномочия главы государства, при этом сократились полномочия Правительства РФ. Президент получил возможность отставки не только правительства в целом, но и отдельно Председателя Правительства РФ (п. «а» ст. 83), общее руководство деятельностью правительства теперь лично осуществляет Президент (однако ответственность за деятельность высшего исполнительного органа власти по-прежнему несёт его председатель) [3, с. 85], федеральные министры назначаются и отстраняются от занимаемых должностей лично главой государства (ранее это полномочие реализовалось им по представлению Председателя Правительства РФ).

Расширились полномочия главы государства и в отношении Госдумы: в ст. 112 появилось ещё одно обстоятельство, предоставляющее возможность роспуска Президентом нижней палаты парламента в случае отклонения ею трижды кандидатур на должности федеральных министров (за исключением

²² Обнуление президентских сроков // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/27/obnulenie-prezidentskih-srokov/> (дата обращения 17.01.2020).

²³ Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // pravo.gov.ru : интернет-портал правовой информации. URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения 17.01.2020).

руководителей силовых министерств). Президент приобрёл право отклонять не только федеральные, но и федеральные конституционные законы, принятые обеими палатами российского парламента, в том случае, если Конституционный суд России даст отрицательное заключение на их соответствие положениям, содержащимся в Конституции России. В этом случае Президент вправе не подписывать вышеперечисленные законы.

Дополнительные полномочия приобрёл глава государства и в отношении формирования Совета Федерации, вместо 10% сенаторов (17 представителей РФ) им могут назначаться 30 (при этом семь сенаторов могут назначаться пожизненно). Также экс-президент наделяется правом стать сенатором пожизненно, аналогичная норма, например, содержится и в итальянском законодательстве, она направлена на предоставление привилегий Президенту, прекратившему исполнять свои полномочия по истечении срока. К тому же президент наделяется неприкосновенностью (ч. 1 ст. 91) даже после прекращения исполнения своих полномочий (лишение его неприкосновенности возможно только тем же путём, который предусматривается в случае импичмента действующему главе государства).

В отношении судебной власти глава государства также наделяется рядом дополнительных полномочий, среди которых стоит отметить возможность на основании п. «е» ст. 83 Основного закона регулировать структуру высших судебных инстанций, путём предложения Совету Федерации кандидатур для назначения на должность (и отстранения от неё) председателя, заместителя (заместителей) и судей Конституционного и Верховного судов РФ, а также судей иных федеральных судов. Полномочия главы государства, для наиболее эффективного функционирования органов публичной власти, дополнили правом на формирование Государственного совета РФ, полномочия которого должны определяться специальным законом. Все вышеперечисленные полномочия, которыми на основании конституционных поправок наделён Президент, свидетельствуют о его главенствующем положении в системе публичной власти в России.

Затронули поправки 2020 г. и три ветви государственной власти, т. к. порядок их функционирования и формирования политических институтов, которыми они представлены, зависит от института президентской власти. Парламентарии верхней палаты парламента не только добавили в свой состав семь пожизненных членов (имеющие «выдающиеся заслуги перед страной») и увеличили число «назначенцев» от главы государства с 17 до 30 лиц, но и изменили своё название с членов СФ на сенаторов (из-за чего видоизменился целый ряд статей конституции). Поправками в ст. 95 были добавлены требования к претендентам на сенаторскую должность (которые ранее содержались только в ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации ФС РФ»), возрастной ценз – 30 лет. Наряду с этим устанавливаются ценз гражданства – гражданство России, при отсутствии у претендентов на должность

гражданства иностранных государств, вида на жительство или иного документа, на основании которого они могут постоянно проживать на территории иностранного государства. Плюс к этому они не должны иметь вклады в иностранных банках. Данные требования устанавливаются не только в отношении будущих парламентариев, но и для лиц, претендующих на занятие высших должностей в исполнительной власти федерального уровня (Председатель Правительства России, федеральные министры и т. д.), судей различных судебных инстанций.

Верхняя палата парламента России получила ряд дополнительных полномочий (ст. 102), которые она может реализовать в тандеме с главой государства, такие как проведение консультаций с президентом, после которых он назначает на должность Генерального прокурора и его заместителей, прокуроров регионов, а также транспортной, военной, природоохранной и иных специализированных прокуратур; руководителей силовых министерств (Вооружённых сил, МЧС, Минобороны и т. д.). Поменялись полномочиями Совет Федерации и Госдума, которая до 2020 г. назначала Председателя Счётной палаты, теперь за это назначение отвечает верхняя палата парламента, что свидетельствует об укреплении её позиций в системе органов государственной власти. Также верхняя палата парламента получила возможность требовать ежегодные отчёты о состоянии правопорядка и законности от прокуратуры.

Не обошёл вниманием при внесении поправок законодатель и нижнюю палату парламента, которая получила номинальную возможность утверждать на должность главу правительства (вплоть до 2020 г. она лишь давала главе государства согласие на назначение), при сохранении за Президентом права назначать главу Правительства и при трёхкратном отклонении предложенной им кандидатуры распускать Госдуму. По представлению главы правительства Дума утверждает на должность федеральных министров (за исключением руководителей силовых министерств) и замов Председателя Правительства РФ. Данные поправки являются реверансом действующей российской власти в сторону парламентской республиканской формы правления. На основании положений, добавленных п. «г. 1» ст. 103 и ст. 103.1 Конституции России, нижняя палата получила возможность получать ежегодные отчеты от ЦБ России и осуществлять функции парламентского контроля, особенности которых должны устанавливаться в отраслевом законодательстве.

Несмотря на увеличение полномочий президента за счёт сокращения их у Правительства, высший орган исполнительной власти наделяется рядом полномочий при проведении им «социально ориентированной государственной политики», среди которых можно выделить меры по социальной защите инвалидов, поддержке волонёрского движения, институтов гражданского общества, предпринимательства, социального партнерства в сфере труда, воспитания у граждан основ экологической культуры (ст. 114). В числе поправок, касающихся статуса правительства, особо стоит выделить

положение о персональной ответственности его главы перед президентом, который вправе как принять отставку правительства, так и отклонить данное предложение.

Несмотря на ряд реформ, проводившихся в стране начиная с 2000 г. и видоизменивших судебную власть, конституционные поправки не обошли стороной и судебную систему современной России. В статью 118 Основного закона, характеризующую судебную систему, включили положение о том, что правосудие может осуществляться и путём арбитражного судопроизводства, детализировав виды судебных инстанций, включенных в судебную систему. Серьёзные изменения после внесения конституционных поправок произошли в структуре Конституционного суда РФ, численность судей которого уменьшилась с 19 до 11, это положение получило формальное (т. е. юридическое) закрепление в ст. 125 Конституции РФ. Плюс к этому, на основании поправок, определили в тексте Основного закона, как формируется структура высшего органа конституционного контроля, его цели и задачи. Конституционный суд не только наделяется правом проверять на конституционность тексты международных договоров, но и принимает решения относительно исполнения или отказа в исполнении (т. е. реализации) решений межгосударственных органов на территории России, если они противоречат нормам Конституции России. Нельзя не согласиться с мнением ряда экспертов что, после внесения поправок, данная судебная инстанция, и без того являющаяся наиболее политизированной из всех федеральных судов, становится ещё более аффилированной с исполнительной властью и главой государства.

В ст. 126 Основного закона уточнена юрисдикция Верховного суда РФ, который выступает высшей судебной инстанцией судов общей юрисдикции и арбитражных судов, осуществляет судебный надзор за их деятельностью. Данные поправки наглядно свидетельствуют о том, что определение порядка образования и структуры, юрисдикции (т. е. специализации) двух высших судебных инстанций получило формальное закрепление в Основном законе страны, нормы которого обладают высшей юридической силой и особой формой защиты.

Третьим блоком поправок к Конституции стало реформирование института местного самоуправления, на основании которых муниципальные органы были включены в систему единой публичной власти (ч. 3 ст. 132) для обеспечения эффективного взаимодействия между различными органами власти по вертикали. Данная поправка отчасти идет в разрез с положением, содержащимся в ст. 12 Конституции РФ, о самостоятельности органов местного самоуправления, не входящих в систему органов госвласти. Наделив местное самоуправление рядом дополнительных полномочий, таких как обеспечение получения жителями муниципальных образований доступной медицинской помощи, было изъято такое важное полномочие, как право на охрану общественного порядка. После внесения поправок в Основной закон, органы госвласти наделили правом на участие в формировании мuni-

ципальных органов и их должностных лиц (ранее данная prerogativa была у самого муниципалитета и его жителей), что свидетельствует об утрате независимости муниципальными образованиями, которые и раньше во многом зависели от вышестоящих уровней власти (дотации, субсидии со стороны региональной и федеральной власти), однако теперь это получило законодательное закрепление на конституционном уровне.

Проанализировав поправки, внесенные в 2020 г., можно сделать вывод, что они коренным образом видоизменили российскую политическую систему, наделив ещё большим спектром полномочий Президента, купировав отчасти полномочия Правительства, сделав его более подотчётным главе государства. В Основной закон была введена дефиниция единой публичной власти, в состав которой включили федеральные, региональные и муниципальные органы, которые лишились своей автономии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев поправки, вносимые в Конституцию России с 1996 г. по 2020 г., приходим к выводу, что несмотря на более сложный порядок корректировок содержания Основного закона по сравнению с Конституцией РСФСР 1978 г. (в особенности после изменения процедуры внесения поправок в 1992 г.), ныне действующая конституция подвержена модификациям в свете видоизменяющейся политической системы общества. Исходя из этого, нивелируется одно из её базовых свойств – стабильность. В то же время, вносимые в неё поправки отражают происходящие в стране изменения. Являясь политико-правовым документом, обладающим верховенством в системе российского права [1, 169], конституция влияет на все сферы жизнедеятельности социума.

Первый этап конституционных преобразований – «обновление фасада», продлившийся с 1996 г. до середины 2008 г., характеризуется желанием правящей элиты сохранить заложенные в начале 1990-х гг. основы новой российской государственности, нежеланием проведения крупных реформ, направленных на модернизацию политической системы. Вносимые в этот период поправки затронули субъектный состав Российской Федерации, отразившись на названиях и числе субъектов, входящих в её состав.

Второй этап конституционного реформирования – «укрепление основ», продлившийся с конца 2008 г. по 2019 г., ознаменовался преобразованиями, направленными на укрепление президентской власти, реформированием законодательной и судебной власти, затронул практически всю систему управления.

Данный период послужил предтечей масштабной конституционной реформы 2020 г., третьего этапа – «перепланировки здания», в ходе которого в Основной закон внесли 206 поправок, затронувших шесть глав Конституции, завершивший начатое в 2008 г. перераспределение властных полномочий между органами государственной власти в пользу главы государства.

Таблица 1 / Table 1

Характеристика поправок, внесенных в Конституцию Российской Федерации 1993 г. / Description of the amendments made to the Constitution of the Russian Federation in 1993

Этап внесения поправок	Временной период	Авторское название этапов	Количество внесенных поправок	Характеристика поправок
1	1996г. – середина 2008г.	«обновление фасада»	11	затронули субъектный состав РФ
2	конец 2008г.- 2019г.	«укрепление основ»	4	затронули систему госуправления (укрепление президентской власти, реформирование законодательной и судебной власти)
3	2020 г.	«перепланировка здания»	206	изменение политической системы

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В. 12 лекций по политологии : учебное пособие для бакалавров. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 260 с.
2. Авакьян С. Э. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 7–33. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-3-7-33.
3. Алексеев Р. А. Типы современных конституций: сравнительный подход // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4 (14). С. 78–104.
4. Алексеев С. С. У истоков Конституции России (субъективные заметки) // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 3 (30). С. 56–84.
5. Багдасарян В. Э. Конституция Российской Федерации в сравнительном страновом и историческом анализе. М.: Отчий дом, 2019. 296 с.
6. Баглай М. В. Конституция Российской Федерации : историко-правовой комментарий М.В. Баглая. 3-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 159 с.
7. Баринов Э. Э. Конституционная реформа 2020: особенности процедуры и юридической техники // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 3–8.
8. Витрук Н. В. Верность Конституции. М.: Издательство РАП, 2008. 272 с.
9. Зенкин С. А. Модернизация Конституции Российской Федерации: нормативная модель и практика // Lex Russica. 2018. № 11 (144). С. 40–62.

10. Зиновьев А. В. Концепция первоочередных поправок в Конституцию России // Правоведение. 2000. № 4. С. 46–61.
11. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 720 с.
12. Кузнецов И. И. Поправки-2008 к Конституции России: политические изменения в системе государственной власти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2009. Т. 9. № 3. С. 94–100.
13. Кутафин О. Е. Избранные труды / сост. В. В. Комарова. Том II. М.: Проспект, 2017. 680 с.
14. Лукьянова Е. А. Некоторые проблемы Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 15. С. 4–10.
15. Медушевский А. Н. Конституционная реформа в России: содержание, направления и способы осуществления // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 39–60.
16. Пляйс Я. А. Непрочный фундамент: компаративный анализ оценок российской конституции 1993 года // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 3. С. 32–45.
17. Таева Н. Е. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации: эволюция юридических свойств // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8. С. 43–54.
18. Федорченко С. Н. Государственная кадровая политика в Советском Союзе и современной России: политико-философский анализ. М.: Инфра-М, 2017. 154 с.
19. Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В. Конституционные реформы на постсоветском пространстве: тенденции развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 272–287.
20. Чиркин В. Е. Верна ли терминология о принятии поправок к Конституции Российской Федерации? // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 3–7.
21. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. 336 с.

REFERENCES

1. Abramov A. V. *12 leksii po politologii : uchebnoe posobie dlya bakalavrov* [12 lectures on political science: a textbook for bachelors]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2013. 260 p.
2. Avakyan S. E. [Constitutional reform 2020 and Russian Parliamentarism: reality, decisions, expectations]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2020, no. 3, pp. 7–33. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-3-7-33.
3. Alekseev R. A. [Types of modern constitutions: a comparative approach]. In: *Grazhdanin. Vybory. Vlast'* [Citizen. Elections. Power], 2019, no. 4 (14), pp. 78–104.
4. Alekseev S. S. [At the origins of the Constitution of Russia (subjective notes)]. In: *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [University of Humanities Bulletin], 2020, no. 3 (30), pp. 56–84.

5. Bagdasaryan V. E. *Konstituciya Rossijskoj Federacii v sravnitel'nom stranovom i istoricheskom analize* [The Constitution of the Russian Federation in comparative country and historical analysis]. Moscow, Otchiy dom Publ., 2019. 296 p.
6. Baglay M. V. *Konstituciya Rossijskoj Federacii: istoriko-pravovoj kommentarij M. V. Baglaya* [The Constitution of the Russian Federation: historical and legal commentary by M. V. Baglay]. 3rd ed. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2010. 159 p.
7. Barinov E. E. [Constitutional reform 2020: peculiarities of procedure and legal technique]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2020, no. 8, pp. 3–8.
8. Vitruk N. V. *Vernost' Konstitucii* [Loyalty to the Constitution]. Moscow, Russian Academy of Justice Publishing House, 2008. 272 p.
9. Zenkin S. A. [Modernization of the Constitution of the Russian Federation: a normative model and practice]. In: *Lex Russica*, 2018, no. 11 (144), pp. 40–62.
10. Zinoviev A. V. [The concept of priority amendments to the Constitution of Russia]. In: *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2000, no. 4, pp. 46–61.
11. Zorkin V. D. *Konstitucionno-pravovoe razvitie Rossii* [Constitutional and legal development of Russia]. Moscow, Norma, INFRA-M, 2011. 719 p.
12. Kuznetsov I. I. [Amendments-2008 to the Constitution of Russia: political changes in the system of state power]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science], 2009, vol. 9, no. 3, pp. 94–100.
13. Kutafin O. E. *Izbrannye trudy. Tom II* [Selected works. Volume II]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 680 p.
14. Lukyanova E. A. [Some problems of the Constitution of the Russian Federation]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2007, no. 15, pp. 4–10.
15. Medushevsky A. N. [Constitutional reform in Russia: content, directions and methods of implementation]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2020, no. 1, pp. 39–60.
16. Plays J. A. [Fragile foundations: a comparative analysis of the assessments of 1993 Russian Constitution]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative politics], 2019, vol. 10, no. 3, pp. 32–45.
17. Taeva N. E. [The Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation: the evolution of legal properties]. In: *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2020, vol. 15, no. 8, pp. 43–54.
18. Fedorchenko S. N. *Gosudarstvennaya kadrovaya politika v Sovetskom Soyuze i sovremennoj Rossi: politiko-filosofskij analiz* [State personnel policy in the Soviet Union and modern Russia: political and philosophical analysis]. Moscow, Infra-M Publ., 2017. 154 p.
19. Khabrieva T. Ya., Andrichenko L. V. [Constitutional reforms in the post-Soviet space: development trends]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical sciences], 2017, no. 37, pp. 272–287.
20. Chirkin V. E. [Is the terminology on the adoption of amendments to the Constitution of the Russian Federation correct?]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2018, no. 2, pp. 3–7.

21. Ebzeev B.S. *Konstituciya, vlast' i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniya* [Constitution, power and freedom in Russia: experiment of synthetic research]. Moscow, Prospect Publ., 2014. 336 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 01.02.2021

Статья размещена на сайте: 19.03.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексеев Роман Андреевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: alekseev.r555@mail.ru.

Roman A. Alekseev – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of Political science and Law, Moscow Region State University; e-mail: alekseev.r555@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Алексеев Р. А. Конституция Российской Федерации: история поправок // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Alekseev R. A. The constitution of the Russian Federation: the history of amendments. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 351; 32; 008.2

Багдасарян В. Э.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Соотнесение результатов работы научной конференции «Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности» (20 ноября 2020 г.) с актуальными запросами и вызовами развития политических наук, современным состоянием цивилизационного направления политологического анализа.

Процедура и методы. Методологическую основу исследования составил цивилизационный подход к осмыслению политических процессов и соотнесение с ним контента докладов научной конференции. В статье даётся обзор представленных на конференции докладов, рассматриваемых в общем контексте развития российской политологии.

Результаты. Основным результатом исследования явилась констатация выхода современной российской политической науки на уровень разработки понятия «государства-цивилизация» и применение её к реалиям государственного управления России. Фиксируется ряд ключевых проблем применения цивилизационного подхода к различным сферам общественного бытия.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представленные результаты имеют перспективу дальнейшего использования в развитии направления цивилизационного анализа в России, имплементации теоретических положений о государстве-цивилизации в практику российского государственного управления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Российская политология, российская государственная политика, государство-цивилизация, политологическая рефлексия.

СТРУКТУРА

Вызовы для российской политологии

Феномен кафедры государственной политики

Государство-цивилизация

Национальная (цивилизационная) идея России

Религиозные основания цивилизационногенеза и практика современного государственного управления

Проблема цивилизационной репрезентации

Цивилизационный ракурс внешнего позиционирования России

Цивилизационные основы системы образования

Трансляция культурных образцов

Хаос vs государства-цивилизации

Научные перспективы

V. Bagdasaryan

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

CIVILIZATIONAL FACTORS IN THE FORMATION OF PUBLIC POLICY

ABSTRACT

Aim. The purpose of the presented study was to correlate the results of the scientific conference "State policy in the context of global challenges of our time" (20 November 2020) with the actual needs and challenges of the political sciences development, the current state of the civilizational direction of political science analysis.

Methodology. The methodological basis of the study was a civilizational approach to understanding political processes and correlating with it the content of the reports of the scientific conference. The article provides an overview of the reports presented at the conference, considered in the general context of the development of Russian political science.

Results. The main result of the study was the statement that modern Russian political science has reached the level of developing the concept of "state-civilization" and its application to the realities of state administration in Russia. A number of key problems of applying the civilizational approach to various spheres of social life are identified.

Research implications. The presented results have the prospect of further use in the development of the direction of civilizational analysis in Russia, the implementation of theoretical provisions on the state-civilization in the practice of Russian public administration.

KEYWORDS

Russian political science, Russian state policy, state-civilization, political science reflection

ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Представляемое ниже рассмотрение прецедента – состоявшейся в МГУ имени М. В. Ломоносова 20 ноября 2020 г. и приуроченной к десятилетию кафедры государственной политики конференции «Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности» – целесообразно было бы открыть двумя эпитафиями. Первый выражается известной оценкой Ю. В. Андроповым состояния позднесоветского обществоведения «Мы не знаем страны, в котором живём и трудимся». Догматизация общественных знаний в позднесоветский период дорого обошлась для СССР и явилась в итоге одним из важнейших факторов его гибели. Не было предложено адекватного осмысления новых вызовов, а соответственно, и не найдена рецептура выхода из сложившейся ситуации. Вместе с тем следование получившим латентное распространение западным обществоведческим концепциям (вначале в рамках направления еврокоммунизма и демократического социализма, а затем – неолиберализма) приводило к попаданию в стратегические ловушки, усугублявшие кризис [5].

Открытые шлюзы научных коммуникаций с внешним миром в постсоветский период к функциональности гуманитарных и общественных наук не

привели. Напротив, установилась тенденция, определяемая в своё время понятием «низкопоклонства перед Западом», экстраполяцией не только методологии и категориального аппарата, но также ценностей и смыслов бытия западного сообщества.

В отношении к этому периоду в качестве наиболее интегральной характеристики применим второй эпиграф – слова знаменитого американского экономиста, советника Б. Н. Ельцина, теоретика политики шоковой терапии Джеффри Сакса «Мы положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия» [3].

Признание Сакса важно как диагноз того, что западные обществоведческие концепции и вытекающая из них рецептура обнаруживали свою неадаптивность к российской анатомии. А в чём состоит российская анатомия? Где те учебные курсы, те методологические подходы, которые бы раскрывали эти анатомические особенности и предлагали бы соответствующие им рецепты исцеления и профилактики? Оказалось, что ничего этого нет. Отечественная политология, воспроизводя западную матрицу западных политических концептов, сложившихся в контексте противостояния «холодной войны», сама оказывалась фактором поражения российского государственного суверенитета. Возникли влиятельные образовательные и научные институты трансляции позиций западно-либерального (преимущественно американского) направления в политологии.

Наиболее очевидным примером такого заимствования стала теория тоталитаризма, преподносимая в качестве политологической классики, при том, что имела очевидную антисоветскую (в применении к настоящему времени – антироссийскую направленность) [1; 7; 10]. Сомнения в научности теории тоталитаризма возникли только тогда, когда на основе апелляции к ней на уровне Евросоюза был продюсирован взгляд о двух будто бы подобных друг другу «тоталитарных режимах», обвиняемых в развязывании Второй мировой войны и преступлениях против человечества.¹

В 2000-е гг. приходит осознание того, что государственное управление России нуждается в идентичных для российской социокультурной среды и системы жизнеустройства объяснительных обществоведческих моделях. Возникает запрос на политологические разработки, соотносимые с курсом на ресуверенизацию российского государства.

ФЕНОМЕН КАФЕДРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В контексте описанных вызовов и следует, вероятно, рассматривать создание на политологическом факультете МГУ в 2010 г. кафедры государственной политики. Возглавил кафедру видный государственный и общественный деятель, доктор политических наук *Владимир Иванович Якунин*, развивавший

¹ ОБСЕ: Фашизм – равно сталинизм // ИноСМИ. URL: <https://inosmi.ru/world/20090709/250553.html> (дата обращения: 27.02.2021).

в своих исследованиях и публичных выступлениях методологию аксиологического и цивилизационного подходов в объяснении политических процессов и основаниях принятия государственно-управленческих решений. Эти идеи получили уже ко времени учреждения кафедры широкую апробацию и вызвали достаточный резонанс в рамках работы Международного общественного форума «Диалог цивилизаций». С создания кафедры в учебные планы подготовки политологов в МГУ были привнесены профильные дисциплины, направленные на формирование у обучающихся представлений об особенностях российской цивилизации, специфике реализации государственной политики в России, политических ценностных доминантах российского общества.

Фактически за десятилетие сложилась научная школа аксиологических основ государственной политики, предлагающей методологический инструментарий, исходно ориентированный на адаптированность к российским цивилизационным средовым условиям. Именно МГУ – флагман российского образования – выступил исторически той организацией, с которой начался поворот перехода российской гуманитаристики на цивилизационные рельсы, и деятельность кафедры государственной политики соотносится с общей тенденцией развития гуманитарных и обществоведческих наук в Университете.

ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Очевидно, что при подведении итогов работы кафедры за десятилетие было принципиально важно дать оценку тем исследовательским результатам, которые были получены по направлению цивилизационного анализа и презентовать их экспертному сообществу. Это обусловило решение об организации в рамках конференции специальной дискуссионной площадки «Цивилизационные факторы формирования государственной политики». В фокусе обсуждения оказался концепт государства-цивилизация. Ещё в 2012 г. Президент В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию охарактеризовал Россию как особый государственный тип – государство-цивилизацию с русским народом как государствообразующим². Однако соответствующего раскрытия понятия государство-цивилизация в российской науке не последовало, а сам цивилизационный подход оказался проигнорирован даже при разработке Историко-культурного стандарта, опиравшегося на иные методологические платформы³. Между тем, кризис модели Вестфальского мироустройства со ставкой на государства-нации побуждал к поиску иных типов государствоустройства, которые могли бы быть противопоставлены наступающему глобализму [6]. И этот поиск всё более актуализировал именно концепт государства-цивилизации.

² Послание Президента Федеральному Собранию. 2012 // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (27.02.2021).

³ Историко-культурный стандарт [Электронный ресурс] // URL: <http://idc.ulstu.ru/ipk/His061014001.pdf> (27.02.2021).

Модерировавший работу секции *Вардан Эрнестович Багдасарян* (доктор исторических наук, декан факультета истории, политологии и права МГОУ, профессор кафедры государственной политики МГУ) презентовал накопленные за десятилетие разработки кафедры по цивилизационной проблематике. Новым являлась апробация им классификации типов государств, рядоположенных государству-нации и государству-цивилизации. Наряду с указанными типами также были выделены и описаны с опорой на исторический материал феномены «государства-клана», «государства-этноса», «государства-ордена», «государства-сети», «несостоятельного государства». Каждый из описываемых типов сравнивался с государством-цивилизацией, что позволило найти в итоге базовые для того характеристики. К таким характеристикам докладчиком было отнесено: адаптация модели государственного устройства к средовым условиям цивилизационного существования, специфике институций жизнеобеспечения социума; два уровня идентификации – этнический и цивилизационный (в российском случае – принадлежность к любому этносу – первая ступень и неэтническая русскость ли советскость – вторая); идеология надэтнического содержания; гетерогенный характер системы, представлявшей мир миров, консолидируемый вокруг цивилизационного ядра; воспроизводимая через историю преемственность системы смыслов и ценностей, их трансляция, развёртывание в историческом времени цивилизационного проекта; непременность должного уровня политической суверенности, базирующейся на духовном суверенитете соответствующей цивилизации; субъектность государственной цивилизационной репрезентации, позиционирование власти по её соотносению с идеалами цивилизационной общности; самопозиционирование как ядра цивилизационной эйкумены, выходящей, как правило, за государственные границы, стремление к объединению ее в рамках единой системы.

Российская история подтверждала определение России как государства-цивилизация и угрозы, продуцируемые для неё отступлением на позиции иных моделей государственностроительства. Докладчиком в тоже время были обозначены проблемы переноса концепта государство-цивилизация в реальную практику государственного управления России, представлены круги его потенциальных политических противников и сторонников.

НАЦИОНАЛЬНАЯ (ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ) ИДЕЯ РОССИИ

Особое значение в плане диагностировки разработки темы за рубежом имело выступление доктора философии в области политологии, кандидата социологических наук *Михаила Анатольевича Безносова* (Университет Западной Джорджии, Департамент политической науки, США), на основании которого можно было сделать определённый срез в отношении дискурса вокруг тематики российской национальной идеи и шире – в целом российской цивилизационной идентичности в современной американской поли-

тологии. Услышанное позволило констатировать, что вопрос об артикуляции национальной идеи России далеко не только современный российский государственный нарратив и властная пропаганда. То, что саморефлексия российского социума (политическое самосознание) объективно подводит к выдвиганию национальной идеи обсуждается и в зарубежной политологии.

Докладчик подчёркивал, что речь идёт не об этнокультурной идентичности, а надэтнической идеологии. Исторические прорывы России соотносились с выдвиганием ею обновлённой в соответствии со временем национальной идеей. Современный период российской истории был соотнесён докладчиком с путинским преодолением идеологического вакуума, что, в свою очередь, рассматривалось в соотнесении с оживлением социума. Основными вопросами в генерировании национальной идеи американский учёный определял: а) определение русской идентичности; б) определение природы российской государственности; в) определение российской миссии в мире. При этом, как указывал он, важно иметь в виду три ролевых образа позиционирования России: 1. естественного евразийского лидера; 2. защитницы восточнославянской цивилизационной общности; 3. защитницы православного мира.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОГЕНЕЗА И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Генезис цивилизационных систем не будет адекватно понят без обращения к религиозным платформам соответствующих цивилизаций. Не случайно, что в различных классификациях цивилизаций они определяются через соответствующие их фундаменту религии [9]. Но можно идти дальше, говоря о связанности с религиозным фундаментом институций и принципов функционирования государств-цивилизаций. Такая позиция была предъявлена, в частности, в докладе доктора исторических наук *Сергея Ивановича Реснянского* (профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов).

Позиция докладчика состояла в том, что в современном мире существуют различные типы государств и, соответственно, множество разнообразных политических моделей, но все они имеют в основании религиозные корни, существенно влияющие на политический курс и культурную репрезентацию. Кальвинизм в США, англиканство как национальная церковь в Англии, протестантские корни скандинавской политической модели, легизм и конфуцианство в Китае, религиозные корни Израиля Тора и Талмуд. не говоря уже о таких теократических государствах, как Саудовская Аравия, Ливия – всё это, по мнению докладчика, подтверждало тезис об актуальности религиозного измерения современных систем государственного управления. Сообразно с этой логикой, российское государство-цивилизация сопряжено со своим православным фундаментом и без обращения к смыслам и ценностям православия не может быть адекватно понято. Внешние экстраполяции являлись,

по оценке докладчика, не просто заимствованием инокультурных практик, но и в сути своей – переносом религиозных установок. Заявленный профессором Реснянским подход вступал в противоречие со сложившимся представлением о светской природе современных государств и, с этой точки зрения влечёт за собой значительные смысловые последствия.

ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

То, что Россия есть особая цивилизация общественный консенсус в принципе достигнут, и позиция отрицания российских цивилизационных особенностей утратила свою прежнюю привлекательность. Однако на следующем же шаге общественного дискурса – определения сути российской цивилизации – возникают сложности. Обнаруживается дефицит научной методологии исследований в рамках цивилизационного анализа в принципе. Сталкиваются различные интерпретации предъявления цивилизационного образа России, декларируемые зачастую по принципу манифеста.

Разбор спектра этих позиций был представлен в докладе кандидата исторических наук *Юрия Николаевича Мостяева* (доцента кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина). Спектр походов к российской цивилизационной репрезентации варьировался от определения России как части единой Европы до её определения в качестве анти-Запада. Докладчик, погружаясь в исторический генезис дискуссии, перекидывал от него мост к современному политологическому дискурсу. В преломлении к современному дискурсивному пространству им были рассмотрены три позиции: 1. Россия как субъект формирования новой Евразийской империи (А. Г. Дугин); 2. «Остров Россия» (В. Л. Цымбурский); 3. Россия в стратегии «балансирующей равноудалённости» (К. Э. Сорокин) [4; 8; 12].

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАКУРС ВНЕШНЕГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РОССИИ

Цивилизационный ракурс рассмотрения государственной политики не мог не вывести на обращение к традиционной для российской рефлексии теме Россия – Запад. Новая эскалация конфликта в отношениях между ними даёт основание для выдвижения характеристик его не просто в качестве «новой холодной войны», но более глубинно – как войны цивилизаций [11]. Использование маркера цивилизационного конфликта задаёт фактически вывод о его парадигмальности и исторической воспроизводимости. Такой маркировке противостоит взгляд о конъюнктурных, а не парадигмальных цивилизационных основаниях современной конфронтации. Проблема цивилизационного измерения конфликта Россия – Запад присутствовала в преломлении к различным сферам в большинстве докладов.

По замыслу доклада, который представил кандидат политических наук *Станислав Олегович Бышок* (сотрудник факультета политологии МГУ

им. М. В. Ломоносова), исходно не предполагалось дать ответ о парадигмальной сущности России – в терминологии докладчика кантовской «вещи в себе». Внимание выступающего было сосредоточено на технологическом ракурсе цивилизационного позиционирования России как потенциальном инструментарии «мягкой силы» [14]. По оценке докладчика, Россия не обладает теми же возможностями, которыми обладает Запад, обеспечить свою привлекательность по параметрам качества жизни и реализации свобод. Её конкурентным преимуществом с позиций «мягкой силы» может, полагает он, стать идея цивилизационной самобытности. Артикуляция цивилизационного образа России соотносится с консервативным направлением западной мысли и может получить поддержку в кругах консерваторов на Западе.

Правда, отмечал докладчик, отсутствует определённость самого содержания использования в современном российском властном дискурсе дефиниции «цивилизация». Проводился разбор обращения к цивилизационной тематике в государственно-управленческих документах Российской Федерации высокого уровня. Рассматривались при этом возможности соотнесения образа России одновременно в рамках различных смысловых парадигм и как части консервативного множества, и как некой альтернативы западному глобализму неосоветского образца.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Механизмом цивилизационного воспроизводства социума выступает система образования [2]. Понимание её именно в ракурсе межпоколенной трансляции опыта и ценностей цивилизаций принципиально отличается от взгляда на образование как услугу. С точки зрения теории цивилизаций было представлено на конференции рассмотрение систем образования в докладе доктора философских наук *Виталия Юрьевича Бельского* (профессор кафедры философии Московский университет МВД).

Докладчик акцентировал внимание на рисках, продуцируемых глобализмом и инокультурными инновациями в образовательной сфере. Особое внимание было обращено на тенденции цифровизации образования, раскрываемые в качестве фактического прикрытия западнцентричного глобализма. Предлагалось восстановление цивилизационной парадигмы российской образовательной системы при разумном сочетании в рамках неё традиции и новаций. Говорилось о русской и советской культурной традиции образования, рассматриваемых в качестве фундаментального факторного основания России как государства-цивилизации.

ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗЦОВ

Цивилизация задаёт различные культурные образцы, служащие основанием формирования цивилизационной идентичности. При соотнесении с цивилизационной теорией государственная культурная политика направ-

лена на целевую поддержку, трансляцию и воспроизводство этих культурных образцов. В этой логике перехода от абстрактного к конкретному был представлен доклад кандидата исторических наук *Марии Всеволодовны Катагощиной* (старший научный сотрудник Государственного исторического музея). В нём раскрывалось значение художественных музеев и частных коллекций в качестве институтов репрезентации цивилизационного образа России во внешнем мире. Рассматривался опыт раскрытия российской цивилизационной идентичности посредством формирования соответствующего контента различного рода международных выставок, музейных выставок. Как и в докладе, который представил С. О. Бышок, говорилось о потенциалах использования цивилизационного образа России в качестве действенного инструмента «мягкой силы».

Интерес вызвали рассуждения докладчика о двух составных частях трансляции ценностей и смыслов российской цивилизации во внешнем мире – через культуру русского зарубежья и советскую культуру, сливавшихся в мировом восприятии в единый цивилизационный образ России. Особо актуально прозвучала информация о цивилизационном контенте художественных выставок в странах «ближнего зарубежья» как едином ареале российской цивилизации. Несмотря на предоставленную выступающим информацию о такого рода деятельности, складывалось впечатление, что делается в этом направлении сегодня явно недостаточно.

ХАОС VS ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

В докладе *Юрия Юрьевича Иерусалимского* (заведующего кафедрой отечественной средневековой и новой истории исторического факультета Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова и архимандрита *Сильвестра (Лукашенко)* (настоятель храма Андрея Стратилата с. Сулость Ростовского района Ярославской области, Глава церковно-исторического общества Ярославской епархии) был дан анализ воздействия хаоса на смену цивилизационных парадигм в XXI столетии путём продуцирования конфликта. Влияние хаоса на смену цивилизационных парадигм в современных условиях происходит, согласно предложенной докладчиками схеме, в следующей развёртке: порядок – конфликт – хаос – компромисс – новый порядок. Звено «компромисс» может быть пропущено в зависимости от сложившейся ситуации. Необходимая предпосылка «хаоса» – «конфликт», без него не может начаться «хаос» [13].

Докладчики попытались выявить объективные и субъективные причины, вызывающие хаос, его борьбу с порядком путём создания конфликтной ситуации, требующей компромисса. В случае, если компромисс перестанет устраивать сторону, устроившую хаос, она продолжит хаос, дабы достичь нового, ещё более выгодного, компромисса или доведёт дело до своей победы и установит новый порядок уже на своих условиях и основаниях. В целом

ряде случаев объективные причины существенно дополняются мощным влиянием субъективных факторов. Условные создатели кризисных явлений чётко следуют правилу: кто создаёт хаос, тот им и управляет.

На создание и поддержание хаоса требуются немалые средства. После завершения хаоса и установления нового порядка, победители должны обеспечить возвращение координирующему центру вложенных финансовых ресурсов, пусть не сразу, но в долгосрочной перспективе. Показано, как хаос может привести к смене одной цивилизационной парадигмы на другую, к отказу от прежних ценностей и идеалов.

Недопущение хаоса, по мнению докладчиков, принципиально возможно лишь при обретении собственной политико-национальной идентичности, артикуляции национальной идеи, которая объединит все народы, входящие в то или иное государство. Для России такой идеей, с точки зрения авторов доклада, может стать служение Отечеству.

Доклад был завершён положением, что для противостояния хаосу необходима чёткая и ясная государственная идеология, которая определит будущность данного общества, дающая населению страны ориентир государство-строительства. Прививкой от хаоса, недопущение его на территорию России, резюмировали докладчики своё выступление, является построение в стране правового государства на основе традиционных ценностей: любовь, честь, совесть, семья.

НАУЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Проведённое обсуждение имело значение не только как предъявление результатов, но и мост для новых исследований в раскрытии цивилизационной проблематики в преломлении к стратегии и практике государственного управления в России. Выдвинутый концепт государства-цивилизации не был отвергнут ни одним из участников обсуждения и, можно считать, прошёл экспертную апробацию. Следующими шагами работы с ним является привнесение его в учебные курсы (в том числе школьный курс истории и обществознания), широкий общественный дискурс, нормативно-правовые документы, рецептуру реализации государственной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арентс Х. Истоки тоталитаризма / И. Б. Борисова, Ю. А. Кимелев, А. Д. Ковалев, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седов. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Багдасарян В. Э. Российское образование: выбор пути. М.: Отчий дом, 2019. 336 с.
3. Балла-Гертман О. Другая анатомия // Радио Свобода : [сайт]. URL: <https://www.svoboda.org/a/3538714.html> (дата обращения: 02.02.2021).
4. Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора, 2007. 382 с.
5. Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать её наука. М.: Алгоритм, 2002. 253 с.

6. Кортунов С. В. Крушение Вестфальского мира и становление нового мирового порядка // *Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок*. М.: Издательский дом ВШЭ, 2007. С. 75–117.
7. Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены // *Вопросы философии*. 1998. № 7. С. 48–57.
8. Сорокин К. Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. 168 с.
9. Тойнби А. Дж. Постигание истории : сборник / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.
10. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.
12. Цымбурский В. Л. Остров Россия: геополитические и хронополитические работы, 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 543 с.
13. Mann S. R. Chaos Theory and Strategic Thought. URL: <https://www.semantic-scholar.org/paper/Chaos-Theory-and-Strategic-Thought-Mann/2d4cedff480f9962dedd7bd4997f4b7a29e25276?sort=relevance> (дата обращения: 02.02.2021).
14. Nye J. S. The Powers to Lead. NY: Oxford University Press, 2008. 240 p.

REFERENCES

1. Arendt H. The Origins of Totalitarianism (Russ. ed.: Borisova I. B., Kimelev Yu. A., Kovalev A. D., Mishkenene Yu. B., Sedov L. A., transls. *Istoki totalitarizma*. Moscow, CenterCom, 1996. 672 p.)
2. Bagdasaryan V. E. *Rossiiskoe obrazovanie: vybor puti* [Russian education: choosing the path]. Moscow, Otchii dom Publ., 2019. 336 p.
3. Balla-Gertman O. [Other anatomy]. In: *Radio Svoboda*. Available at: <https://www.svoboda.org/a/3538714.html> (accessed: 02.02.2021).
4. Dugin A. *Geopolitika postmoderna. Vremena novykh imperii. Ocherki geopolitiki XXI veka* [Postmodern geopolitics. Times of new empires. Essays on geopolitics of the XXI century]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2007. 382 p.
5. Kara-Murza S. G. *Ideologiya i mat' ee nauka* [Ideology and its mother science]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 253 p.
6. Kortunov S. V. [The collapse of the Peace of Westphalia and the establishment of a new world order]. In: *Miroustroistvo XXI: mirovozzrenie, miroporyadok* [World order XXI: worldview, world order]. Moscow, Higher School of Economics Publishing House Publ., 2007, pp. 75–117.
7. Lyuks L. [Bolshevism, Fascism, National Socialism – related phenomena]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1998, no. 7, pp. 48–57.
8. Sorokin K. E. *Geopolitika sovremennosti i geostrategiya Rossii* [Geopolitics of our Time and Geostrategy of Russia]. Moscow, ROSSPEN, 1996. 168 p.
9. Toynbee A. J. Comprehension of history (Russ. ed.: Zharkov E. D., transl. *Postizhenie istorii*. Moscow, Rol'f Publ., 2001. 640 p.).
10. Hayek F. The Road to Serfdom (Russ. ed.: *Doroga k rabstvu*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2005. 264 p.)
11. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order (Russ. ed.: Velimeev T., Novikov Yu., transls. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.).

12. Tsymburskii V. L. *Ostrov Rossiya: geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty, 1993–2006* [Island Russia: geopolitical and chronopolitical works, 1993–2006]. Moscow, ROSSPEN, 2007. 543 p.

13. Mann S. R. Chaos Theory and Strategic Thought. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Chaos-Theory-and-Strategic-Thought-Mann/2d4cedff480f9962dedd7bd4997f4b7a29e25276?sort=relevance> (accessed: 02.02.2021).

14. Nye J. S. *The Powers to Lead*. NY, Oxford University Press, 2008. 240 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 02.03.2020

Статья размещена на сайте: 23.03.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: vardanb@mail.ru

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean, Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University; e-mail:vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Багдасарян В. Э. Цивилизационные факторы формирования государственной политики // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Bagdasaryan V. E. Civilizational factors in the formation of public policy. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 323.21

Бронников И. А., Горбачев М. В., Кононенко О. С., Тимирчев И. К.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

МЕДИААКТИВИЗМ И ГРАЖДАНСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ: ГЕНЕЗИС И ТЕНДЕНЦИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление логики развития медиаактивизма, типологизация его этапов и анализ взглядов на дальнейшую траекторию его развития.

Процедура и методы. В статье проведён ретроспективный анализ медиаактивистских практик с 1990-х гг. до настоящего времени. При проведении исследования применены методы контент-анализа, интент-анализа, кейс-стади и компаративный подход.

Результаты. На основе изучения кейсов медиаактивизма с 1990-х по 2020 гг. были установлена этапы развития форм медиаактивизма, а также оценены различные точки зрения, касающиеся тенденций его дальнейших трансформаций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию гражданского участия вообще и его форм, обусловленных цифровизацией, в частности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

медиаактивизм, гражданская мобилизация, социальные медиа, слактивизм, цифровое участие, низовые инициативы

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31387 «Риски и угрозы политизации низовых и гибридных гражданских инициатив в условиях трансформации политической системы современной России».

СТРУКТУРА

Введение

Активизм и медиаактивизм в политической науке

История медиаактивизма: от «Битвы в Сиэтле» до современного усложнения

Медиаактивизм становится доступным и влиятельным: социальные сети и резонансные акции

Медиаактивизм усложняется: государства и платформы задают новые правила, активисты придумывают новые формы

Тренды и перспективы эволюции политического медиаактивизма в современном мире

Заключение

I. Bronnikov, M. Gorbachev, O. Kononenko, I. Timirchев

Lomonosov Moscow State University
1 Leninsky Gory, Moscow 119991, Russian Federation

MEDIAACTIVISM AND CIVIL MOBILIZATION: GENESIS AND TENDENCIES

ABSTRACT

Aim. Revealing the logic of the development of media activism, typologizing its stages and analyzing views on the further trajectory of its development.

Methodology. The article provides a retrospective analysis of media activist practices since the 1990s until now. The methods of content analysis, intent analysis, case studies and a comparative approach were used in the research.

Results. The study of media activism from the 1990s to 2020 allowed to establish the stages of media activism development, the forms it took and to assess various points of view concerning the tendencies of its further transformations.

Research implications. The research results contribute to the theory of civic participation in general and its forms due to digitalization, in particular.

KEYWORDS

mediaactivism, civil mobilization, social media, slacktivism, digital participations, grassroots initiatives

ACKNOWLEDGMENT

This research was supported by an RFBR and ANO EISS within the framework of the scientific project No. 20-011-31387 "Risks and threats of politicization of grassroots and hybrid civil initiatives in the context of the transformation of the political system of modern Russia".

ВВЕДЕНИЕ

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) изменило мир. Важнейшими факторами глубоких общественно-политических изменений являются информационная революция и создание гипермедиа. Уже в июне 2020 г. количество пользователей Сети достигло 4,8 млрд человек, а рост мировой аудитории интернета по сравнению с 2000 г. составил 1239%¹.

Политическое значение виртуального мира растёт. В начале 2000-х гг. было написано много работ, в которых обосновывался определённый скепсис в отношении тотального информационного влияния интернета на политику, а в качестве главных барьеров указывались отсутствие цифровых навыков у населения [19] и невозможность покупки дорогостоящих гаджетов [24]. В настоящий же момент в большинстве политико-управленческих процессов современных политий используются интернет-технологии, а мировой показатель проникновения интернета – более 63% [1].

¹ Internet User Statistics & 2020 Population for the 53 European Countries and Regions (2020) [Электронный ресурс] // Internet World Stats, June, 2020. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 21.11.2020).

В условиях, когда главной тенденцией последних лет стали снижение издержек коллективных действий и становление логики коннективности (по Л. Беннет и А. Сегерберг) [12], при которой открытый обмен идеями, контентом упрощает достижение общих целей, а закрытость традиционных медиа для немейнстримных политических движений и активистов делают интернет всё более привлекательной коммуникационной площадкой, зародились новые виды гражданского участия – интернет-активизм, онлайн-активизм, цифровой активизм, электронный активизм и медиаактивизм. Предлагаемое исследование нацелено на раскрытие генезиса медиаактивизма, типологию его этапов и анализ взглядов на дальнейшую траекторию его развития. Для достижения этой цели был проведён ретроспективный анализ медиаактивистских практик с 1990-х гг. до настоящего времени с использованием методов контент-анализа, интент-анализа и кейс-стади.

АКТИВИЗМ И МЕДИААКТИВИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В современной политологической литературе вопросу о формах и видах политической активности уделяется самое пристальное внимание. На сегодняшний день можно выделить несколько научных школ, занимающихся исследованием проблемы гражданского участия с разных методологических позиций: бихевиоралисты, коммуникативисты и последователи теории политических сетей.

Бихевиоралисты отмечают, что под активизмом необходимо понимать добровольное, неформальное поведение группы людей, направленное на актуализацию и возможное решение социально значимых проблем. Сторонники **теории коммуникации** (К. Фукс, М. Баум) фиксируют, что активизм – это форма социально-групповой, публичной деятельности людей с общей, значимой для общества целью [3]. Как коммуникативисты, так и бихевиоралисты считают, что активизм в любой из возможных форм является действенным способом решения значимых индивидуальных или общественных проблем. Основная линия критики данных подходов заключается в том, что активистская деятельность возникает не только как реакция на релевантную проблему, но и как коллективная практика определённого общества с совместными интересами и ценностями.

Интегративная дефиниция активизма представлена в работах исследователей, опирающихся на **теорию политических сетей**. С их точки зрения, под активизмом следует понимать добровольную коллективную деятельность в системе отношений вокруг общих интересов и ценностей, реализуемую публично и бескорыстно [4]. Будем опираться на данное определение в рамках статьи.

Современная теория общественного участия предлагает две диаметрально противоположные исследовательские программы, в рамках которых авторы рассматривают разнообразные формы и виды активизма:

– видимые формы гражданского участия (американская политическая традиция), т. е. изучение формальных демократических инструментов участия граждан, доминирующих в развитых странах.

– анализ неформальных связей и практик, которые позволяют гражданам отстаивать свои права (европейская политическая традиция) [6].

Принципиальное отличие политического активизма от иных форм активистской деятельности К. Ширки² видит в возможности конструирования повестки дня и создания инфоповодов индивидами и/или различными группами с конкретными властными намерениями. Ключевая особенность политического активизма – присутствие властных отношений в различных акциях гражданского характера. Здесь необходимо отметить, что генеральная совокупность властных отношений включает в себя не только политически заинтересованных, властных участников, но и наличие политико-властных целей у самих активистов. Следовательно, под политическим активизмом исследователи понимают систему форм коллективных общественно-значимых действий, инициируемых с целью достижения политических результатов.

Сложнее обстоит ситуация с определением и конкретизацией понятия цифрового политического активизма, который в литературе называют также медиаактивизмом. Как отмечает О. А. Башева, трудности в определении медиаактивизма во многом вызваны новизной данного феномена. Фактически история медиаактивизма в мировом масштабе касается последних 30 лет (в РФ около 20 лет) [4].

Так, в начале века в академической среде наиболее популярными были следующие термины: «интернет-активизм», «кибер-активизм», «цифровой активизм», «информационный активизм». Поворотным моментом в изучении активности в интернете стали события «Арабской весны» 2011 г., после которых в литературе устойчиво закрепился термин «медиаактивизм». Выбор данного понятия был предопределён существенным изменением влияния социальных сетей на политическую жизнь целого ряда государств Северной Африки и Ближнего Востока, где благодаря коммуникации активистов через социальные медиа удалось в короткие сроки ввести в состояние кризиса прежде устойчивые политические системы [7].

Действительно, на настоящий момент в науке можно встретить несколько терминов, так или иначе близких понятию «медиаактивизм». Данные расплывчатые термины были порождены попытками описать реальность, изменившуюся под влиянием социальных медиа. Целесообразно разобраться, в чём же особенность и каковы характеристики медиаактивизма.

Серьёзную попытку в решении данного вопроса предприняла М. Джойс [21], которая предложила следующее консенсуальное разграничение понятий:

² Shirky C. The Political Power of Social Media // Foreign Affairs: [сайт]. 2011. Vol. 90 (1). URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2010-12-20/political-power-social-media> (дата обращения: 21.11.2020).

Группа понятий «кибер-активизм», «онлайн-организация», «онлайн-активизм» касается только активистских онлайн-практик. Если активисты используют устройства и технологии, не требующие доступа к Сети (флэшки, диски, мессенджер мексиканского стартапа Bridgefy³, работающий по Bluetooth, и пр.), их деятельность уже не может описываться такими терминами.

Группа понятий со словом «электронный» (например, «электронный активизм») подразумевает использование электронных устройств, но многие из них уже устарели, из-за чего такие термины представляются нерелевантными.

Группа понятий со словом «информационный» (например, «инфо-активизм») описывает не только использование ИКТ в практиках активизма, но и любую деятельность, направленную на распространение информации, в том числе раздачу газет, листовок или брошюр, что не отражает сути рассматриваемого явления.

Самым общим и одновременно исчерпывающим из возникших в 1990–2000-х гг. понятий, по мнению М. Джойс, является термин «*цифровой активизм*» (в русском переводе его также часто называют «диджитал-активизмом»), который отражает *скорость, надёжность, размеры и низкие издержки цифровой сети, благодаря которым современный активизм достиг огромных масштабов и охватов* [21]. Нам видится данный подход наиболее релевантным.

Однако стоит выделить в отдельную категорию деструктивные неконвенциональные формы цифрового активизма (хактивизм, кибертерроризм и пр.), которые подразумевают высокий уровень компьютерной грамотности и не предполагают использования ресурсов социальных медиа в коммуникационных целях. Данный вид нами рассматриваться не будет.

В рамках настоящей статьи будем использовать термин «медиаактивизм», предполагающий акцент на максимально возможном использовании ресурсов медиа для достижения определённых, зачастую социально-политических, целей [27]. Необходимо отметить, что одной из причин бурного развития медиаактивизма является отсутствие доступа к традиционным медиа у ущемлённых групп: недовольных, оппозиционеров, представителей коренных народов и т. д. Именно поэтому широкое распространение получили «крафтовые» интернет-издания, блоги, социальные сети и мессенджеры.

Сегодня можно говорить о самых разнообразных видах активности граждан в пространстве социальных медиа: экологическом медиаактивизме, арт-активизме, благотворительном медиаактивизме, *политическом медиаактивизме* и пр.

³ Данным мессенджером пользовались протестующие в Гонконге в 2019–2020 гг. Подробнее см.: Koetsier J. Hong Kong Protestors Using Mesh Messaging App China Can't Block: Usage Up 3685% // Forbes.com. [02.09.2020]. URL: <https://www.forbes.com/sites/johnkoetsier/2019/09/02/hong-kong-protestors-using-mesh-messaging-app-china-cant-block-usage-up-3685/#2c6b955f135a> (дата обращения: 21.11.2020).

В научной литературе существует дискуссия относительно вопроса о том, что необходимо считать политическим медиаактивизмом. Сторонники технократического подхода, такие как С. Гонсалес-Байлон и Н. Ван, утверждают, что политический медиаактивизм является формой активизма, возникающей как результат актуализации проблем в самых разных сферах общественной жизни [16]. Согласно данному подходу, любая форма гражданского участия может стать частью политической повестки дня, затрагивая пространство политического опосредованно. В то же время критики данного подхода (П. Гербаудо) заявляют о его неоднозначности и определяют политический медиаактивизм как результат действия с изначально политическим целеполаганием [14]. Мы предполагаем целесообразным использовать точку зрения сторонников технократического подхода. Действительно, в политической практике последних лет известны случаи, когда активистская деятельность приобретала политическую значимость в ходе конкретной кампании (экологические протесты в Шиесе, акции против строительства храма в Екатеринбурге 2019 г.). Поэтому **под политическим медиаактивизмом мы будем понимать форму коллективного участия граждан в общественно-значимых процессах с помощью использования релевантных ресурсов социальных медиа.**

ИСТОРИЯ МЕДИААКТИВИЗМА: ОТ «БИТВЫ В СИЭТЛЕ» ДО СОВРЕМЕННОГО УСЛОЖНЕНИЯ

Развитие медиаактивизма тесно связано с технологическим развитием. Согласно К. Ширки, трансформация производственных отношений и ограничение длительности рабочего дня в развитых странах способствовали увеличению количества свободного времени человека и созданию когнитивного избытка – излишка внимания и умственных способностей. До интернета этот излишек в основном расходовался на пассивное медиа-потребление, а сегодня – на создание и трансляцию совместного пользовательского контента, от развлекательных постов до экспертной помощи органам власти [29]. Совместная работа в Сети может выстраиваться без иерархических структур с минимальными издержками участия, что способствует планомерному развитию всех форм медиаактивизма. Как видим, исторически сложилось, что история медиаактивизма тесно связана с историей развития интернета [5].

Первыми «социальными сетями (в значении не social media, а social network – П. авт.) с компьютерной поддержкой» [30], изменившими природу виртуальных и реальных сообществ, стали объединения активистов, использовавших горизонтальные сети для того, чтобы обойти информационную блокаду для продвижения альтернативной повестки [22]. В том числе поэтому первыми медиаактивистами становились представители контркультурных или даже маргинализированных сообществ, в частности представители антиглобалистских движений, использовавшие ограниченный (по сравнению с сегодняшним) инструментарий – сайты, блоги, e-mail – для координации и освещения своей деятельности.

Характерными для этого этапа развития медиаактивизма являются интернет-кампания леворадикального движения «Сапатистская армия национального освобождения» (САНО) в Мексике (1994) [13] и протесты антиглобалистов во время саммита ВТО в американском городе Сиэтле, более известные как «Битва в Сиэтле» (1999) [23]. В обоих случаях медиаактивисты использовали форумы, веб-страницы и email-рассылки для того, чтобы координировать действия активистов, передать информацию с места событий и попасть в повестку, прорвав информационную блокаду традиционных СМИ. Успех активистских действий ознаменовал наступление новой политической реальности [23], а сама «Битва в Сиэтле» стала поворотной точкой в истории развития глобального активизма вообще и медиаактивизма в частности.

МЕДИААКТИВИЗМ СТАНОВИТСЯ ДОСТУПНЫМ И ВЛИЯТЕЛЬНЫМ: СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И РЕЗОНАНСНЫЕ АКЦИИ

Появление платформ для блогинга и социальных сетей упростило обмен информацией, а стремительный рост количества блогов привёл к формированию альтернативной традиционным СМИ медиа-экосистемы – «блогосферы». Эра «web 2.0» изменила саму суть взаимодействия в Сети: стало легко не только создавать блоги и с их помощью делиться информацией, но и получать обратную связь – онлайн-аудитория становится полноценным транслятором и создателем контента.

Характерными примерами медиаактивизма на этом этапе стали кампании в Сингапуре (2005) [20] и США (2007) [28]. В обоих случаях для достижения своих целей медиаактивисты запускали акции в блогах: активные граждане и эксперты писали статьи в своих аккаунтах, а их менее активные сторонники копировали и публиковали эти статьи уже в своих блогах. Каждый пост снабжался гиперлинками на другие блоги, и образовывавшиеся таким образом медиа-сети попадали в поле зрения СМИ, что делало онлайн-кампании ещё более резонансными.

Социальные сети добавляли также новые инструменты и для организации офлайн-встреч, объединения по интересам вживую, чем ещё теснее связали виртуальный и реальный миры. Сначала Facebook, Twitter и другие платформы использовались медиаактивистами для расширения пространства диалога по социально-значимым проблемам, но 2011 г. показал, что социальные сети могут помочь медиаактивистам объединять людей для масштабных социальных изменений.

Волна протестов и восстаний на Ближнем Востоке и в странах Магриба в 2011 г. показала, что для выражения мнения, поиска сторонников среди миллионной аудитории и организации масштабных акций достаточно иметь телефон с доступом в интернет. Рост влияния политического медиаактивизма произошёл на фоне повышения уровня качества связи, позволяющей бы-

стрее обмениваться информацией в интернете: чем выше уровень проникновения 3G технологии в стране, тем легче выступать с публичной критикой отдельных действий правительства или государства в целом [17].

Яркие примеры этого этапа – медиаактивизм в Египте во время Арабской весны и движение «Захвати Уолл-стрит» в США. Они отличались разнообразием распространяемого через социальные сети контента [10], высокой степенью обратной связи от сочувствующих и способностью быстро переключаться между разными каналами коммуникации – от Facebook к Twitter, от Twitter к SMS-сообщениям [15].

Медиа-успех акции #OccupyWallStreet и Арабской весны показал: с помощью социальных сетей медиаактивисты могут влиять на повестку, мобилизовать сторонников и масштабироваться с гораздо более низкими издержками. Позже эти выводы были подтверждены в ходе протестов 2011–2012 гг. в России и 2011 г. в Чили.

МЕДИААКТИВИЗМ УСЛОЖНЯЕТСЯ: ГОСУДАРСТВА И ПЛАТФОРМЫ ЗАДАЮТ НОВЫЕ ПРАВИЛА, АКТИВИСТЫ ПРИДУМЫВАЮТ НОВЫЕ ФОРМЫ

Данный этап характеризуется противоречивыми тенденциями: рост государственных ограничений, распространение слактивизма, усложнение форм медиаактивизма.

Государственное регулирование Сети ограничивает свободу в интернет-пространстве. Большинство правительств так или иначе рассматривают социальные медиа как источник потенциальных угроз для национальной безопасности и потому требуют от Facebook, Twitter, Google и других платформ содействия антитеррористическим мероприятиям, контролю над распространением фейковых новостей и выполнению других требований, серьёзно ограничивающих инициативы некоторых медиаактивистов.

Актуализируется также проблема слактивизма, или фейкового активизма: когда реальное действие подменяется кликами, лайками или репостами – т. е. демонстрацией, а не реальным участием. Это происходит из-за того, что снижение транзакционных издержек инициативности может компенсироваться несерьёзным отношением граждан к цифровому участию (по сравнению с обязывающим «затратным» традиционным участием).

Кроме того, развитие технических навыков и рост количества технических специалистов среди медиаактивистов позволяют реализовать всё более сложные инициативы – создавать сервисы, приложения, карты в реальном времени и даже проводить исследования с применением больших данных (например, во время крупного землетрясения в Гаити в 2010 г. дата-активисты создали карту жертв и разрушений, обновлявшуюся в реальном времени, – она помогла и жителям, и спасателям [25]). Рост технических навыков медиаактивистов напрямую связан с социальной значимостью проектов, которые они готовы реализовать.

ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИААКТИВИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Начиная с момента появления медиаактивизма как специфической формы социального действия, жизнь общества оказалась во власти трендов социальных медиа. Влияние медиа стало причиной существенных трансформаций в структуре и характере массовой коммуникации. Данные изменения коснулись широкого круга институциональных кластеров: от государства с множеством его социально-значимых функций, трансформирующихся под влиянием медиа, до электронного гражданского общества.

Однако наибольшее влияние цифровой формат массовой коммуникации оказал на взаимоотношения государства и общества. Прежде всего нужно отметить, что новая реальность, в призме эффекта социальных медиа, послужила причиной трансформации формировавшихся на протяжении длительного периода времени моделей взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Реакция государственно-политических органов власти на эволюцию средств цифровой коммуникации отразилась на характере политических режимов в целом ряде государств, резко снизив уровень их объективированной транспарентности.

На текущий момент в исследовательской среде одним из наиболее острых вопросов является проблема перспектив развития отношений виртуального мира с реальным. Исследователи отмечают, что на сегодняшний день существует несколько важных альтернатив в развитии отношений государства и гражданского общества, которые предопределяют судьбу медиаактивизма уже в ближайшие десятилетия. В этом смысле современный этап эволюции медиаактивизма представляет собой точку бифуркации, где доминирующие тенденции эволюции взаимоотношений медиаактивизма с политическими субъектами будут определять судьбу цифрового сообщества в среднесрочной перспективе.

Известно, что в политологической литературе по проблеме перспектив медиаактивизма и будущего взаимоотношений цифрового, гражданского общества с государством есть четыре различных подхода. В каждом из этих подходов обозначаются перспективы развития медиаактивизма.

Первый сценарий развития медиаактивизма носит негативный, скептический характер по отношению к современному интернету. Его придерживаются интернет-скептики – группа исследователей, отрицающих серьёзность влияния интернета и медиаактивистов на общественно-политическое пространство современной жизни. К числу интернет-скептиков относят таких специалистов, как А. С. Ахременко, Д. К. Стукал, А. П. Петров [2]. В рамках разработанной интернет-скептиками концепции о будущем цифрового мира медиаактивизм подвергнется поэтапной деактуализации в результате целого ряда объективных условий. К таким условиям учёные относят взросление большей

части современного поколения социальных сетей, составляющей так называемый пользовательский авангард новых медиа. Исследователи предполагают, что медиаактивизм, как и отдельные сегменты интернета, с взрослением большей части нынешних пользователей, а также с приобретением ими интернет-грамотности будет играть всё меньшую роль в общественных процессах. Произойдёт естественная потеря повседневного интереса к массовому потреблению и обмену информации. Вся сфера пользовательского интернета станет более сегментированной и профессионализированной. Результатом таких тенденций станет кризис доверия к интернету как источнику информации, что резко снизит шансы медиаактивистов влиять на события в общественно-политической жизни общества. Данный прогнозный сценарий может обладать определённым уровнем исследовательской верификации, согласно которой сферу информационных технологий и социальных медиа в ближайшем будущем будет ожидать та же перспектива, что и традиционные СМИ.

Второй сценарий представляет собой реакцию интернет-оптимистов на тенденции современного развития медиаактивизма. Для специалистов, придерживающихся данного сценария (С. Д. Балмаева, М. М. Лукина, Л. Гуд), интернет представляет собой эффективный способ повседневного влияния на окружающую социально-политическую и общественную среду [9]. Учёные отмечают, что вместе с бурным развитием информационных технологий в ближайшие десятилетия будет увеличиваться количество медиаактивистов. Одновременно с ростом числа медиаактивистов усилится их влияние на общественно-значимые процессы. Интернет-оптимисты убеждены, что для полного доминирования медиаактивистов в общественной жизни не хватает ряда технических условий: широкомасштабного проникновения интернета в регионах, повышения цифровой грамотности и пр. С решением данных проблем наступит эпоха, в которой государство потеряет монополию на формирование повестки дня, а медиаактивисты получат возможность влиять на вектор социально-политического развития общества.

Третий сценарий развития медиаактивизма представлена концепцией «цифрового тоталитаризма» [8]. Согласно данной концепции, главными получателями выгоды от развития ИКТ станут государство и наиболее крупные транснациональные медиакорпорации.

Иными словами, медиакорпорации попытаются упрочить информационно-коммуникационную монополию, управление общественным мнением и регулирование деятельности медиаактивистов. Так, состоявшийся 6 января 2021 г. штурм Капитолия, организованный сторонниками Президента США Дональда Трампа, наглядно показал, каким образом может функционировать «цифровой тоталитаризм» на площадках таких корпораций, как Facebook и Google. В ответ на призывы медиаактивистов присоединяться к «Маршу Спасения Америки» наиболее популярные социальные сети (Twitter, Instagram, Facebook, TikTok и др.) стали массово блокировать пользова-

лей – сторонников Трампа. Несколько позже во всех социальных сетях были заблокированы личные аккаунты самого Президента США. Причины блокировки аккаунтов назывались самые разные: от «больших рисков» (Facebook) до «нарушения политики о противодействии героизации насилия» (Twitter). Кроме того, учитывая действие раздела 230 закона Communications Decency Act (CDA), медиакорпорации имеют право модерировать контент (однако пользуются этим правом выборочно) и не несут ответственности за публикации пользователей. Подобные кризисные ситуации актуализируют вновь наболевшие вопросы о принципах и правилах коммуникации в социальных медиа, а также о возрастающих возможностях государств и медиакорпораций в сфере регулирования онлайн-пространства.

Государство, осознавая потенциал возможных угроз от действий медиаактивистов, постарается организовать «альтернативные» версии интернета и социальных сетей. Такой альтернативный интернет даст возможность государству получить монополию на доминирующее мнение в разных вопросах общественно-политической жизни, а активность в пространстве альтернативного интернета станет малоэффективной. Исследователи отмечают, что в современном мире существует несколько наиболее ярких кейсов, подтверждающих верифицируемость данной гипотезы. К таковым можно отнести примеры существования альтернативного интернета в КНДР и КНР. В КНР к тому же реализуется система социального кредита, которая на основе цифровых технологий анализа больших данных составляет рейтинг среди граждан страны. Несмотря на заявленные благородные цели в виде развития электронной демократии, установления доверия между членами общества, ответственного отношения к социальному поведению и прозрачной системы социальной стратификации [11], выглядит эта система как воплощение Большого брата из романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984»⁴.

Однако исследователи отмечают, что в условиях «цифрового тоталитаризма» деятельность медиаактивистов не будет находиться под угрозой полного исчезновения. В особенности это касается тех стран, где активистский уровень политической культуры граждан станет причиной острых противостояний между гражданским обществом и государством. Что же касается стран с патерналистской политической культурой, в их случае ответом на появление альтернативного интернета станет конспиративный медиаактивизм [18]. Тенденции к появлению такой формы медиаактивности заметны уже сегодня – передовые мессенджеры и социальные сети (например, Telegram) стремятся сделать жизнь человека в сети всё более анонимной. Полная же анонимность пользователей, которая, по оценкам экспертов, станет реальностью уже в ближайшее десятилетие, позволит кооперироваться гражданам в интернете конспиративно, организовывать самые необычные формы

⁴ См.: Ковачич Л. Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру // Московский центр Карнеги: [сайт]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/71546> (дата обращения: 21.11.2020).

медиаактивности непредсказуемо. Таким образом, органы государственной власти останутся без шансов к активному противодействию кампаниям медиаактивистов, что будет приводить к самым непредсказуемым последствиям в политической системе.

Наконец, **четвёртый сценарий** развития медиаактивизма представлен концепцией техносолюционизма [26], согласно которой решением проблем во взаимоотношениях власти и общества станет культурно-технологический прогресс. По мнению теоретиков техносолюционизма, интенсивное технологическое развитие станет причиной эволюции социальных медиа. По мере такой эволюции будут меняться не только культура гражданского участия, но и сама общественно-политическая культура социума. В результате смены культурных парадигм, проектируемых технологическими условиями и возникающими формами участия в социальных сетях, изменится и формат взаимоотношений политических акторов государства и гражданского общества в Сети. Концепция техносолюционизма предполагает позицию, согласно которой видимые противоречия между реальным социально-политическим миром и миром виртуального гражданского общества будут нивелированы за счёт технологических решений в результате эволюции форм, средств и способов массовых коммуникаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в течение последних трёх десятилетий – от зарождения онлайн-активностей до настоящего времени – медиаактивизм успел пройти эволюцию от довольно простой модели организации совместных действий до сложной формы коллективного участия в общественно-значимых действиях. Последняя предполагает использование технологичных, но в то же время доступных медиаинструментов, способных облегчить достижение индивидуальных или коллективных целей.

В результате ретроспективного анализа медиаактивистских практик стало очевидно, что медиаактивизм не только качественно эволюционировал, но и стал повседневной формой гражданского участия. Медиаактивизм как является важным элементом современного мира политики, который можно рассматривать как индикатор общественных состояний («демократия настроений»), так и способствует формированию цифрового формата диалога между государством и институтами гражданского общества. Несмотря на то, что дальнейшее развитие медиаактивизма вызывает много вопросов, внедрение активистских практик в политический процесс формирует вирусное продвижение инициатив, влияющих на всю общественно-политическую жизнь в целом.

Мы пришли к выводу, что в истории развития медиаактивизма можно выделить четыре основных этапа. Думается, что первый этап следует условно назвать «героический». В рамках него авторитетные медиаактивисты,

пытаясь преодолевать различные «информационные барьеры», делали акценты на своих выдающихся личностных качествах, которые необходимы для достижения поставленных политических целей и задач. В свою очередь, второй этап – «экспансия» – характеризовался активным продвижением идей медиаактивистов во все сферы общественной жизнедеятельности. Личностное измерение медиаактивизма трансформировалось в общественное. В результате феномен медиаактивизма проявлялся в тех областях социально-политической действительности, которые ранее им не охватывались. Думается, что третий период можно обозначить как «технологический». В его рамках происходили окончательное вытеснение личностных качеств медиаактивистов из информационного пространства, замещение их технологическими новациями самих каналов коммуникации. И, наконец, четвёртый этап – «разобщение». Считаем, что для него характерно всё более активное «столкновение» концептуальных подходов к политическому активизму. Это проявляется в выделении нескольких взаимоисключающих сценариев развития данного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авзалова Э. И., Зазнаев О. И. Проблема взаимосвязи Интернета и политики в современных отечественных исследованиях // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. № 15 (2). С. 245–260.
2. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. 2020. № 2. С. 73–91.
3. Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 1. С. 41–57.
4. Демакова К., Маковецкая С., Скрыкова Е. Неполитический активизм в России [Электронный ресурс] // Pro et Contra. [2014]. URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_63_148-163.pdf (дата обращения: 24.11.2020).
5. Колозариди П. История интернета: under construction // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2020. № 2. С. 10–16.
6. Пырма Р. В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. № 2. С. 74–81.
7. Суслов И. В., Кныжова З. З. Потенциал и перспективы политической мобилизации в интернет-пространстве: обзор эмпирических исследований в мировом и российском контексте // Власть. 2019. № 3. С. 59–66.
8. Четверикова О. Н. Цифровой тоталитаризм. М.: АСТ, 2019. 342 с.
9. Шомова С. А. Выборы президента РФ – 2018 в зеркале мемов: новые реалии политической коммуникативистики // Полис. 2019. № 3. С. 157–173.
10. Alqudsi T. Creative use of Social Media in the Revolutions of Tunisia, Egypt & Libya // The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences: Annual Review. 2012. Vol. 6. P. 147–158.

11. Bayer J. P., Vasilyeva V. A., Vetrenko I. A. The Social Credit System of the People's Republic of China through the Eyes of Foreign Researchers // *Administrative consulting*. 2020. № 7. P. 20–31.
12. Bennett L., Segerberg A. The Logic of Connective Action // *Information, Communication & Society*. 2012. Vol. 15. Iss. 5. P. 739–768.
13. Gelsomino M. The Zapatista Effect: Information Communication Technology Activism and Marginalized Communities // *Faculty of Information Quarterly*. 2010. Vol. 2 (2). P. 1–9.
14. Gerbaudo P. From cyber-autonomism to cyber-populism: An ideological history of digital activism // *tripleC: Communication, Capitalism & Critique*. 2017. Vol. 15. P. 477–489.
15. Gleason B. #OccupyWallStreet: Exploring Informal Learning About a Social Movement on Twitter // *American Behavioral Scientist*. 2013. Vol. 57 (7). P. 966–982.
16. González-Bailón S., Wang N. Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media // *Social Networks*. 2016. Vol. 44. P. 95–104.
17. Guriev S. Melnikov N., Zhuravskaya E. 3G Internet and Confidence in Government [Электронный ресурс] // *Quarterly Journal of Economics*, Forthcoming. [2019]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3456747> (дата обращения: 21.11.2020).
18. Hahn N. What good is Twitter? The value of social media to public service journalism [Электронный ресурс] // *LSE Research Online Documents on Economics*. 2013. URL: http://eprints.lse.ac.uk/59881/1/Hahn_What-good-is-twitter_2013.pdf (дата обращения: 21.11.2020).
19. Hargittai E., Shafer S. Differences in Actual and Perceived Online Skills: The Role of Gender // *Social Science Quarterly*. 2006. Vol. 87 (2). P. 432–448.
20. Ibrahim Y. Capital punishment and virtual protest: A case study of Singapore // *First Monday*. 2006. № 11 (10). DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v11i10.1407>.
21. Joyce M. Digital activism decoded. New York: IDEBATE Press, 2010. 240 p.
22. Juris J. S. The New Digital Media and Activist Networking within Anti-Corporate Globalization Movements // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2005. Vol. 597 (1). P. 189–208.
23. Kahn R., Kellner D. New Media and Internet Activism: From the 'Battle of Seattle' to Blogging // *New Media & Society*. 2004. Vol. 6 (1). P. 87–95.
24. Luyt B. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide / ed. P. Norris. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 303 p.
25. Milan S. Data Activism as the New Frontier of Media Activism // *Media Activism in the Digital Age* / ed. V. Pickard, G. Yang. London: Routledge, 2017. P. 151–163.
26. Morozov E. To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism. New York: Public Affairs, 2013. 432 p.
27. Media Activism in the Digital Age / ed. V. Pickard, G. Yang. London: Routledge, 2017. 248 p.
28. The Internet as a Tool for Black Feminist Activism: Lessons From an Online Antirape Protest / L. Rapp, D. M. Button, B. Fleury-Steiner, R. Fleury-Steiner // *Feminist Criminology*. 2010. Vol. 5 (3). P. 244–262.

29. Shirky C. Cognitive surplus: Creativity and generosity in a connected age. New York: Penguin Press, 2010. 258 p.
30. Computer Networks as Social Networks: Collaborative Work, Telework, and Virtual Community / B. Wellman, J. Salaff, D. Dimitrova, L. Garton, M. Gulia, C. Haythornthwaite // *Annual Review of Sociology*. 2003. Vol. 22. P. 213–238.

REFERENCES

1. Avzalova E. I., Zaznaev O. I. [The Problem of Interrelation of the Internet and Politics in Modern Russian Researches]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX], 2019, no. 15 (2), pp. 245–260.
2. Ahremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. [Network vs Message in Protest Diffusion in Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives]. In: *Polis*. [Polis.], 2020, no. 2, pp. 73–91.
3. Basheva O. A. [Digital Activism as a New Method of Civil Mobilization]. In: *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* [Research Result. Sociology and Management], 2020, vol. 6, no. 1, pp. 41–57.
4. Demakova K., Makoveckaja S., Skrjakova E. [Non-political Activism in Russia]. In: *Pro et Contra*, 2014. Available at: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_63_148-163.pdf (accessed: 24.11.2020).
5. Kolozaridi P. [The History of the Internet: under construction]. In: *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ. Debates on Politics and Culture], 2020, no. 2 (130), pp. 10–16.
6. Pyrma R. V. [Concepts of Civil Activism in the Digital Space of Communications]. In: *Vlast'* [Power], 2020, no. 2, pp. 74–81.
7. Suslov I. V., Knyzhova Z. Z. [The Potential and Prospects of Political Mobilization in the Internet-space: a Review of Empirical Research in the Global and Russian contexts]. In: *Vlast'* [Power], 2019, no. 3, pp. 59–66.
8. Chetverikova O. N. *Cifrovoj totalitarizm* [Digital Totalitarianism]. Moscow, AST Publ., 2019. 342 p.
9. Shomova S. A. [2018 Russian Presidential Elections in the Mirror of Memes: New Realities of Political Communications]. In: *Polis*. [Polis.], 2019, no. 3, pp. 157–173.
10. Alqudsi T. Creative use of Social Media in the Revolutions of Tunisia, Egypt & Libya. In: *The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences: Annual Review*, 2012, vol. 6, pp. 147–158.
11. Bayer J. P., Vasilyeva V. A., Vetrenko I. A. The Social Credit System of the People's Republic of China through the Eyes of Foreign Researchers. In: *Administrative consulting*, 2020, no. 7, pp. 20–31.
12. Bennett L., Segerberg A. The Logic of Connective Action. In: *Information, Communication & Society*, 2012, vol. 15, iss. 5, pp. 739–768.
13. Gelsomino M. The Zapatista Effect: Information Communication Technology Activism and Marginalized Communities. In: *Faculty of Information Quarterly*, 2010, vol. 2 (2), pp. 1–9.
14. Gerbaudo P. From cyber-autonomism to cyber-populism: An ideological history of digital activism. In: *tripleC: Communication, Capitalism & Critique*, 2017, vol. 15, pp. 477–489.

15. Gleason B. #OccupyWallStreet: Exploring Informal Learning About a Social Movement on Twitter. In: *American Behavioral Scientist*, 2013, vol. 57 (7), pp. 966–982.
16. González-Bailón S., Wang N. Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media. In: *Social Networks*, 2016, vol. 44, pp. 95–104.
17. Guriev S. Melnikov N., Zhuravskaya E. 3G Internet and Confidence in Government. In: *Quarterly Journal of Economics*, Forthcoming, 2019. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3456747> (accessed: 21.11.2020).
18. Hahn N. What good is Twitter? The value of social media to public service journalism. In: *LSE Research Online Documents on Economics*, 2013. Available at: http://eprints.lse.ac.uk/59881/1/Hahn_What-good-is-twitter_2013.pdf (accessed: 21.11.2020).
19. Hargittai E., Shafer S. Differences in Actual and Perceived Online Skills: The Role of Gender. In: *Social Science Quarterly*, 2006, vol. 87 (2), pp. 432–448.
20. Ibrahim Y. Capital punishment and virtual protest: A case study of Singapore. In: *First Monday*, 2006, no. 11 (10), DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v11i10.1407>.
21. Joyce M. Digital activism decoded. New York, IDEBATE Press, 2010. 240 p.
22. Juris J. S. The New Digital Media and Activist Networking within Anti-Corporate Globalization Movements. In: *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2005, vol. 597 (1), pp. 189–208.
23. Kahn R., Kellner D. New Media and Internet Activism: From the 'Battle of Seattle' to Blogging. In: *New Media & Society*, 2004, vol. 6 (1), pp. 87–95.
24. Luyt B. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 303 p.
25. Milan S. Data Activism as the New Frontier of Media Activism. In: Pickard V., Yang G., eds. *Media Activism in the Digital Age*. London, Routledge, 2017, pp. 151–163.
26. Morozov E. To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism. New York, Public Affairs, 2013. 432 p.
27. Pickard V., Yang G., eds. *Media Activism in the Digital Age*. London, Routledge, 2017. 248 p.
28. Rapp L., Button D. M., Fleury-Steiner B., Fleury-Steiner R. The Internet as a Tool for Black Feminist Activism: Lessons From an Online Antirape Protest. In: *Feminist Criminology*, 2010, vol. 5 (3), pp. 244–262.
29. Shirky C. Cognitive surplus: Creativity and generosity in a connected age. New York, Penguin Press, 2010. 258 p.
30. Wellman B., Salaff J., Dimitrova D., Garton L., Gulia M., Haythornthwaite C. Computer Networks as Social Networks: Collaborative Work, Telework, and Virtual Community. In: *Annual Review of Sociology*, 2003, vol. 22, pp. 213–238.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 26.11.2020

Статья размещена на сайте: 30.03.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бронников Иван Алексеевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: ivbronn@gmail.com

Горбачев Михаил Валерьевич – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: ussr-86@mail.ru

Кононенко Олег Сергеевич – студент магистратуры факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: okey_ok_ey@hotmail.com

Тимирчев Илья Константинович – студент магистратуры факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: romeos22gr@gmail.com

Ivan A. Bronnikov – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ivbronn@gmail.com

Mikhail V. Gorbachev – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ussr-86@mail.ru

Oleg S. Kononenko – Master's Degree Student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: okey_ok_ey@hotmail.com

Ilya K. Timirchev – Master's Degree Student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: romeos22gr@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Медиаактивизм и гражданская мобилизация: генезис и тенденции / И. А. Бронников, М. В. Горбачев, О. С. Кононенко, И. К. Тимирчев // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Bronnikov I. A., Gorbachev M. V., Kononenko O. S., Timirchev I. K. Mediaactivism and civil mobilization: genesis and tendencies. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 314.745.4

Зорин В. Ю.

*Институт этнологии и антропологии РАН имени Н. Н. Миклухо-Маклая
119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а, Российская Федерация*

Герасимова И. В.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32, Российская Федерация*

Бурда М. А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1, Российская Федерация*

ПОТЕНЦИАЛ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ ПО ПЕРЕСЕЛЕНИЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, для определения количественно-качественных показателей её реализации.

Процедура и методы. Государственная программа рассмотрена как один из эффективных инструментов реализации государственной миграционной политики, способствующих привлечению соотечественников в Российскую Федерацию. В статье приведены виды, обозначены особенности программно-целевых инструментов государственного управления в сферах социального и экономического развития страны и её безопасности. Приведены аргументы в пользу обеспечения чёткой увязки целей и задач, стоящих перед органом государственной власти, с планируемыми количественно измеримыми результатами и необходимыми финансовыми ресурсами. Использованы методы статистического анализа, анализа научной литературы, анализа материалов, предоставленных федеральными органами исполнительной власти. На основе системного и институционального подходов рассматриваются проблемы и перспективы переселенческой политики государства в отношении соотечественников, обобщиваются пути их решения.

Результаты. Подготовлены предложения для органов государственной власти по совершенствованию процесса привлечения в страну соотечественников и дальнейшему нормативному урегулированию данной сферы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Содержащиеся в научном исследовании материалы могут быть использованы федеральными и региональными органами исполнительной власти, осуществляющими функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере миграции, в том числе затрагивающему вопросы организации переселения и обустройства соотечественников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

миграционная политика, миграционные процессы, соотечественники, трудовая миграция, рынок труда, государственное управление, трудовые ресурсы, государственные программы Российской Федерации, миграционное законодательство, программно-целевой метод

СТРУКТУРА

Введение

Миграция как область стратегического планирования

Вопросы реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом

Заключение

V. Zorin

*N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS
32a Leninsky prospect, Moscow 119991, Russian Federation*

I. Gerasimova

*The Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Socio-Economic Studies of Population of the RAS
82 Nakhimovsky prospekt, Moscow 117218, Russian Federation*

M. Burda

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 str. 1 prospekt Vernadskogo, Moscow 119571, Russian Federation*

POTENTIAL AND REALIZATION FEATURES OF THE STATE PROGRAM FOR RESETTLEMENT OF COMPATRIOTS

ABSTRACT

Aim. Analysis of the State Program to Assist Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad to the Russian Federation to determine the quantitative and qualitative indicators of its implementation.

Methodology. The authors consider the program as one of the effective tools for implementation of the state migration policy that helps attract compatriots to the Russian Federation. The article presents the types and features of public management program and target tools in social and economic development of the country and its security. Arguments in favor of a clear link between the goals and tasks of the state body with the planned quantifiable results and the necessary financial resources are given. Methods of statistical analysis, analysis of scientific literature, analysis of materials provided by Federal Executive bodies are used. On the basis of a systematic and institutional approach the problems and prospects of the state resettlement policy towards compatriots are considered, and the ways to solve them are substantiated.

Results. Proposals for the state bodies to improve the process of attracting compatriots to the country and normative regulating of this sphere are prepared.

Research implications. The materials contained in this research can be used by Federal and Regional Executive bodies that formulate and realize the state policy and normative regulation in the field of migration, including issues of the organization of resettlement and settlement of compatriots.

KEYWORDS

migration policy, migration processes, compatriots, labor migration, labor market, public administration, labor resources, state programs of the Russian Federation, migration legislation, program-targeted method

ВВЕДЕНИЕ

Миграционная проблематика занимает всё более значительное место в области исследования российской политической науки. Развитие миграционной ситуации в Российской Федерации в оценке среднесрочной перспективы определяется условиями и факторами, влияющими на миграционные потоки. Такие факторы делятся на две группы: выталкивающие мигрантов из стран постоянного проживания и притягивающие мигрантов в Россию. Совокупность

выталкивающих и притягивающих факторов образует определённые стимулы и цели для переселения людей и влияет на принятие ими решения о переезде в Российскую Федерацию на определённое время или на постоянное место жительства. При этом реализуемые на уровне государства механизмы стимулирования такой миграции взаимосвязаны с интенсификацией тех или иных элементов в факторах миграции, что позволяет сформировать и выделить отдельные группы мигрантов внутри миграционных потоков.

Принимая во внимание тот факт, что именно государство в лице соответствующих компетентных органов власти является определяющим актором миграционной политики современной России, особый интерес представляет реализация в настоящем исследовании институционального подхода, позволяющего проанализировать взаимодействие органов государственной власти с другими институтами гражданского общества в рамках реализации отдельных «миграционных» программ. Одновременное использование диалектического подхода позволяет выявить динамику, имеющиеся закономерности и противоречия миграционной политики России. Представленные в настоящем исследовании эмпирические данные позволяют определить количественно-качественные показатели реализации проанализированной программы.

МИГРАЦИЯ КАК ОБЛАСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Современная миграционная ситуация в Российской Федерации характеризуется высокой миграционной привлекательностью России для различных категорий граждан ближнего зарубежья. Такая особенность современной российской миграционной модели обусловлена реализуемой государством миграционной политикой и сформированным соответствующим миграционным режимом.

Говоря о миграционном режиме, следует отметить безвизовый порядок въезда для мигрантов из государств постсоветского пространства, относительно либеральное миграционное законодательство, востребованность на рынке труда квалифицированных и низкоквалифицированных работников в сферах строительства, торговли и услуг. Кроме того, на миграционную привлекательность оказывают влияние и соответствующий высокий относительно государства исход уровня оплаты труда, социальные гарантии со стороны принимающего государства (базовое бесплатное образование и неотложная медицинская помощь мигрантам и членам их семей), историческая общность культур и ценностей с народами России. Такие притягивающие факторы весьма привлекательны для мигрантов, основной целью которых является улучшение своего материального положения для возврата на родину [6; 7].

Следует отметить, что именно безвизовый режим по отношению к государствам постсоветского пространства обусловил возникновение феномена «циркулярной миграции» [8], а также сформировал определённый уровень приоритетов российской миграционной политики.

Дополнительный стимул переезда мигрантов в Россию задают также и выталкивающие факторы в регионах исхода мигрантов, при которых генеральная цель улучшения материального положения обуславливается необходимостью смены места постоянного проживания и переселения в Россию. Этими факторами служат личные и семейные причины, социальные и культурные дивергенции, дестабилизация общественно-политической обстановки и форс-мажорные обстоятельства [4].

Рассматривая мотивы легальной миграции, также следует обратить внимание и на миграцию незаконную, которая в настоящее время превратилась в один из значимых вызовов для существования государств, формирования межгосударственных отношений, реальную угрозу для стабильности стран и регионов мира.

В основе потенциальных источников незаконной миграции лежат факторы, влияющие на состояние национальной и международной безопасности, в том числе военные и межэтнические конфликты, проблемы в сфере экологии, политическая нестабильность и иные угрозы безопасности государства и общества [3].

По ряду экспертных оценок, одной из задач миграционной политики является добровольное переселение в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, а также иных лиц, которые способны успешно интегрироваться в российское общество [1].

Следует также отметить, что баланс трудовых ресурсов поддерживается с помощью естественного воспроизводства населения, а также путём создания условий, подходящих для тех, кто принял решение эмигрировать в Россию, лиц, способных органично включиться в систему социальных, трудовых, экономических связей и стать полноправными членами российского общества [5].

Значимость миграции для современной России обусловила нахождение миграционной тематики в целом ряде стратегических и концептуальных документов. Помимо Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. миграционный аспект представлен:

- в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.;
- в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.;
- в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. и др.

Кстати, адаптация и интеграция иностранных граждан, прибывающих в Россию как на определённый срок, так и на постоянное место жительства, заявлены как одна из важнейших целей государственной национальной политики¹.

¹ Пункт 17 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 19.11.2020).

Таким образом, миграционная политика как одна из наиболее значимых сфер обеспечения национальных интересов, влияющих на национальную безопасность и экономическое развитие, лежит в плоскости стратегического планирования, являющегося одним из наиболее эффективных методов государственного управления.

В качестве инструментария вышеназванного метода используется программно-целевой подход, опирающийся на разработку и последующую реализацию федеральных целевых программ, целевых программ отдельных ведомств, государственных программ, государственных программ полномочными органами субъектов Российской Федерации и программ муниципальными образованиями.

Федеральная целевая программа (далее – ФЦП) – это комплекс мероприятий, в котором определены задачи, сроки их выполнения, а также объём необходимых ресурсов. ФЦП нацелены на решение важнейших системных проблем, стоящих перед Российской Федерацией и препятствующих её инновационному развитию.

ФЦП утверждаются Правительством Российской Федерации. В рамках ФЦП обеспечивается целевое выделение средств на реализацию мероприятий, направленных на решение поставленных в её рамках задач. Мероприятия, реализуемые в рамках ФЦП, финансируются в рамках средств, заложенных в федеральном бюджете, внебюджетных источниках, а также частично средств бюджетов субъектов России.

В отличие от ФЦП ведомственные целевые программы (далее – ВЦП) направлены на решение какой-то конкретной задачи из списка задач госпрограммы России. Соответственно, в ней содержатся определённые целевые индикаторы, а также описание мероприятий, которые необходимо выполнить для их осуществления.

ВЦП утверждаются руководителем федерального органа исполнительной власти, осуществившим её разработку по согласованию с Минэкономразвития России и Минфином России. После утверждения ВЦП её мероприятия финансируются по специально выделенной статье бюджетной классификации, что позволяет упростить процедуру планирования и отчётности. Информация о ходе исполнения ВЦП предоставляется в рамках отчётности, предусмотренной по государственной программе, в которую она включена.

Государственная программа представляет собой систему мероприятий и инструментов, обеспечивающих достижение наиболее важных приоритетов и целей государственной политики в сферах социального и экономического развития страны и её безопасности. При этом должна быть обеспечена чёткая увязка целей и задач, стоящих перед органом государственной власти, соответствующих мероприятий по их достижению с планируемыми количественно измеримыми результатами и необходимыми финансовыми ресурсами. Разработка программ осуществляется в соответствии с требова-

ниями, устанавливаемыми Правительством Российской Федерации и Минэкономразвития России. Утверждается государственная программа постановлением Правительства Российской Федерации.

Государственная программа Российской Федерации выступает в качестве документа стратегического планирования и основным инструментом программно-целевого метода организации деятельности. В настоящее время в Российской Федерации реализуется 46 госпрограмм по следующим направлениям:

- новое качество жизни;
- сбалансированное региональное развитие;
- инновационное развитие и модернизация экономики;
- обеспечение национальной безопасности;
- эффективное государство.

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ ПО ОКАЗАНИЮ СОДЕЙСТВИЯ ДОБРОВОЛЬНОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ В РОССИЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

Одной из наиболее известных государственных программ в миграционной сфере является Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, включённая в госпрограмму Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (направление – обеспечение национальной безопасности). В настоящее время функция координации государственной программы по переселению соотечественников возложена на МВД России, с одной стороны, выступающее организатором работы органов исполнительной власти различных уровней, а с другой стороны, обеспечивающее нормативное правовое сопровождение государственной программы по переселению.

Помимо государственной программы переселения соотечественников, реализующейся на федеральном уровне, с 2006 г. действуют подобные программы и на региональном уровне. Именно здесь непосредственно переселенцам предоставляются возможности для трудоустройства, медицинское обеспечение, временное жилищное обустройство [2].

В реализации государственной программы по переселению участвует 76 субъектов Российской Федерации, из которых 7 включились в работу в 2019 г.

Согласно размещённым на официальном сайте МВД России информационно-справочным данным² [7], от соотечественников принято 65,2 тыс. (-8,1%) заявлений об участии в государственной программе по переселению на 153,4 тыс. человек (плановый показатель – 43 тыс.), в том числе 33,6 тыс. заявлений (-12,5%) – в уполномоченных органах за рубежом (51,6% от всех заявлений).

² Министерство внутренних дел Российской Федерации. Главное управление по вопросам миграции [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvmt (дата обращения: 19.11.2020).

В целом соотечественникам оформлено 54 тыс. свидетельств участника госпрограммы переселения на 128 тыс. человек (плановый показатель – 33 тыс.), в том числе на территории Российской Федерации – 26,9 тыс. свидетельств (+1,2%). На учёт поставлены 108,5 тыс. (+0,8%) участников государственной программы по переселению с членами семей (плановый показатель – 66,9 тыс. человек), в том числе 334 человека воспользовались правом повторного участия в указанной программе.

В числе участников госпрограммы переселения, поставленных на учёт (51,2 тыс. человек), половина (25,9 тыс. человек) уже проживали на территории Российской Федерации, из которых 47,5% (24,3 тыс. человек) проживали в том же субъекте Российской Федерации, где зарегистрированы в качестве участников.

В 14 субъектах Российской Федерации более 90% всех участников данной программы на момент постановки на учёт проживали на территории Российской Федерации. Более 25,9 тыс. участников государственной программы по переселению на момент постановки на учёт имели разрешение на временное проживание (16,4 тыс.), вид на жительство (8,6 тыс.), временное убежище или статус беженца (863).

Традиционно высокой остаётся доля соотечественников, поставленных на учёт в субъектах Российской Федерации, расположенных в Центральном федеральном округе, – 37,3%. Привлекательность данного округа обусловлена близостью к столичному региону и наличием перспектив социально-экономического развития. Далее располагаются Сибирский федеральный округ, куда переселилось 19,0% соотечественников, Уральский (13,4%) и Приволжский (12,9%) федеральные округа. По итогам 2019 г. число лиц, состоящих на учёте в качестве участника государственной программы по переселению, и членов семей составило 899,1 тыс. человек (+13,1%). При этом статус территории приоритетного заселения закреплён исключительно за субъектами Российской Федерации, входящими в состав Дальневосточного федерального округа³.

В 2019 г. 4,5 тыс. человек сняты с учёта в качестве участника и члена семьи участника Государственной программы (+5,6%), в том числе добровольно отказались от статуса 2,0 тыс. человек (-0,7%). Доля лиц, добровольно отказавшихся от статуса, в общем числе лиц, снятых с учёта, снизилась с 46,3% до 43,5%. Количество лиц, снятых с учёта на основании решения территориального органа МВД России об утрате статуса, увеличилось на 70,1% и составило 2,5 тыс. человек.

Повысилась эффективность работы в отношении граждан, обязанных вернуть денежные средства, полученные ими в виде компенсации расходов.

³ Указ Президента Российской Федерации от 24.07.2019 № 354 «О дополнительных мерах по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

Так, количество лиц, возместивших и (или) обязанных возместить по решению суда полученные за счёт средств федерального бюджета средства на компенсацию расходов на переезд и провоз личного имущества, увеличилось в 2,4 раза (209 человек; аналогичный период предыдущего года (АППГ) – 86), на пособие на обустройство – в 2,6 раза (1,1 тыс. человек, АППГ – 436), на уплату государственной пошлины за оформление документов – в 3,6 раза (420 человек; АППГ – 118).

В Правительство Российской Федерации внесено 46 проектов распоряжений Правительства Российской Федерации о согласовании изменений в региональные программы переселения, которые были согласованы.

По информации МВД России, на реализацию процедур государственной программы по переселению в 2018 г. МВД России было выделено финансирование в объёме 3 055 123,8 тыс. руб. по четырём основным направлениям:

- на предоставление субсидий из федерального бюджета региональным бюджетам в целях софинансирования мероприятий региональных программ переселения – 205 147,0 тыс. руб. (кассовый расход составил 197 125,8 тыс. руб., или 96,1%);

- на финансовое обеспечение деятельности временных групп за рубежом, в функции которых входит реализация государственной программы по переселению, – 71 296,0 тыс. руб. (кассовое исполнение – 71 306,5 тыс. руб., или 100,0%);

- на оказание мер государственной поддержки участникам (членам их семей) государственной программы по переселению – 2 767 814,5 тыс. руб. (кассовое исполнение – 2 767 643,0 тыс. руб., или 99,9%);

- на аналитическое и организационно-методическое обеспечение государственной программы по переселению, в том числе на закупку бланков свидетельств участника государственной программы по переселению соотечественников, – 10 866,3 тыс. руб. (кассовое исполнение – 10 866,3 тыс. руб., или 100,0%).

Всего израсходовано 3 046 941,6 тыс. руб. (99,7%).

В рамках оказания господдержки участникам (членам их семей) государственной программы переселения в 2018 г. осуществлены выплаты:

- пособия на обустройство (получили 95 377 чел.);
- компенсации расходов на переезд к будущему месту проживания (получили 21 524 чел.);

- компенсации расходов на уплату государственной пошлины;
- за оформление документов о правовом статусе переселенцев (получили 68 981 чел.);

- ежемесячное пособие в связи с отсутствием дохода от трудовой или иной деятельности (получили 442 чел.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведённого анализа реализации рассмотренной государственной программы авторами представлены следующие рекомендации, которые могут повлиять на совершенствование процесса привлечения в страну соотечественников, а также предложены меры по нормативному урегулированию данной сферы.

Во-первых, необходимы стимулирование роста качества человеческого капитала, выраженное необходимостью корректировки условий добровольного переселения востребованных специалистов (в том числе научных и педагогических работников, инженеров, врачей), фермеров, предпринимателей, инвесторов и выдающихся деятелей культуры, искусства и спорта на основе анализа их предпочтений и ожиданий, а также поддержка российских организаций, привлекающих таких лиц.

Во-вторых, назрела необходимость повышения адресной концентрации финансовых ресурсов на оказании содействия добровольному переселению соотечественников на постоянное место жительства в Российскую Федерацию на территории приоритетного заселения (Дальний Восток, иные субъекты РФ со сложной демографической ситуацией) и повышения эффективности расходования финансовых средств на эту цель.

В-третьих, представляется целесообразным усилить взаимосвязь корректировки документов стратегического и бюджетного планирования, связанных с реализацией государственной программы по переселению, с учётом данных мониторинга миграционной ситуации в Российской Федерации.

Проблематика, связанная с привлечением соотечественников, имеет высокий уровень приоритета в российской миграционной политике. На реализацию вышеназванной государственной программы возлагаются задачи, решение которых будет способствовать экономическому развитию страны и улучшению демографических показателей. При этом должны быть приняты меры по защите рынка труда, сохранению межнационального и межконфессионального мира, поддержанию стабильности в развитии культур народов России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волох В. А., Суворова В. А. Международная и внутренняя миграция населения – ресурс демографического развития Российской Федерации // Государство, власть, управление и право: материалы X Всероссийской научно-практической конференции. М., 2019. С. 41–45.
2. Герасимова И. В. Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Оборона. 2019. Т. 7. № 4. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2019-4-21/article-0211> (дата обращения: 23.10.2020).

3. Зорин В. Ю., Бурда М. А. Формирование и институционализация государственной миграционной политики // *PolitBook*. 2020. № 1. С. 113–128.
4. Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации: в 2 ч. Ч. 1 // *Век глобализации: исследование современных глобальных процессов*. 2015. № 1 (15). С. 36–51.
5. Красинец Е. С. Иностранная рабочая сила на российском рынке труда: проблемы и решения // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 1. С. 104–118. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.9.
6. Михайлова Н. В., Бурда М. А., Гришин О. Е. Государственная миграционная политика России: актуальные вопросы внешней трудовой миграции // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2020. № 4 (142). С. 9–15.
7. Филькина Н. Д. Международная миграция рабочей силы как фактор экономического развития стран: развитие теоретических подходов к вопросам международной миграции // *Научная гипотеза*. 2018. № 15. С. 37–53.
8. Шустов А. В. Циркулярные миграции между Россией и странами СНГ в условиях кризиса: масштабы и последствия // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 415–427.

REFERENCES

1. Volokh V. A., Suvorova V. A. [International and internal migration of the population as a resource for the demographic development of the Russian Federation]. In: *Gosudarstvo, vlast', upravlenie i pravo: materialy X Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [State, power, governance and law: Proceedings of the X All-Russian Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2019, pp. 41–45.
2. Gerasimova I. V. [The processes of adaptation and integration of migrants as components of ensuring the national security of the Russian Federation]. In: *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [Science. Society. Defense], 2019, vol. 7, no. 43. Available at: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2019-4-21/article-0211> (accessed: 23.10.2020).
3. Zorin V. Yu., Burda M. A. [Formation and institutionalization of state migration policy]. In: *PolitBook*, 2020, no. 1, pp. 113–128.
4. Ivahnyuk I. V. [Development of migration theory in the context of globalization. Pt. 1]. In: *Vek globalizatsii: issledovanie sovremennykh global'nykh protsessov* [The Age of Globalization: A Study of Contemporary Global Processes], 2015, no. 1 (15), pp. 36–51.
5. Krasinets E. S. [Foreign labor force in the Russian labor market: problems and solutions]. In: *Narodonaselenie* [Population], 2020, vol. 23, no. 1, pp. 104–118. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.9.
6. Mihajlova N. V., Burda M. A., Grishin O. E. [State migration policy of Russia: topical issues of external labor migration]. In: *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura* [Ethnic society and interethnic culture], 2020, no. 4 (142), pp. 9–15.
7. Fil'kina N. D. [International labor migration as a factor in the economic development of countries: the development of theoretical approaches to international migration]. In: *Nauchnaya gipoteza* [Scientific hypothesis], 2018, no. 15, pp. 37–53.

8. Shustov A. V. [Circular migrations between Russia and the CIS countries during the crisis: scale and consequences]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science], 2020, vol. 22, no. 3, pp. 415–427.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 23.11.2020

Статья размещена на сайте: 28.01.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зорин Владимир Юрьевич – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Член Президиума Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям; e-mail: v.y.zorin@mail.ru

Герасимова Ирина Владимировна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; e-mail: iraida.ga@gmail.com

Бурда Михаил Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: burdam584@gmail.com

Vladimir Yu. Zorin – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations; e-mail: v.y.zorin@mail.ru

Irina V. Gerasimova – Cand. Sci. (Economics), Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; e-mail: iraida.ga@gmail.com

Mikhail A. Burda – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Political Science and Political Management, Institute of Social Sciences, RANEPA; e-mail: burdam584@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Зорин В. Ю., Герасимова И. В., Бурда М. А. Потенциал и особенности реализации государственной программы по переселению соотечественников // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Zorin V. Yu., Gerasimova I. V., Burda M. A. Potential and realization features of the state program for resettlement of compatriots. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: evestnik-mgou.ru

УДК 329.14; 329.15

Коломацкая Д. А.

*Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации»
127051, г. Москва, Малый Сухаревский пер., д. 3, стр. 1, Российская Федерация*

ПРОБЛЕМАТИКА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ИДЕОЛОГИИ И СТРАТЕГИИ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление ключевых идеологических и стратегических установок леворадикальных партий по отношению к процессу европейской интеграции и Европейскому союзу в целом.

Процедура и методы. Используются сравнительный метод, метод системного анализа, институциональный метод, исторический метод. Проведена систематизация существующих теоретических подходов в изучении партийного евроскептицизма. Представлена авторская классификация позиций леворадикальных партий по вопросу отношения к ЕС и европейской интеграции.

Результаты. Анализ показал, что вопрос об отношении к европейской интеграции является основной линией противоречий внутри леворадикальной партийной семьи. Разногласия между еврореформистами и евроскептиками привели к появлению конкурирующих объединений на европейском уровне – Партии европейских левых, «Инициатива коммунистических и рабочих партий», «Сейчас народ», DiEM25, – что делает взаимоотношения между леворадикальными партиями стран ЕС ещё более сложными и запутанными. Выработка последовательного и определённого видения Европейского союза остаётся одной из наиболее важных стратегических задач для леворадикальных партий.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование помогает уточнить представления об идеологических и стратегических позициях леворадикальных партий и их месте в политическом процессе в странах ЕС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

левые, леворадикальные партии, европейская интеграция, Европейский союз, евроскептицизм

СТРУКТУРА

Введение

Евроскептицизм в идеологии и стратегии леворадикальных партий

Позиции леворадикальных партий по вопросам европейской интеграции на национальном и европейском уровнях

Влияние мирового экономического кризиса на идеологию и стратегию леворадикальных партий в странах ЕС

Заключение

D. Kolomatskaya

Political party «Communist party of the Russian Federation»

3 str. 1 Malyi Sukharevskii pereulok, Moscow 127051, Russian Federation

PROBLEMS OF EUROPEAN INTEGRATION IN IDEOLOGY AND STRATEGY OF RADICAL LEFT PARTIES

ABSTRACT

Aim. The study identifies the key ideological and strategic attitudes of radical left parties towards the European integration and the European Union.

Methodology. The study uses the comparative method, the method of system analysis, the institutional method, and the historical method. The paper systematizes the existing theoretical approaches to the study of party-based Euroscepticism. The author's classification of the positions of radical left parties towards the EU and European integration is presented.

Results. The analysis showed that the attitude to European integration is the main point of contradictions within the radical left party family. Disagreements between Euro-reformists and Eurosceptics have led to the emergence of competing party confederations at the European level: The Party of the European Left, The Initiative of Communist and Workers' Parties, Now the People (Maintenant le Peuple), DiEM25, that makes the relationship between the radical left parties of the EU countries even more complex. The development of a coherent and distinct vision of the European Union remains one of the most important strategic tasks for radical left parties.

Research implications. The study helps to clarify the ideological and strategic positions of radical left parties and their place in the EU political process.

KEYWORDS

left, radical left parties, European integration, European Union, Euroscepticism

ВВЕДЕНИЕ

Развитие интеграционных процессов наложило существенный отпечаток на деятельность политических партий. В последние десятилетия внутренняя политика европейских государств в значительной степени оказалась обусловленной нормами и институтами ЕС, который всё чаще рассматривается в качестве одной из основных областей, где разворачивается борьба за власть в современной Европе. Леворадикальные партии, расположенные в идейно-политическом спектре слева от социал-демократии и стремящиеся к системной трансформации общества в направлении преодоления капитализма [22, р. 1], также являются активными участниками европейского политического процесса.

Как отмечает Г. Хараламбус: «Европейская интеграция – это система. Для тех, кто недоволен либо большинством из её действующих принципов и политикой, либо логикой её существования и базовыми ценностями, ЕС является “системной проблемой”» [11, р. 6]. Действительно, Европейский союз как интеграционный проект, важнейшей чертой которого является «встроенный

неолиберализм» [21, р. 14] с его акцентом на режим свободной торговли и рыночное дерегулирование, кажется глубоко противоречащим фундаментальным позициям леворадикальных партий. Л. Хуг, Г. Маркс и К. Уилсон подчёркивают, что «ЕС является продуктом партийно-политических правоцентристских, центристских и в меньшей степени левоцентристских акторов, которые управляли принятием решений в Европе последние полвека. Европейская интеграция – это преимущественно рыночно-либеральный проект, смягчаемый с помощью некоторых мер регулируемого капитализма. Евроскептицизм этих партий возникает не только из их оппозиции политике ЕС, но также и потому, что они отвергают идеологию строительства ЕС» [16, р. 969].

Таким образом, вопросы, вызванные воздействием европейской интеграции, являются составной частью идеологии леворадикальных партий. Они входят как в их программу-минимум (конкретные предложения на краткосрочную и среднесрочную перспективу), так и в программу-максимум (требования и принципы, связанные с предлагаемой альтернативной антикапиталистической моделью развития). Принятые позиции по отношению к ЕС во многом определяют стратегию и тактику леворадикальных партий, выбор методов и средств реализации программы и достижения поставленных целей, а также направление развития их наднациональных связей.

В данной статье при помощи аналитических инструментов, предлагаемых исследователями партийного евроскептицизма, будут рассмотрены ключевые идеологические и стратегические установки леворадикальных партий в отношении ЕС и перспектив европейской интеграции. Для этого необходимо решение следующих задач: во-первых, выявить особенности евроскептицизма в идеологии и стратегии леворадикальных партий стран Евросоюза; во-вторых, детально рассмотреть позиции леворадикальных партий и их основных наднациональных объединений по вопросам европейской интеграции; в-третьих, определить основные тенденции в трансформации идеологии и стратегии леворадикальных партий, произошедшей под влиянием мирового финансово-экономического кризиса и наметившихся в последние годы центробежных тенденций в развитии Евросоюза.

В основе методологии данного исследования лежит прежде всего сравнительный (компаративный) подход к изучению политических партий, применяемый на уровнях как отдельных партий, так и их объединений. В ходе исследования также используются: метод системного анализа, предполагающий рассмотрение партии как сложной и целостной системы, состоящей из взаимосвязанных компонентов (социальная база, идеология, организационная структура, стратегия); институциональный метод, рассматривающий партию в качестве организации, действующей в системе институтов государства; а также исторический метод, позволяющий выявить факторы, повлиявшие на современное положение и характеристики рассматриваемых партий.

ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ В ИДЕОЛОГИИ И СТРАТЕГИИ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ

В качестве основного аналитического инструмента для изучения отношения политических партий к европейской интеграции используется концепция евроскептицизма. В современной научной литературе евроскептицизм рассматривается в качестве идейно-политического течения в Европе, представители которого выступают против ЕС в той форме, которая навязывается современными теоретиками союза. Оно объединяет политические партии и движения, опирающиеся на различные идеологические доктрины и ставящие перед собой различные цели: от выхода из ЕС до политики ограниченного участия в европейских интеграционных процессах [1, с. 241].

П. Таггарт определяет евроскептицизм как «идею условной или ограниченной, также как и ... откровенной и абсолютной оппозиции процессу европейской интеграции» [24, р. 366]. Основываясь на этом определении, П. Таггарт и А. Щербяк выделяют два типа евроскептицизма [23, р. 7–8]: мягкий евроскептицизм, предполагающий условную оппозицию интеграционному процессу при отсутствии принципиального протеста против членства страны в ЕС и неприятия европейского проекта; жёсткий евроскептицизм, представляющий собой принципиальную оппозицию ЕС, «всему проекту европейской интеграции, как он в настоящее время представляется» [23, р. 7], и выраженный в поддержке выхода из Евросоюза.

Второй подход предложили П. Копецки и К. Мудде, выделившие два измерения отношения политических партий к европейской интеграции [20, р. 300–303]. Первое измерение обозначено как «поддержка (идей/ценностей) европейской интеграции» [20, р. 300–301]. В его рамках авторы различают еврофилов и еврофобов. Еврофилы разделяют ключевые идеи интеграции, заложенные в основу современного ЕС: «институционализированное сотрудничество на основе объединённого суверенитета (политический элемент) и интегрированная либеральная рыночная экономика (экономический элемент)» [20, р. 301], – тогда как еврофобы выступают против этих идей. Второе измерение – это «поддержка ЕС», в рамках которого авторы различают «ЕС-оптимистов» и «ЕС-пессимистов». К числу ЕС-оптимистов исследователи относят те партии, которые поддерживают текущее развитие ЕС и оптимистично смотрят на его будущее; напротив, те партии, которые критически относятся к нынешней траектории развития Евросоюза или пессимистично смотрят на направление его развития, отнесены к ЕС-пессимистам. Комбинация этих двух измерений приводит к выделению четырёх возможных позиций по отношению к ЕС: евроэнтузиасты, совмещающие позиции еврофильства и ЕС-оптимизма; европрагматики, сочетающие позиции еврофобии и ЕС-оптимизма (т. е. партии, не поддерживающие идей европейской интеграции, но выступающие за членство в ЕС, исходя, как правило, из прагматических соображений его выгоды для своей страны или избирате-

лей); евроскептики, объединившие позиции еврофильства и ЕС-пессимизма (партии, которые поддерживают фундаментальные идеи европейской интеграции, но критически относятся к его нынешней траектории развития); и, наконец, европротивники – еврофобы и ЕС-пессимисты.

Дальнейшие исследования внесли ряд уточнений в понимание идеологических основ и проявлений евроскептицизма со стороны политических партий, в том числе леворадикальных. М. О. Шибкова предлагает разделять партийный евроскептицизм на идеологический, предполагающий категорическое неприятие «наднациональных институтов как таковых, объясняемое глубокими идеологическими убеждениями, которых партии придерживаются во всех предпринимаемых ими политическими шагах», и тактико-стратегический, используемый партиями в качестве временного инструмента для «достижения краткосрочных целей, главными из которых являются, как правило, привлечение электората путём выдвижения протестных лозунгов против национального правительства и, как следствие, Европейского союза, чьи директивы оно выполняет» [6, с. 14]. Вместе с тем исследователи подчёркивают идеологические особенности критики европейской интеграции со стороны части левых партий, которые обычно относят к числу евроскептических. Я. Кацуридис отмечает, что многие леворадикальные партии проводят различие между поддержкой европеизма и интеграции как идеала и поддержкой «реально существующего ЕС» как конкретного институционального соглашения и политического механизма. Для них идеал европейской интеграции означает не признание «рыночно-либерального ЕС», а поддержку набора ценностей, которые, как они считают, представляют собой лучшее европейское духовное и социальное наследие: социальная справедливость, толерантность, солидарность, единство, равенство и т. д., – и убеждение, что альтернативная европейская интеграция на основе этих ценностей может быть реализована [18, р. 9].

Кроме этого, необходимо отметить особенности идеологических оснований левого евроскептицизма. Среди выделенных Г. И. Вайнштейном движущих сил евроскептицизма [2, с. 44–45] для леворадикальных партий наиболее значимыми являются критика экономических основ интеграции, эрозии национально-государственных суверенитетов и «демократического дефицита» наднациональных европейских органов, тогда как на место ключевых для правых евроскептиков требований противостояния миграции и защиты интересов коренного населения встаёт традиционная для крайне левых тема антиимпериализма. Как отмечает М. Холмс, леворадикальные партии критически рассматривают современную форму европейской интеграции в том виде, как она воплощена в ЕС, и сходятся в признании того, что основными недостатками современного Евросоюза являются его неолиберальная экономическая политика, служащая интересам крупного капитала, недемократическая практика наднациональных европейских институтов и внешняя политика, подчинённая интересам НАТО и США [14, р. 69–71].

Д. Кейт выделяет три типа леворадикальных партий в зависимости от их стратегии по отношению к Евросоюзу. Сторонники непримиримого евроскептицизма выступают за выход своих стран из ЕС, который рассматривается ими в качестве институционального образования, не совместимого с их видением необходимой социальной трансформации. Условные евроскептики поддерживают некоторые формы сотрудничества на наднациональном уровне, но выступают против основных институтов ЕС, ставящих под угрозу суверенитет национальных государств. Интеграционистские (или экспансионистские) евроскептические партии отвергают рыночные и неолиберальные основы нынешнего Евросоюза, но поддерживают участие страны в структурах ЕС и выступают за развитие альтернативных форм интеграции, которые в будущем приведут к появлению «социальной Европы» [19, р. 90–93]. Таким образом, как и в концепции С. Василюпулу, разработанной для изучения правых партий Европы [25], разделение между непримиримым и условным евроскептицизмом проходит по вопросу о нахождении своей страны в ЕС (т. н. «фактор членства»), а между условным и интеграционистским евроскептицизмом – в признании необходимости существующих структур и институтов Евросоюза.

Опираясь на исследования евроскептицизма, проведённые П. Таггардом, А. Щербяком, П. Копецки, К. Мудде, В. И. Вайнштейном и М. О. Шибковой, с учётом замечаний, приведённых Я. Кацуридисом, М. Холмсом и Д. Кейтом, можно разделить леворадикальные партии стран ЕС на три группы. В первую группу входят жёсткие евроскептики (антиинтеграционисты) – идеологические евроскептики, противники интеграции в том виде, в котором она воплощена в ЕС, выступающие за выход своих стран из Евросоюза. Вторую группу составляют мягкие евроскептики (условные евроскептики, или еврокритики [13, р. 317]) – стратегические евроскептики, которые при критике неолиберальных основ современного ЕС полагают выход из Евросоюза невыполнимым требованием и признают необходимость избирательной интеграции в тех областях, которые находят прогрессивными. Наконец, в третью группу входят евгореформисты (или конструктивные евроскептики [2, с. 43]) – критические сторонники интеграции, выступающие за реформирование Евросоюза в направлении достижения своего нормативного идеала и активное использование тех возможностей, которые даёт европейская интеграция, при критическом отношении к её неолиберальным аспектам. Таким образом, предлагаемая классификация учитывает своеобразие идеологических позиций современных леворадикальных партий в отношении европейской интеграции, а также указывает на глубокие стратегические разногласия, существующие между различными их группами в настоящее время.

ПОЗИЦИИ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ ПО ВОПРОСАМ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА НАЦИОНАЛЬНОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ УРОВНЯХ

Хотя термин «евроскептицизм» впервые был использован в 1985 г. в британской прессе [3, с. 67], очевидно, что евроскептические и антиевропейские настроения существовали с самого начала интеграционных процессов, в том числе, среди леворадикальных партий. С первых лет существования Европейского экономического сообщества коммунистические партии являлись одними из самых жёстких и последовательных критиков интеграционного процесса, рассматривая его как объединение сил западноевропейского капитализма в интересах транснациональных монополий и империалистических устремлений США, желающих установить экономический и политический контроль над Западной Европой [9, р. 222]. Однако в настоящее время леворадикальные партии не имеют общей, разделяемой всеми из них позиции в отношении ЕС и находятся в постоянных дискуссиях о перспективах европейской интеграции. Среди них встречаются как жёсткие евроскептики, так и мягкие евроскептики и сторонники еврореформизма.

В числе партий, стоящих на позициях жёсткого евроскептицизма, выделяются две группы, имеющие различные идеологические подходы: традиционные коммунистические партии и скандинавские левые социалистические (экосоциалистические) партии.

Традиционные коммунистические партии рассматривают ЕС как «империалистический, антидемократический, неолиберальный и милитаристский блок»¹, служащий интересам капитала и крупных держав и несущий угрозу правам трудящихся. По мнению этих партий, реформирование ЕС невозможно из-за капиталистической природы интеграции, которая не может служить «никаким иным интересам, кроме обслуживания интересов буржуазии против интересов рабочего класса»². В программе Коммунистической партии Греции (КПГ) заявлено: «Социалистическое строительство несовместимо с участием страны в империалистических союзах, таких как ЕС, НАТО, МВФ и ОЭСР»³, – а Португальская коммунистическая партия (ПКП) отмечает, что «альтернативная, патриотическая и левая политика» будет возможна только тогда, когда осуществится необходимое решение для «утверждения национальных интересов, а именно выход из Евросоюза»⁴. Вместе с тем традици-

¹ Imperialist offensive and the struggle against the exploitation of the peoples [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pcp.pt/en/imperialist-offensive-and-struggle-against-exploitation-peoples> (дата обращения: 12.05.2020).

² Алиссандракис К. Правда о Европейском Союзе [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20100314113716/http://www.kke.gr/cpg/press_ru/2003/100303.html (дата обращения: 12.05.2020).

³ Программа Коммунистической партии Греции [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.kke.gr/ru/articles/--00001> (дата обращения: 12.05.2020).

⁴ The crisis of capitalism and the European capitalist integration [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pcp.pt/en/node/260909> (дата обращения: 12.05.2020).

онные компартии полагают, что европейская интеграция в интересах трудящихся будет возможна только на социалистической основе. КПГ заявляет: «Будущее сотрудничества народов в Европе во всех областях – экономической, культурной, политической – предполагает формирование рабочих, социалистических государств»⁵.

Другой тип жёсткого евроскептицизма характерен для левых социалистических (экосоциалистических) партий скандинавских стран. Как отмечает Л. Марч, евроскептицизм этих партий прочно укоренён в традиции «скандинавской исключительности» [21, р. 95]: они считают, что опыт, нормы и ценности скандинавской экономической и социальной модели должны служить примером для остальных стран, тогда как членство в ЕС является угрозой по отношению к основам скандинавского успеха. Так, шведская Левая партия в своей программе заявляет: «ЕС на практике делает свободу капитала универсальным принципом. Первоочередными задачами являются дерегулирование, снижение налогов, приватизация и устранение торговых барьеров на общем рынке, в то время как социальная защита, охрана окружающей среды и трудовые права считаются проблемой, поскольку они могут уменьшить свободу капитала. ... Поэтому Левая партия работает над выходом Швеции из ЕС»⁶.

Мягкие евроскептики, в число которых входит ряд реформированных коммунистических и левых социалистических партий, критикуют проводимую ЕС неолиберальную экономическую политику, но полагают выход из Евросоюза или его роспуск невыполнимыми и нежелательными требованиями. В целом, если принять разделение между «социальной Европой», «политической Европой» и «экономической Европой», о котором упоминает Я. Кацуридис [18, р. 10], можно сделать вывод, что большинство мягких евроскептических партий поддерживает «социальную Европу» (т. е. расширение европейского сотрудничества в разработке политики, направленной на защиту прав трудящихся, женщин и окружающей среды), но в то же время выступает против «политической Европы» (большей федерализации), «военной Европы» (проведения общей внешней и оборонной политики) и «рыночной Европы» (свободной конкуренции и утраты возможностей экономического регулирования на национальном уровне). К примеру, «Шинн Фейн» с конца 1990-х гг. выступает в поддержку выборочной интеграции: «Подход “Шинн Фейн” к ЕС основан на простом принципе. Мы активно поддерживаем предложения и меры, которые в интересах Ирландии и ЕС в целом, и проводим кампании по изменению тех, которые нет» [10, р. 309]. Изначально доминировавшая в Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ) негативная позиция

⁵ Европейское капиталистическое объединение и его роль в международных событиях. Альтернативное предложение коммунистов [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20170602124810/http://www.kke.gr/cpg/doc_ru/2005/EE-1105.html (дата обращения: 12.05.2020).

⁶ Vänsterpartiets Partiprogram [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vansterpartiet.se/resursbank/partiprogram> (дата обращения: 12.05.2020).

по вопросу о вступлении Чехии в ЕС, обоснованная беспокойством по поводу потери национального суверенитета, к середине 2000-х гг. сменилась на «прагматичное принятие членства» в ЕС [8, р. 79] и поддержку ряда направлений социальной политики Евросоюза. Нидерландская Социалистическая партия под лозунгом «Нидерландам нужно меньше Брюсселя» выступает за прекращение политики ЕС по приватизации и дерегуляции, сокращение бюджета Евросоюза (и нидерландских взносов), отказ от передачи полномочий Брюсселю и необходимость одобрения принимаемых ЕС законов на национальном уровне [21, р. 130].

Сторонников еврореформизма отличает критическая поддержка интеграционных процессов. Например, лидер Партии коммунистического возрождения (ПКВ) Ф. Бертинотти заявлял о том, что «европейскую идею следует отбивать у капитала» [5, с. 76], а «Подemos» призывает к выходу из ЕС противопоставляет позицию необходимости борьбы за Евросоюз, в котором «будет гарантирован мир, демократия и социальные права, будет проект будущего, всеобщего благосостояния и прогресса»⁷. По мнению еврореформистов, необходимо «переоснование» ЕС в качестве социально ориентированного и демократически контролируемого объединения. Реформированный ЕС должен «уделять первоочередное внимание потребностям трудящихся, пенсионеров и безработных, а не интересам транснациональных корпораций и обанкротившихся банкиров» (СИРИЗА)⁸, основываться на принципах «полной занятости, гендерного равенства, защиты от бедности, социальной справедливости и экологической устойчивости» (португальский Левый блок) [21, р. 109], гарантировать «гражданские права, положение трудящихся и справедливые правила трудовой деятельности, социальную безопасность, достаточные налоговые поступления для поддержки государства всеобщего благосостояния» (финский Левый союз)⁹ и быть носителем «социальной справедливости в пределах своих границ и сторонником мира во всем мире», опираясь на «демократические институты, избираемые всеми гражданами ЕС» (ПКВ) [17, р. 24].

Основными объединениями леворадикальных партий на уровне ЕС являются созданная в 2004 г. транснациональная европартия – Партия европейских левых (ПЕЛ) и партийная группа «Европейские объединённые левые – Лево-зелёные севера» (ЕОЛ/ЛЗС) в Европарламенте.

По состоянию на 2020 г. Партия европейских левых объединяет 26 партий-полноправных членов, 7 наблюдателей и 5 партий-партнёров из 24

⁷ Испанская партия Podemos: выход Британии из ЕС – это плохая новость [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20160624/1451042871.html> (дата обращения: 12.05.2020).

⁸ Tsipras A. The Greek message for Angela Merkel [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/oct/08/greek-message-for-angela-merkel> (дата обращения: 12.05.2020).

⁹ The Left Road to a Just World – Vasemmistoliitto [Электронный ресурс] // URL: <https://web.archive.org/web/20140519082251/http://www.vasemmisto.fi/politiikka/the-left-road-to-a-just-world> (дата обращения: 12.05.2020).

стран¹⁰. Характерной чертой ПЕЛ является «модернистская» (преуменьшающая коммунистические корни) и «евроконструктивная» (поддерживающая идею и процесс европейской интеграции, но критикующая господствующие в ЕС неолиберальные порядки) линия [12]. «Европейские левые» требуют проведения реформы ЕС и пересмотра европейских договоров, в результате чего будет создана «другая», «социальная, демократическая, экологическая, мирная и открытая миру Европа» [7, с. 116]. ПЕЛ выступает за то, чтобы гарантировать приоритет социальных и трудовых прав, подчинить Европейский центральный банк демократическому контролю, переориентировать его финансовую политику на достижение устойчивого роста и полной занятости, а также создать новую европейскую демилитаризованную систему безопасности, опирающуюся на ОБСЕ и ООН. Исходя из этого, мы можем определить Партию европейских левых как европартию, разделяющую еврореформистские взгляды на ЕС.

Группа «Европейские объединённые левые – Лево-зелёные Севера» (ЕОЛ/ЛЗС) в Европарламенте в настоящее время включает 40 депутатов, представляющих 18 партий (политических делегаций)¹¹. Она определяет себя как «конфедеративная группа», «форум для сотрудничества между различными политическими компонентами, каждый из которых сохраняет собственную независимость и приверженность своей собственной позиции»¹². Это свидетельствует о том, что по многим вопросам взгляды составляющих её партий существенно различаются. Помимо идеологических противоречий между левыми социалистами, коммунистами, левыми националистами и защитниками прав животных, партии, входящие в группу, разделены по ключевому вопросу об отношении к ЕС. Политические документы, выпускаемые ЕОЛ/ЛЗС, часто либо игнорируют различия во мнениях, отражая позицию доминирующих представителей ПЕЛ, либо ограничиваются достаточно размытыми лозунгами вроде «Другая Европа возможна». Как отмечает М. Холмс, лишь «сохраняя политические заявления расплывчатыми, ЕОЛ/ЛЗС ... оказались способны поддерживать тонкий баланс между конкурирующими позициями по европейской интеграции» [14, p. 71].

ВЛИЯНИЕ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ИДЕОЛОГИЮ И СТРАТЕГИЮ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ В СТРАНАХ ЕС

Начавшийся в 2007–2008 гг. мировой экономический кризис создал благоприятную почву для актуализации требований леворадикальных партий.

¹⁰ Statute – Party of the European Left [Электронный ресурс]. URL: <https://www.european-left.org/statute> (дата обращения: 12.05.2020).

¹¹ GUE/NGL. Delegations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.guengl.eu/groups/delegation> (дата обращения: 12.05.2020).

¹² GUE/NGL. Constituent declaration [Электронный ресурс]. URL: https://www.guengl.eu/content/uploads/2019/01/040701-Constituent_declaration-1.doc (дата обращения: 12.05.2020).

Все леворадикальные партии выступили с критикой неолиберальной политики ЕС и заявлениями солидарности с трудящимися стран, пострадавшими от введения мер жёсткой экономии. Однако опыт правительственного участия греческой СИРИЗА в условиях кризиса оказался глубоко разочаровывающим для леворадикальных партий, показав на практике трудности в проведении антинеолиберальной программы в условиях жёстких ограничений, которые накладывают институты ЕС. Шириющиеся стратегические разногласия в оценке ситуации между евроскептиками и еврореформистами привели к возникновению новых наднациональных объединений внутри партийной семьи.

Для коммунистов-евроскептиков ситуация экономического кризиса стала новым подтверждением того, что реформирование ЕС невозможно. В 2013 г. 30 традиционных коммунистических партий, объединённых вокруг КПГ, создали «Инициативу коммунистических и рабочих партий для изучения и разработки европейских вопросов и координации своей деятельности». «Инициатива» рассматривает ЕС как «творение капитала», «империалистический экономический, политический и военный блок», действующий в интересах монополий и противоречащий интересам рабочего класса и народных слоёв, и стремится к объединению сил коммунистических партий в борьбе за освобождение от многоуровневой зависимости от ЕС¹³.

Процессы размежевания начались также среди еврореформистских и мягких евроскептических партий, входивших в ПЕЛ. В начале 2016 г. бывшим министром финансов в правительстве СИРИЗА Я. Варуфакисом было создано общеевропейское движение DiEM25 («Движение за демократию в Европе-2025»), критикующее ЕС за неолиберализм, навязывание политики жёсткой экономии и неподотчётность евробюрократам гражданам. С позиций еврореформизма движение выступает за реформирование ЕС, чтобы «превратить Европу в полноценную демократию с независимым парламентом, уважающим национальное самоопределение, который разделяет власть с национальными парламентами стран-членов, региональными ассамблеями и муниципальными советами», которая заменит «бюрократию Брюсселя»¹⁴. В движение, выступившее на выборах в Европарламент под названием «Европейская весна» (European Spring), вошли греческая партия «Европейский реалистический фронт неповиновения» (MEPA25) во главе с Я. Варуфакисом, польская партия «Razem», датская «Альтернатива», французское движение «Génération.s» и другие организации.

Среди некоторых еврореформистских партий, таких как французская Левая партия и португальский Левый блок, усилились тенденции к расширению суверенных прав государства для отпора неолиберальной политике, навязы-

¹³ Создана «ИНИЦИАТИВА» коммунистических и рабочих партий Европы [Электронный ресурс]. URL: <https://inter.kke.gr/ru/articles/--00062> (дата обращения: 12.05.2020).

¹⁴ DiEM25 — манифест демократизации Европы [Электронный ресурс]. URL: <http://openleft.ru/?p=7877> (дата обращения: 12.05.2020).

ваемой институтами ЕС, и защиты существующих социальных стандартов. Под влиянием ситуации в Греции и прошедшего в 2016 г. референдума в Великобритании о выходе из ЕС представители Социалистической партии Нидерландов¹⁵, Левой партии Швеции¹⁶ и датской Красно-зелёной коалиции¹⁷ потребовали, чтобы правительства их стран также провели национальные референдумы о членстве в составе ЕС либо пересмотрели условия членства в Евросоюзе.

В 2018 г. представителями «Франции непокорённой», «Подemos» и Левого блока было основано движение «Сейчас народ» (Now the People!), которое в дальнейшем поддержали датская Красно-зелёная коалиция, финский Левый союз и шведская Левая партия. Движение определяет себя как проевропейское, но полагает необходимым проведение «демократической революции в Европе», которая позволит избавиться от «смирительной рубашки» договоров ЕС для создания институтов защиты социальных прав и суверенитета народов¹⁸. Р. В. Костюк отмечает, что, несмотря на то, что движение «Сейчас народ» придерживается более евроскептических взглядов, чем ПЕЛ, говорить о единой позиции, разделяемой всеми входящими в него партиями, затруднительно [4, с. 64]: «Франция непокорённая», Красно-зелёная коалиция, Левая партия демонстрируют достаточно жёсткое неприятие доминирующих в Евросоюзе тенденций, тогда как Левый блок и Левый союз остаются членами ПЕЛ и не ставят вопроса о выходе своих стран из ЕС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос об отношении к европейской интеграции в настоящее время является основной линией противоречий внутри семьи леворадикальных партий. Если в 1990–2000-е гг. международная деятельность леворадикальных партий была направлена на преодоление разногласий и выработку общего политического курса, что проявилось в создании наднациональных объединений – группы ЕОЛ/ЛЗС в Европейском парламенте и Партии европейских левых, то последние годы, прошедшие в условиях финансово-экономического кризиса и его последствий, характеризуются усилением стратегических противоречий между жёсткими евроскептиками и еврореформистами и появлением новых конкурирующих друг с другом наднациональных объединений, таких как «Инициатива коммунистических и рабочих партий», DiEM25 и «Сейчас народ».

¹⁵ Dutch Socialist Party Calls to Review EU Treaties [Электронный ресурс]. URL: <https://sputniknews.com/europe/201606281042090979-netherlands-eu-referendum-ukraine> (дата обращения: 12.05.2020).

¹⁶ Dags för SwEXIT! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vansterpartiet.se/debatt/dags-for-swexit> (дата обращения: 12.05.2020).

¹⁷ Danish Red-Green Alliance Proposes Referendum on Future in EU After Brexit [Электронный ресурс]. URL: <https://sputniknews.com/politics/201606241041902533-brexit-denmark-referendum> (дата обращения: 12.05.2020).

¹⁸ Le mouvement européen «Maintenant le peuple» s'élargit! [Электронный ресурс]. URL: <https://lafranceinsoumise.fr/2018/06/27/le-mouvement-europeen-maintenant-le-peuple-selargit> (дата обращения: 12.05.2020).

Конфедеративный характер группы ЕОЛ/ЛЗС, объединяющей большинство леворадикальных партий, представленных в Европарламенте, за исключением Коммунистической партии Греции, по-прежнему позволяет как жёстким, так и мягким евроскептикам и еврореформистам, представителям ПЕЛ, «Сейчас народ», коммунистам сосуществовать в рамках одной группы, «согласившись не соглашаться по ключевому вопросу: стоит ли пытаться реформировать и сохранить Европейский союз или же следует из него выйти?» [15, р. 345]. Вместе с тем правительственный опыт греческой СИРИЗА (2015–2019 гг.) показал, что вопрос о путях выхода из экономического кризиса для леворадикальных партий оказался неотделим от вопроса об отношении к ЕС. Существование целой системы неолиберальных по своему содержанию норм и правил, таких как сбалансированность бюджета, свободное движение капитала, автономия Центрального банка, антимонопольное законодательство и др., укоренённых в комплексе институциональных рамок ЕС и еврозоны, существенно сокращает возможности для осуществления даже самой умеренной антинеолиберальной программы и ставит под вопрос их дальнейшие правительственные перспективы.

Таким образом, выработка последовательного и определённого видения современного Европейского союза и стратегии действий с учётом ограничений, которые накладывает ЕС с его «встроенным неолиберализмом», остаётся одной из наиболее важных задач для современных леворадикальных партий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова Е. С. Евроскептицизм как фактор формирования нового политико-идеологического пространства ЕС // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 1 (123). С. 240–247.
2. Вайнштейн Г. И. Евроскептицизм: новый фактор европейской политики // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8. С. 40–48.
3. Грибовский В. С. Евроскептицизм: теоретический обзор // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 4 (4). С. 67–72.
4. Костюк Р. В. Левые альтернативы в кампании по выборам в Европейский парламент в 2019 году // Современная Европа. 2019. № 5 (91). С. 58–68.
5. Костюк Р. В., Корецкий О. А. Видение радикальными левыми Европейского союза в начале XXI в. // КЛИО. 2015. № 3 (99). С. 73–80.
6. Шибкова М. О. Идеологический и стратегический евроскептицизм в политической жизни Евросоюза // Сравнительная политика. 2016. № 4. С. 13–24.
7. Шольц Х. Партия европейских левых (ПЕЛ): процесс становления // Европейские левые на рубеже тысячелетий / под общ. ред. В. Я. Швейцера. М.: Огни ТД, 2005. С. 114–123.
8. Almeida D. The Impact of European Integration on Political Parties: Beyond the Permissive Consensus. Abingdon: Routledge, 2012. 216 p.
9. Bell D. Western communist parties and the European Union // Political parties and the European Union / ed. J. Gaffney. London: Routledge, 1996. P. 220–234.

10. Charalambous G. All the shades of red: examining the radical left's Euroscepticism // *Contemporary Politics*. 2011. Vol. 17. № 2. P. 299–320.
11. Charalambous G. *European Integration and the Communist Dilemma: Communist Party Responses to Europe in Greece, Cyprus and Italy*. London: Routledge, 2013. 240 p.
12. Chiocchetti P. The Radical Left at the 2014 EP Election [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transform-network.net/focus/the-eu-elections-from-a-left-perspective/news/detail/Programm/the-radical-left-at-the-2014-ep-election-1.html> (дата обращения: 12.05.2020).
13. Heine S. Left versus Europe? The Ideologies Underlying the Left's 'No' to the Constitutional Treaty in France and Germany // *Perspectives on European Politics and Society*. 2010. Vol. 11. № 3. P. 313–332.
14. Holmes M. Contesting integration. The Radical Left and Euroscepticism // *Euroscepticism as a Transnational and Pan-European Phenomenon: The Emergence of a New Sphere of Opposition* / ed. J. FitzGibbon, B. Leruth, N. Startin. London: Routledge, 2016. P. 63–79.
15. Holmes M., Lightfoot S. To EU or not to EU? The Transnational Radical Left and the Crisis // *Europe's Radical Left: From Marginality to the Mainstream?* / ed. L. March, D. Keith. London: Rowman & Littlefield International, 2016. P. 333–351.
16. Houghe L., Marks G., Wilson K. Does left/right structure party positions on European integration? // *Comparative Political Studies*. 2002. Vol. 32. № 8. P. 965–989.
17. Janssen T. The parties of the left in Europe. A comparison of their positions on European policy leading into the 2014 European elections. Berlin: Rosa-Luxembourg-Stiftung, 2013. 58 p.
18. Katsourides Y. *Radical Left Parties in Government. The Cases of SYRIZA and AKEL*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. 170 p.
19. Keith D. Opposing Europe, Opposing Austerity: Radical left parties and the Eurosceptic debate // *The Routledge Handbook of Euroscepticism* / ed. B. Leruth, N. Startin, S. Usherwood. Oxon: Routledge, 2017. P. 86–99.
20. Kopecký P., Mudde C. The two sides of Euroscepticism: party positions on European integration in East Central Europe // *European Union Politics*. 2002. Vol. 3. № 3. P. 297–326.
21. March L. *Radical Left Parties in Europe*. London: Routledge, 2011. 288 p.
22. March L., Keith D. Introduction // *Europe's Radical Left: From Marginality to the Mainstream?* / ed. L. March, D. Keith. London: Rowman & Littlefield International, 2016. P. 1–24.
23. Szczerbiak A., Taggart P. *Opposing Europe? The Comparative Party Politics of Euroscepticism: in 2 vols*. Vol. 1. Case Studies and Country Surveys. Oxford: Oxford University Press, 2008. 360 p.
24. Taggart P. A touchstone of dissent: Euroscepticism in contemporary Western European party systems // *European Journal of Political Research*. 1999. Vol. 33. № 3. P. 363–388.
25. Vasilopoulou S. *European Integration and the Radical Right: Three Patterns of Opposition* // *Government and Opposition*. 2011. Vol. 46. № 2. P. 223–244.

REFERENCES

1. Artemova E. S. [Euroscepticism as a factor in the formation of EU new political and ideological space]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie* [RSUH Bulletin. Series: Political Science. History. International relations. Area Studies. Oriental studies], 2014, no. 1 (123), pp. 240–247.
2. Vainshtein G. I. [Euroscepticism: new factor in European politics]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2015, no. 8, pp. 40–48.
3. Gribovsky V. S. [Euroscepticism: a theoretical overview]. In: *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN* [Analytical papers of the Institute of Europe RAS], 2018, no. 4 (4), pp. 67–72.
4. Kostyuk R. V. [Left-wing alternatives in the 2019 European Parliament campaign]. In: *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2019, no. 5 (91), pp. 58–68.
5. Kostyuk R. V., Koretsky O. A. [The relation of the radical left to the European Union at the beginning of the 21st century]. In: *KLIO*, 2015, no. 3 (99), pp. 73–80.
6. Shibkova M. O. [Ideological and strategic euroscepticism in EU politics]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative politics], 2016, no. 4, pp. 13–24.
7. Shol'ts Kh. [(Party of the European Left): the process of development]. In: Schweitzer V. Ya., ed. *Evropeiskie levye na rubezhe tysyacheletii* [The European Left on the turn of the millennium]. Moscow, Ogni TD Publ., 2005, pp. 114–123.
8. Almeida D. The Impact of European Integration on Political Parties: Beyond the Permissive Consensus. Abingdon, Routledge, 2012. 216 p.
9. Bell D. Western communist parties and the European Union. In: Gaffney J., ed. *Political parties and the European Union*. London, Routledge, 1996, pp. 220–234.
10. Charalambous G. All the shades of red: examining the radical left's Euroscepticism. In: *Contemporary Politics*, 2011, vol. 17, no. 2, pp. 299–320.
11. Charalambous G. European Integration and the Communist Dilemma: Communist Party Responses to Europe in Greece, Cyprus and Italy. London, Routledge, 2013. 240 p.
12. Chiocchetti P. The Radical Left at the 2014 EP Election. Available at: <http://www.transform-network.net/focus/the-eu-elections-from-a-left-perspective/news/detail/Programm/the-radical-left-at-the-2014-ep-election-1.html> (accessed: 12.05.2020).
13. Heine S. Left versus Europe? The Ideologies Underlying the Left's 'No' to the Constitutional Treaty in France and Germany. In: *Perspectives on European Politics and Society*, 2010, vol. 11, no 3, pp. 313–332.
14. Holmes M. Contesting integration. The Radical Left and Euroscepticism. In: FitzGibbon J., Leruth B., Startin N., eds. *Euroscepticism as a Transnational and Pan-European Phenomenon: The Emergence of a New Sphere of Opposition*. London, Routledge, 2016, pp. 63–79.
15. Holmes M., Lightfoot S. To EU or not to EU? The Transnational Radical Left and the Crisis. In: March L., Keith D., eds. *Europe's Radical Left: From Marginality to the Mainstream?* London, Rowman & Littlefield International, 2016, pp. 333–351.
16. Houghe L., Marks G., Wilson K. Does left/right structure party positions on European integration? In: *Comparative Political Studies*, 2002, vol. 32, no. 8, pp. 965–989.

17. Janssen T. The parties of the left in Europe. A comparison of their positions on European policy leading into the 2014 European elections. Berlin, Rosa-Luxembourg-Stiftung, 2013. 58 p.
18. Katsourides Y. Radical Left Parties in Government. The Cases of SYRIZA and AKEL. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2016. 170 p.
19. Keith D. Opposing Europe, Opposing Austerity: Radical left parties and the Eurosceptic debate. In: Leruth B., Startin N., Usherwood S., eds. *The Routledge Handbook of Euroscepticism*. Oxon, Routledge, 2017. P. 86–99.
20. Kopecký P., Mudde C. The two sides of Euroscepticism: party positions on European integration in East Central Europe. In: *European Union Politics*, 2002, vol. 3, no. 3, pp. 297–326.
21. March L. Radical Left Parties in Europe. London, Routledge, 2011. 288 p.
22. March L., Keith D. Introductoin. In: March L., Keith D., eds. *Europe's Radical Left: From Marginality to the Mainstream?* London, Rowman & Littlefield International, 2016, pp. 1–24.
23. Szczerbiak A., Taggart P. Opposing Europe? The Comparative Party Politics of Euroscepticism. Vol. 1. Case Studies and Country Surveys. Oxford, Oxford University Press, 2008. 360 p.
24. Taggart P. A touchstone of dissent: Euroscepticism in contemporary Western European party systems. In: *European Journal of Political Research*, 1999, vol. 33, no. 3, pp. 363–388.
25. Vasilopoulou S. European Integration and the Radical Right: Three Patterns of Opposition. In: *Government and Opposition*, 2011, vol. 46, no. 2, pp. 223–244.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 14.04.2020

Статья размещена на сайте: 17.02.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Коломацкая Дарья Александровна – консультант отдела информационных технологий Центрального комитета Коммунистической партии Российской Федерации; e-mail: kolomatskaj45@yandex.ru

Dar'ya A. Kolomatskaya – Consultant, Information Technology Department, Central Committee of the Communist Party of the Russian Federation; e-mail: kolomatskaj45@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Коломацкая Д. А. Проблематика европейской интеграции в идеологии и стратегии лево-радикальных партий // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Kolomatskaya D. A. Problems of European integration in ideology and strategy of radical left parties. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 323.1

Лиханова Т. Ю.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследовать изменения, произошедшие в национальном самосознании за постсоветский период, и влияние, которое оказали трансформационные процессы на состояние элементов национального самосознания.

Процедура и методы. На основании анализа российских и зарубежных концепций выделены компоненты национального самосознания: национальное чувство, интерес к себе как народу, знание своей истории и отношение к ней, знание своей культуры и отношение к ней, отношение к другим народам, чувство сопричастности к судьбе своего народа, национальная идея, патриотические чувства и установки. Для определения динамики национального самосознания россиян в постсоветский период осуществлён вторичный анализ социологических исследований по указанным параметрам.

Результаты. Определено, что в российском обществе в последние годы происходят серьёзные изменения в национальном сознании и самосознании, направление и смысл которых недостаточно определились и по-разному интерпретируются как учёными, так и политиками.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлена значимость процесса формирования национального самосознания для сохранения политической стабильности и укрепления единства российского общества в условиях обострения противостояния на международной арене.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национальное самосознание, национальная идентичность, национальная история, национальная культура, постсоветский период

СТРУКТУРА

Введение

Роль исторической памяти в национальном самосознании

Отношение общества к национальной культуре

Национальное самосознание и патриотизм

Заключение

T. Likhanova

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

STATE OF NATIONAL SELF-AWARENESS IN MODERN RUSSIA

ABSTRACT

Aim. The study analyses the changes that occurred in the national consciousness during the post-Soviet period, and the impact that the transformation processes had on the state of elements of national consciousness.

Methodology. The analysis of scientific literature, as well as sociological research related to the formation of national consciousness.

Results. The analysis showed that in recent years serious work has been done in Russian society to understand national identity. However, there are still problems in the area of deep knowledge of history and culture, understanding foundations and logic of national development.

Research implications. The study identified the importance of establishing the national identity to preserve political stability and strengthen the unity of Russian society in the conditions of aggravation of confrontation in the international arena and the information war.

KEYWORDS

national self-awareness, national identity, national culture, national history, post-Soviet period

ВВЕДЕНИЕ

Анализ состояния национального самосознания в современной России и динамики этого состояния на протяжении последних лет представляется одной из важных проблем не только для современной политической науки, но и для российского общества в целом. Поскольку как в лечении болезни важны сбор анамнеза и клиническая картина состояния больного для выработки правильной тактики дальнейшего лечения, так и для разработки путей оздоровления национального самосознания важен анализ его текущего состояния и происходящих изменений по ключевым параметрам. Для того чтобы разобраться с состоянием национального самосознания, мы будем анализировать его основные элементы. Выявление структуры национального самосознания выступает важной, но непростой задачей. Несмотря на то, что множество трудов посвящено национальному самосознанию, национальной идентификации, попытки выяснения основных взаимосвязанных элементов национального самосознания встречаются относительно редко.

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ

Национальное самосознание предполагает прежде всего наличие в народе национального чувства, т. е. переживания людьми, принадлежащими к данному народу, самого факта этой принадлежности. Переживания людей по поводу принадлежности к своему народу (национальное чувство) могут

проявляться по-разному. Люди могут испытывать гордость по этому поводу («Мы – русские – какой восторг!» – восклицал А. В. Суворов), могут испытывать иногда горечь, стыд и т. п., а нередко выражают равнодушное, безразличное отношение по поводу своей национальной принадлежности. Различные чувства могут возникать и на основании истории (прошлого), и на основании процессов, происходящих в настоящем. По данным опросов, которые приводит известный социолог Л. М. Дробижева [5, с. 14], за последние годы доля респондентов, чувствующих единство со своей нацией, выросла почти до 50%, но при этом связи с людьми того же поколения и той же профессии являются более актуальными для опрошенных. Это говорит о том, что, хотя роль национальной идентичности постепенно возрастает, она ещё не является доминирующей в российском обществе.

Как известно, любой процесс познания начинается с появления интереса к предмету. Это относится и к самопознанию, на основе которого формируется национальное самосознание. Именно живой интерес к своей нации, её отличиям от других, её истории и традициям и порождает естественное здоровое развитие самосознания. Как отмечает историк Дэвид Бранденбергер, национальная история как миф об общих этнических истоках с его пантеоном героев и его распространение по всему обществу служит ключом к формированию национального самосознания [3, с. 13].

По данным социологических опросов, проведённых Левада-Центром в 2013 и 2017 гг.¹, интерес россиян к истории несколько снизился. При этом, как показывает исследование ВЦИОМ, подавляющее число опрошенных россиян (более 96%) считает, что знать свою историю необходимо². Понимание важности исторического знания в обществе есть, но реальный интерес к истории, желание работать над увеличением своего исторического багажа у населения пока ещё недостаточны. Это объясняется и падением интереса к научным знаниям как таковым на протяжении последних десятилетий, и остротой социально-экономических проблем, встающих перед российским обществом, когда не остаётся ни сил, ни времени, ни желания на усвоение отвлечённых знаний. Значимую роль играет также поляризация общества по ключевым вопросам исторического прошлого страны, последствие эпидемии «исторической невменяемости», начавшейся на рубеже 80–90-х гг. прошлого века, которая привела к тому, что история перестала быть поставщиком ценностных ориентиров для общества, инструментом не только образования, но и воспитания подрастающих поколений [16, с. 21]. Кроме того, генеральный директор Музея современной истории России И. Великанова отмечает: «Нет связующего звена между академической наукой и массовой

¹ От мнений к пониманию. История России: пресс-выпуск // Левада-Центр: [сайт]. URL: <http://www.levada.ru/2017/03/22/istoriya-rossii> (дата обращения: 13.01.2020).

² История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд» // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3581> (дата обращения: 14.01.2020).

аудиторией, так сказать, института популяризации ... Одна только школа, очевидно, не справляется с задачей по приобретению даже базовых исторических знаний, без которых невозможно формирование национальной идентичности как таковой»³.

В этом аспекте очень интересен ряд опросов, проведённых Левада-Центром с 1992 по 2019 гг. Респондентам задавался вопрос, каким школьным предметам, по их мнению, стоит уделять наибольшее внимание. Значимость предмета «история» в 2019 г. по сравнению с 1992 г. выросла почти на 30% процентов – с 15% до 43%, ни один другой школьный предмет не претерпел такого значительного роста внимания к себе⁴. В данном случае выглядит логичным заявление занимавшей в то время должность министра образования О. Васильевой о необходимости введения экзамена по истории для выпускников школ. По её мнению, не может «человек, пройдя 11-летнее обучение, не знать своей истории»⁵.

Другой аспект национального самосознания, непосредственно связанный с интересом народа к себе, – знание нацией самой себя. Под знанием здесь понимается знание истории своей нации, её традиций, обычаев, культуры, достоинств и недостатков своего народа и т. п., а также понимание оснований и источников формирования своего национального самосознания. Как показывает результат недавнего социологического опроса, почти половина опрошенных считает свои знания по истории Отечества недостаточными⁶. Эта оценка собственных знаний совпадает и с результатами других опросов, раскрывающих незнание населением фактов из истории родной страны. Причём среди молодёжи провалы в знании истории гораздо выше, чем среди старшего поколения⁷. Такие результаты социологических исследований служат индикатором того, что национальное самосознание слабеет из-за нехватки опоры на прошлое, незнания и непонимания народом собственной истории, а также из-за сознательного искажения прошлого.

ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Другим важнейшим элементом национального самосознания является отношение к собственной культуре и знание её. Именно в культуре заложены основные национальные архетипы. Культура является основным способом со-

³ История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд» // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3581> (дата обращения: 14.01.2020).

⁴ От мнений к пониманию. Школьные предметы: пресс-выпуск // Левада-Центр: [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2019/06/05/shkolnye-predmety> (дата обращения: 13.01.2020).

⁵ Ольга Васильева назвала дату введения обязательного ЕГЭ по истории // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/05/2017/591dab339a794778a8226f20> (дата обращения: 13.01.2020).

⁶ ВЦИОМ-СПУТНИК – ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ от 10.09.2017 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: https://wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=48&q_id=2555&date=10.09.2017 (дата обращения: 14.01.2020).

⁷ ВЦИОМ-СПУТНИК – ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ от 10.09.2017 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: https://wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=48&q_id=2567&date=10.09.2017 (дата обращения: 14.01.2020).

хранения и передачи национальных ценностей, традиций и обычаев. Как показывают данные социологических опросов, подавляющее число респондентов гордится отечественной культурой⁸. Но при этом у большинства опрошенных вызывало и вызывает беспокойство состояние национальной культуры. По результатам опросов 1999 г. 76% респондентов были обеспокоены ухудшением ситуации в сфере культуры. Результаты опроса, проведённого спустя 14 лет, также показывают обеспокоенность общества состоянием культуры⁹.

Как отмечает отечественный культуролог В. И. Самохвалова, перед российским обществом встаёт проблема ложной идентификации, проявляющейся в отождествлении человеком себя с «теми или иными лицами или группами вопреки действительной собственной социальной или культурной принадлежности», происходящем под массивным воздействием информационных средств и технологий. Она отмечает, что в сознание человека целенаправленно внедряют политические и социальные мифы, расходящиеся с его собственными представлениями. При этом зачастую навязываются чуждые ему образцы поведения, взгляды и представления, заставляющие его участвовать «в реализации не просто чужих, но и вредных для него программ и целей» [10, с. 48]. Мнение В. И. Самохваловой разделяет и большая часть общества. По данным ВЦИОМ, на вопрос о том, нужно ли очистить общественную и культурную жизнь России от чужеродных элементов, 65% респондентов ответили положительно¹⁰. Это говорит о том, что общество чувствует давление на культуру извне, внедрение в неё чужеродных образов, стереотипов и образцов поведения из зарубежной массовой культуры, разрушающих традиционные ценности, несущих угрозу для национальных культурных основ.

Национальная культура, в соответствии с культурно-ценностным подходом, представляет собой память общества, включающую в себя огромное количество необходимой ему информации, в том числе и не используемой в данный момент. Известный социолог и культуролог К. Касьянова (псевдоним В. И. Чесноковой) отмечала, что «некоторые эталоны, ценности, философские системы и фрагменты мировоззрения могут лежать “невостребованными” в течение столетий. Но наступает критическая ситуация, и тогда горе народу,

⁸ ВЦИОМ-СПУТНИК – ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ от 19.06.2016 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1082&q_id=75197&date=19.06.2016 (дата обращения: 14.01.2020).

ВЦИОМ-СПУТНИК – ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ от 13.07.2013 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: http://old.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=918&q_id=63472&date=13.07.2013 (дата обращения: 14.01.2020).

⁹ ВЦИОМ-СПУТНИК – ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ от 16.06.2013 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: http://old.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=914&q_id=63325&date=16.06.2013 (дата обращения: 14.01.2020).

¹⁰ ВЦИОМ-СПУТНИК – ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ от 28.09.2014 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=984&q_id=67745&date=28.09.2014 (дата обращения: 14.01.2020).

если в нужный момент не распечатается соответствующая ячейка его культурной памяти. Ключами же к таким ячейкам служат воспоминания об определённых событиях, символы, но, чаще всего, имена» [7, с. 240]. Яркой иллюстрацией к использованию образов национальных исторических героев для сплочения нации, подъёма национального самосознания служит предвоенный и военный период конца 30-х – начала 40-х гг. XX в. Успешная пропаганда таких образов в массовой культуре влияла на подъём национального духа, национальное сплочение и мобилизацию сил для борьбы с внешним врагом.

Заимствование чужих образцов культуры зачастую происходит в ущерб собственным. Исследователь роли массовой культуры в формировании личности Л. Э. Урманова отмечает, что в России наблюдаются тенденции к угасанию многих составляющих самобытной русской культуры: устного традиционного творчества, аутентичных явлений народной обрядности, обычаев, песен, повествовательных форм. Длительное отсутствие внятной общегосударственной политики в области идеологии представляет угрозу сохранению и распространению традиционной нематериальной культуры, которая основывалась бы на русской национальной идее с соответствующими ценностными ориентациями на утверждение парадигмы собственного мировоззрения, а не на глобализационных стереотипах подчинённости [14, с. 80].

Отсюда следует и ключевая роль воспитания и обучения в процессе становления национального самосознания. Воспитание в рамках интенсивного изучения национальной культуры становится ещё важнее в условиях американизации и ассимиляции молодёжи с другими культурами в ущерб своей.

Помимо таких традиционных институтов воспитания, как семья, школа, литература, важнейшую роль в воспитании подрастающего поколения в современном обществе играют СМИ, интернет, киноиндустрия, поп-музыка. Сохранение национальных традиций, ценностей представляется крайне сложным, если не происходит их трансляции через эти каналы. Статистика показывает, что, хотя доля отечественного кино в российском прокате за последние годы и выросла¹¹, доминирующая роль остаётся у зарубежных продуктов киноиндустрии, а это значит, что эффективные рычаги воздействия на национальное самосознание до сих пор находятся за рубежом. Это относится и к таким мощным источникам воздействия на сознание молодёжи, как, например, различные интернет-блоги и музыкальные исполнители.

Национальное самосознание формируется в значительной степени благодаря межнациональному взаимодействию через сравнение своих свойств и черт с особенностями и характерными чертами других наций. Путём такого взаимодействия наиболее чётко обозначаются этноинтегрирующие и этнодифференцирующие признаки. В процессе взаимодействия народов друг

¹¹ Доля российского кино в национальном кинопрокате достигла рекорда // РИА Новости: [сайт]. URL: https://ria.ru/20180703/1523818916.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 14.01.2020).

с другим, межнационального общения возникают автостереотипы и стереотипы. Обычно большинство автостереотипов говорит о позитивном восприятии народом самого себя [9, с. 272]. Для автостереотипов естественны приоритет собственных интересов, запросов и потребностей, восприятие их как правомерных и предпочтительных. В противовес автостереотипам национальные стереотипы, напротив, носят нередко скорее негативную оценку иных национальностей, поскольку выстраиваются чаще всего в результате столкновения интересов, мнений, взглядов, не соответствуют или противоречат собственным национальным установкам. И тем не менее стоит отметить немалую роль как автостереотипов, так и стереотипов в формировании национального самосознания. В социологическом опросе, проводившемся ВЦИОМ в 2000 г., был пункт, считают ли респонденты такие черты, как душевность, жертвенность ради великих целей, сохранение христианской веры в чистоте и потребность в авторитетной власти, «сильной направляющей руке», отличительными особенностями русского народа. По результатам исследования 92% респондентов поддержали тезис о том, что русский человек обладает особой душевностью, не свойственной европейцу¹², 78% поддержали позицию, что русский человек готов пожертвовать собой ради великих целей, которые он перед собой ставит¹³, 82% респондентов поддержали тезис о том, что русский человек не может обойтись без властных лидеров, «сильной руки», которая бы направляла его действия¹⁴.

На основании интереса представителей нации к себе и знания своей культуры, истории и традиций, а также сравнения с другими нациями и их представителями формируются уважение к себе и другим нациям, вера в себя [4, с. 123]. Необходимо отметить, что существует достаточно узкая грань между уважением к своему народу как родному при признании других народов и их достоинств и высокомерным презрением к ним и возвышением своей нации. Несомненным и обязательным является признание того факта, что каждый народ независимо от его численности и вклада в культуру достоин уважения, что неполноценных народов не бывает. Непосредственно самопознание, которое происходит и через глубокое сравнение себя с другими нациями, позволяет проникнуться уважением не только к себе, но и к другим нациям. Так, по мнению В. А. Барина, анализ русского национального самосознания помогает в определённой мере понять другие нации, их националь-

¹² ВЦИОМ-СПУТНИК – ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ от 30.07.2000 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=338&q_id=27153&date=30.07.2000 (дата обращения: 14.01.2020).

¹³ ВЦИОМ-СПУТНИК – ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ от 30.07.2000 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=338&q_id=27155&date=30.07.2000 (дата обращения: 14.01.2020).

¹⁴ ВЦИОМ-СПУТНИК – ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ от 30.07.2000 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=338&q_id=27156&date=30.07.2000 (дата обращения: 14.01.2020).

ные идеи, в том числе такие, как «американская мечта», «немецкое возрождение», «японское чудо» [2, с. 39]. А. Г. Здравомыслов пишет, что действительное национальное достоинство народов определяется не столько прошлой историей или возможностями использовать силовую политику, сколько тем образом (имиджем), который складывается у этой нации в сознании иных национальных сообществ [6, с. 240]. В то же время наличие таких образов-представлений о других есть часть собственного национального самосознания. Однако создание или конструирование таких образов других – задача, выполнение которой предполагает достаточно развитые культурные предпосылки.

Такой элемент национального самосознания, как чувство сопричастности к судьбе своей нации, восприятие успехов и поражений нации как своих собственных, во многом определяет здоровое самосознание. Оно вызывает чувство ответственности у представителей нации за судьбу своей страны и народа, а также установку членов нации на патриотизм. Впрочем, данный элемент национального самосознания не вызывает абсолютного согласия среди учёных. Так, В. А. Тишков считает «морально-этические установки типа служить нации, защищать свободу, каяться и гордиться» предназначенными для «политиков, религиозных проповедников и воспитателей, чтобы человеческий эгоизм и личное преуспеяние не вредили другим...» [13].

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ПАТРИОТИЗМ

Для большинства не только специалистов в данном вопросе, но и населения национальное самосознание неразрывно связано с патриотизмом и, в известной мере, с элементами национализма, если его понимать в определённом смысле. Например, в представлении ряда зарубежных учёных патриотизм и национализм – тождественные понятия, так как нация и государство в их понимании представляют единое целое [1]. Так, Э. Хобсбаум, ссылаясь на работу Э. Геллнера «Нации и национализм», пишет: «Термин “национализм” я понимаю в том смысле, в каком определил его Геллнер, а именно как “принцип, согласно которому политические и национальные образования должны совпадать”» [15, с. 215]. В то же время А. А. Галкин отмечает, что ахиллесовой пятой национального самосознания является «заложенный в нём соблазн: отстаивая интересы, подчёркивая заслуги своего народа, абсолютизировать эти качества, приписывать им особую роль, возвышающую над другими народами» [8, с. 72].

Данные опросов, проведённых ФОМ на протяжении последних тринадцати лет, показывают, что доля населения считающих себя патриотами в 2019 г. выросла на 15% по сравнению с данными 2006 г.¹⁵ При этом интересны критерии, по которым, по мнению населения, можно определить человека как патриота. Важную роль, по мнению большинства опрошенных, играют

¹⁵ Патриотизм. Сколько в стране патриотов? Должен ли каждый быть патриотом? И каковы критерии патриотизма? // ФОМ: [сайт]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14222> (дата обращения: 14.01.2020).

знание человеком истории своей страны, готовность служить своей стране, а также равнодушие к родной природе¹⁶. Отношение к понятию «национализм» в российском обществе, согласно социологическим опросам, можно охарактеризовать как отрицательное¹⁷ – так считает более половины опрошенных. Объяснить такое отношение к национализму можно тем, что в сознании россиян понятие «национализм» тесно по-прежнему связано с такими негативными явлениями, как шовинизм и ксенофобия, которые, с нашей точки зрения, могут сопровождать его, но не являются его обязательными атрибутами. Кроме того, в российских СМИ понятие национализма традиционно используется в негативном ключе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В стратегии гибридной войны, международного противостояния на уровне «мягкой силы» сохранение здорового национального самосознания своего народа, а также предотвращение воздействия на него извне играют важнейшую роль. Борьба за национальное самосознание становится одним из важнейших фронтов борьбы – как политической, так и идеологической. В этом свете можно отметить, что в состоянии нашего национального самосознания сохраняются серьёзные проблемы. Несмотря на то, что сохраняется формальная идентичность, в обществе катастрофически не хватает глубинного знания своей истории и культуры, понимания их основ и логики развития. Как показывает исследование, проведённое Центром научной политической мысли и идеологии, для молодёжи перестали быть приоритетными такие ценности, как «уважение к культуре и истории своей страны, коллективизм, любовь к Родине» [12]. По образному выражению Эрнеста Ренана, национальное самосознание базируется на двух основах. «Одна – это совместное обладание богатым наследием памяти; другая – нынешнее согласие, желание жить вместе, воля продолжать показывать в лучшем свете ценность полученного неделимого наследия» [11, с. 73]. Если удастся отстоять национальное самосознание, несмотря на мощное воздействие извне, разработать концепцию формирования и поддержки национального самосознания внутри государства, а также планомерную политику по претворению её в жизнь, удастся сохранить и жизнеспособность нации. Возрождение военной мощи и безопасности страны, определённые успехи во внешней политике, возвращение Крыма, возвращение статуса великой державы, стабилизация экономики и некоторые другие процессы создают предпосылки к позитивным сдвигам и в национальном самосознании.

¹⁶ Патриотизм. Сколько в стране патриотов? Должен ли каждый быть патриотом? И каковы критерии патриотизма? // ФОМ: [сайт]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14222> (дата обращения: 14.01.2020).

¹⁷ ВЦИОМ-СПУТНИК – ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ от 26.11.2017 // ВЦИОМ: [сайт]. URL: https://wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=61&q_id=3489&date=26.11.2017 (дата обращения: 14.01.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В. Патриотизм в полиэтническом обществе: рецепт для России // Постсоветский материк. 2014. № 1. С. 78–85.
2. Баринов В. А. Русское национальное самосознание. Философско-исторический очерк. Омск, 2001. 217 с.
3. Бранденбергер Д. Л. Сталинский русоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 407 с.
4. Гусейнов О. М., Гусейнова Ж. О. Национальное самосознание и этническая идентичность // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 1. С. 120–130.
5. Дробижева Л. М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 7–22.
6. Здравомыслов А. Г. Релятивистская теория нации и динамика идентичности // Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2005. С. 341–356.
7. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. 367 с.
8. Разум на распутье: Общественное сознание между прошлым и будущим: сборник научных статей / отв. ред. Ю. А. Красина. М.: Аспект Пресс, 2017. 256 с.
9. Резников Е. Н. Психологический облик русских. М.: Институт психологии РАН, 2014. 512 с.
10. Самохвалова В. И. Культура как измерение фактора власти // Философия и общество. 2010. № 1 (57). С. 43–64.
11. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И. М. Рагимов, С. Н. Бабурин, Ю. В. Голик и др. СПб.: Юридический Центр-Академия, 2019. 344 с.
12. Сулакшин С. С., Захаренко (Хвыля-Олинтер) Н. А. Система ценностей российской молодежи: экспертная оценка // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии): [сайт]. URL: <http://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoj-molodeji-ekspertnaya-ocenka> (дата обращения: 14.01.2020).
13. Тишков В. А. Национальная идентичность (о смысле дебатов) // Вестник российской нации. 2009. № 1 (3). С. 107–117.
14. Урманова Л. Э. Негативное влияние массовой культуры на формирование конкурентоспособной личности студента в условиях современного общества // Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования: материалы III Международной научно-практической конференции, 20–21 ноября 2013 г. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. С. 78–81.
15. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.
16. Slobodchikoff M. O., Davis G. Douglas Roots of Russian soft power: Rethinking Russian national identity // Сравнительная политика. 2017. № 2. С. 19–36.

REFERENCES

1. Abramov A. V. [Patriotism in a multiethnic society: a recipe for Russia]. In: *Postsovetskii materik* [Post-Soviet mainland], 2014, no. 1 (1), pp. 78–85.
2. Barinov V. A. *Russkoe natsional'noe samosoznanie. Filosofsko-istoricheskii ocherk* [Russian national identity. Philosophical and historical sketch]. Omsk, 2001. 217 p.
3. Brandenberger D. L. *Stalinskii rusosentrizm: sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.)* [National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Russian National Identity (1931–1956)]. Moscow, ROSSPEN, 2017. 407 p.
4. Guseinov O. M., Guseinova Zh. O. [National identity and ethnic identity]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2016, no. 1, pp. 120–130.
5. Drobizheva L. M. [Dynamics of civic identity and its resource in the positive integration processes of Russian society]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Opinion Monitoring: Economic and Social Change], 2017, no. 4, pp. 7–22.
6. Zdravomyslov A. G. [Relativistic theory of the nation and the dynamics of identity]. In: Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., ex. eds. *Rossiiskaya identichnost' v usloviyakh transformatsii: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Russian identity in transition: sociological analysis]. Moscow, 2005, pp. 341–356.
7. Kas'yanova K. *O russkom natsional'nom kharaktere* [About the Russian national character]. Moscow, 1994. 367 p.
8. Krasina Yu. A., ex. ed. *Razum na rasput'e: Obshchestvennoe soznanie mezhdu proshlym i budushchim* [Mind at a Crossroads: Public Consciousness Between Past and Future]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2017. 256 p.
9. Reznikov E. N. *Psikhologicheskii oblik russkikh* [The psychological makeup of Russians]. Moscow, Institute of Psychology of RAS Publ., 2014. 512 p.
10. Samokhvalova V. I. [Culture as a Dimension of the Factor of Power]. In: *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2010, no. 1 (57), pp. 43–64.
11. Ragimov I. M., Baburin S. N., Golik Yu. V., et al. *Sovremennoe gosudarstvo v epokhu global'nykh transformatsii* [The modern state in the era of global transformations]. St. Petersburg, Legal Center-Academy Publ., 2019. 344 p.
12. Sulakshin S. S., Zakharenko (Khvylya-Olinter) N. A. [The system of values of the Russian youth: expert assessment]. In: *Tsentr Sulakshina (Tsentr nauchnoi politicheskoi mysli i ideologii)* [Sulakshin Center (Center for Scientific Political Thought and Ideology)]. Available at: <http://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoy-molodeji-ekspertnaya-ocenka> (accessed: 14.01.2020).
13. Tishkov V. A. [National identity (the meaning of the debate)]. In: *Vestnik rossiiskoi natsii* [Bulletin of Russian nation], 2009, no. 1 (3), pp. 107–117.
14. Urmanova L. E. [The mass culture negative impact on the formation of a competitive personality of a student in modern society]. In: *Podgotovka konkurentosposobnogo spetsialista kak tsel' sovremennogo obrazovaniya: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 20–21 noyabrya 2013 g.* [Preparing a competitive specialist as a purpose of modern

education: proceedings of the III international scientific and practical conference, November 20th–21st, 2013]. Prague, Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» Publ., 2013, pp. 78–81.

15. Hobsbaum E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nation and nationalism since 1780]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 305 p.

16. Slobodchikoff M. O., Davis G. Douglas Roots of Russian soft power: Rethinking Russian national identity. In: *Comparative Politics Russia*, 2017, no. 2, pp. 19–36.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.01.2020

Статья размещена на сайте: 08.02.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лиханова Тамара Юрьевна – аспирант кафедры российской политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: tamara_l91@mail.ru

Tamara Yu. Likhanova – Postgraduate Student, Department of the Russian politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: tamara_l91@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Лиханова Т. Ю. К вопросу о состоянии национального самосознания в современной России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Likhanova T. Yu. State of national self-awareness in modern Russia. In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 327

Манойло А. В.

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук 119333, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 3, Российская Федерация
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА И НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (I)

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследование новейшей практики (форм, методов, инструментов и технологий) информационных операций, особенностей их гибридизации, а также новейших форм и методов противодействия.

Процедуры и методы. Нарастающая милитаризация информационного пространства ведёт к изменению взглядов на силовые методы изменения геополитического баланса. Это, в свою очередь, ведёт к настоящей технологической революции в сфере ведения информационных, гибридных и торговых войн. Исследование такого рода комплексных сложноорганизованных процессов и схем требует применения методологии системного анализа, вскрытия и алгоритмизации всех «цепочек» информационно-психологического воздействия, применяемых в информационных операциях нового типа.

Результаты. В статье подробно раскрываются основные формы, схемы, элементы информационных операций современного типа, ведущих своё начало от «Панамского досье» 2016 г.; на примере публикаций в New York Times (24.05.2019) и Wall Street Journal (03.06.2019) демонстрируется, какими бывают информационные вбросы и для чего они предназначены; на примере конкретных информационных операций («Пражский инцидент» с рицином 2020 г., заявление С. Райс «Российская методичка по организации госпереворотов» 2020 г., «Дело об отравлении Скрипалей» 2018–2020 гг., «Венесуэльский прецедент» и «операция Гедеон» 2019–2020 гг.) раскрывается, как именно информационные вбросы используются в современных тактических (оперативных играх) и стратегических операциях информационной войны; выделяются генеральные линии и основные стратегии ведения информационной войны против России. На примере российской практики проведения информационных контропераций («Дело Кабелью» 2019 г., «Скрипальские чтения» 2019 г., «Поиск русского крота в ЦРУ» 2019 г. (оперативная игра с Р. О'Брайеном) и др.) раскрываются новейшие формы и методы организации противодействия информационным операциям иностранных государств и оперативным играм иностранных разведок.

Теоретическая и практическая значимость. Сведения о новейших формах и методах организации и проведения информационных операций могут быть использованы в работе государственных органов, отвечающих за организацию системного противодействия информационной агрессии иностранных государств, а также будут полезны политологам, политтехнологам и специалистам по противодействию деструктивным политическим технологиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международные отношения, политика, информационная война, гибридная война, информационная операция, оперативная комбинация, Россия, США, национальная безопасность

СТРУКТУРА

Введение

Технологическая революция в сфере информационных войн:
информационные операции нового типа

Гибридизация вооруженных конфликтов

Гибридизация технологий государственных переворотов
(цветных революций)

Новейшая практика информационных операций

Вбросы и «крючки»

Оперативные игры

Стратегические операции

Дело Скрипалей (2018–н. вр.)

A. Manoilo

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
3 ul. Dmitry Ulyanov, Moscow 119333, Russian Federation*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninske Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

INFORMATION WARFARE AND NEW POLITICAL REALITY (I)

ABSTRACT

Aim. Research of the latest practice (forms, methods, tools and technologies) of information operations, the peculiarities of their hybridization, as well as the latest forms and methods of counteraction.

Methodology. The growing militarization of the information space is leading to a change in views on the use of force to change the geopolitical balance. This, in turn, is leading to a real technological revolution in the field of information, hybrid and trade wars. The study of this kind of complex, complexly organized processes and schemes requires the application of the methodology of a systematic approach, opening and defining algorithms of all "chains" of information and psychological impact, used in information operations of a new type.

Results. The article reveals in detail the main forms, schemes, elements of modern information operations, which originate from the "Panama Papers" of 2016; using the publications in the New York Times (05/24/2019) and the Wall Street Journal (06.03.2019), it is demonstrated exactly what planting disinformation is and what exactly it is intended for; the example of specific information operations ("Prague incident" with ricin in 2020, statement by S. Rice "Russian methodology for organizing coups d'etat" of 2020, "The Skripals poisoning of " 2018–2020, "The Venezuelan precedent" and "Operation Gedeon" 2019–2020 show exactly how planting disinformation is used in modern tactical (operational games) and strategic operations of information warfare; highlights the general lines and main strategies of waging an information war against Russia. The example of the Russian practice of conducting information counter-actions ("The Cabello Case" 2019, "Skripal Readings" 2019, "Search for a Russian Mole in the CIA" 2019 (an operational game with R. O'Brien), etc.) discloses the latest forms and methods of organizing countering information operations of foreign states and operational games of foreign intelligence services.

Research implications. Information about the latest forms and methods of organizing and conducting information operations can be used in the work of state bodies responsible for organizing a systemic response to information attacks by foreign states, and will also be useful to political scientists, political strategists and specialists in countering destructive political technologies.

KEYWORDS

international relations, politics, information war, hybrid war, information operation, operational combination, Russia, USA, national security

ВВЕДЕНИЕ

Современные информационные войны и цветные революции переживают период стремительной гибридации: они становятся комплексными, вбирают в себя опыт и «лучшие практики» других видов борьбы, тем самым приспосабливаясь к различным форматам и условиям ведения боевых дей-

ствий. Особенно хорошо это заметно на примере современных цветных революций: появление в 2019 г. в Венесуэле новой технологии организации государственных переворотов (т. н. Венесуэльского прецедента), сочетающей в себе организацию массовых протестов (по майданному сценарию) «снизу» с активной психологической «обработкой» окружения лидера страны «сверху», на годы вперёд определило направление эволюции всех «цветных» технологий; в массовых протестах в Белоруссии 2020 г., также построенных по «майданному» сценарию. К этим технологиям (выработанным первоначально только для Венесуэлы) добавились технологии связи и координации протестных групп, выработанные в ходе «цветной революции» в Гонконге (в 2019–2020 гг.), технологии конфликтной мобилизации под неполитическую повестку, впервые апробированные в ходе «электромайдана» 2015 г. в Армении, а также технологии организации протестующих масс в «рой» (наподобие пчелиного, обладающий большей мобильностью, чем просто агрессивная толпа), некоторые элементы которых, возможно, впервые были опробованы при организации протестов в Москве (до и после выборов в Мосгордуму 2019 г.) и в Хабаровске (2020 г.). В этих же условиях информационные операции окончательно перестают быть только «агрессивными информационными кампаниями» и становятся оперативными комбинациями, в которых на передний план выдвигается оперативно-агентурная и оперативно-розыскная работа, сочетаемая с использованием новых методов управления сознанием и поведением граждан.

Появление этих новых гибридных по своей природе форм и методов неконвенционной борьбы потребовало выработки новых подходов к противодействию данным угрозам – таких же комплексных и гибридных, как и противостоящие им методы и технологии нападения.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ НОВОГО ТИПА

Информационные войны в современном мире стали одним из привычных факторов окружающей нас действительности. Современная информационная война – это особый вид вооружённого конфликта, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия. Главная задача информационных войн – разделить и поляризовать общество, разорвать его на множество клочков и фрагментов, заставить эти фрагменты искренне ненавидеть друг друга с тем, чтобы затем столкнуть их между собой, инициировав борьбу на уничтожение, или объединить их агрессию в единый поток и направить его против действующей власти. При этом цель информационной войны – сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле. Высокая эффективность информационных операций и растерянность, являющаяся типичной реакцией большинства стран на акции информационной войны,

делают информационные войны одним из основных элементов современных гибридных вооружённых конфликтов.

Однако так было не всегда. Всего лишь каких-то 5–7 лет назад к применению методов информационного, психологического и кибернетического воздействия относились с опаской: они были несовершенны, не давали гарантированного результата, несли в себе высокие риски раскрытия установочных данных на самих организаторов нападения и использовались в основном в сочетании с более надёжными, мощными и отлаженными методами прямой военной агрессии.

Информационные операции и атаки, столь распространённые сегодня, ещё 5–6 лет назад присутствовали практически исключительно в деятельности спецслужб и были элементами оперативных игр, разыгрываемых разведками в стиле шахматных партий или сеансов игры в покер; ситуативность складывания сценария самих оперативных игр и преследуемые ими сугубо тактические цели, вызванные желанием чем-нибудь «зацепить» противника или на чём-нибудь его подловить, не давали возможности выйти информационным операциям на оперативный простор. В этом контексте сам термин «информационная война» на протяжении многих десятилетий не воспринимался серьёзно: его считали ловкой находкой «газетчиков», пытающихся таким путём поднять тираж своих изданий. Похоже, серьёзно к информационным операциям с самого начала относились только военные США, уже в 1988 г. внёсшие термин «психологическая операция» в полевой устав Армии США (FM 33.1-1).

Сами же информационные операции в тот период (предшествующий их технологической «революции» в 2014 г.) уже начинают складываться как самостоятельный вид деятельности, но в их планировании продолжает преобладать ремесленный подход: каждая операция разрабатывается индивидуально, как уникальный образец; под неё подбирается такая же уникальная (и неповторимая, заточенная под конкретные особенности конкретной оперативной обстановки) схема организации, не похожая ни на одну из предыдущих. Это шедевр, произведение оперативного искусства, не гарантирующий конечного результата. В этом плане методы прямой военной силы выглядели как более надёжные и, если ситуация позволяла, как более предпочтительные.

Однако, в 2014 г. всё в одночасье изменилось: Крым, с ужасом взиравший на осуществлённый в Киеве государственный переворот, сделал «ход конём» и добровольно вошёл в состав Российской Федерации. Для Запада и некоторой части Востока это решение народа Крыма стало настоящим шоком: похоже, ни США, скупавшие в Крыму детские садики и школы для обеспечения комфортного размещения детей американских военнослужащих, планировавшие покрыть Крым сетью военных баз, ни Турция, рассчитывавшая на такие же условия для своих военных и планировавшая в обозримом будущем (на волне распада украинской территории) вообще взять Крым себе, тако-

го от крымчан не ожидали. Возможность прямого военного вмешательства в форме, например, высадки десанта, имела, но была упущена вследствие растерянности американских генералов, граничащей с паникой: когда же они пришли в себя и вернули себе способность адекватно оценивать происходящее, Крым уже был российским, а время – безнадежно упущено. В этом плане у США остался только один инструмент агрессивного ответа – информационные операции.

Ситуация с внезапным «побегом» Крыма из Украины и вхождением в состав Российской Федерации побудила специальные службы США реагировать немедленно, на ходу, «с колёс», без времени на раздумья, поскольку времени на раскачку, как верно заметил наш президент В. В. Путин¹, у них уже не было. В этом плане прежние подходы к ведению информационных войн, отличающиеся высокой избирательностью, не годились: в 2014 г. США остро нуждались именно в массовом проведении информационных операций, следовавших одна за другой так, как будто все их произвели на одном и том же конвейере (как автомобили на заводах Г. Форда). Это, в свою очередь, привело в США к переводу процессов планирования, организации и проведения информационных операций на промышленные рельсы, став в сфере информационных войн своего рода «промышленной революцией». Промышленный же подход, в свою очередь, привёл к унификации и стандартизации организационно-технологических схем информационных операций, которые в итоге дали одну единственную универсальную базовую схему, появившуюся у американских спецслужб предположительно к лету 2015 г. Эта схема впервые получила своё «боевое крещение» в печально знаменитом скандале с «Панамским досье» (2016 г.): в этом деле стандартная англо-саксонская схема информационных операций, представляющая собой итерационную последовательность вбросов и технологических пауз («периодов тишины»), присутствует в чистом, незамутнённом и абсолютно незамаскированном виде; её легко можно разглядеть даже неспециалисту, даже невооружённым взглядом. Благодаря этой схеме «Панамский скандал», как известно, имел грандиозный успех; с этого самого момента все информационные операции спецслужб США становятся репликой с «Панамского досье» – исполняются по одному и тому же, многократно повторяющемуся, шаблону.

Новые технологические решения, выработанные США в сфере ведения информационных войн, не только дали возможность повысить частоту проведения самих операций (т. е. поставить их производство на конвейер), но и позволили испытывать на этой платформе различные оперативные сценарии и сюжеты, сделавшие современные информационные операции похожими на телевизионные детективы или «мыльные оперы». Так, в «деле об отравлении Скрипалей» (совместной операции британских и американских спецслужб, продолжающейся и в н. вр.) только в течение одного 2018 г. были

¹ «Времени на раскачку нет» – одна из самых знаменитых цитат В. В. Путина.

отработаны два сценария – «игра с пошаговым повышением ставок» и «ловля на живца» (на заранее вывешенную приманку); в скандале с т. н. аргентинским кокаином – «ловля на приманку», в роли которой выступал сам кокаин, арестованный аргентинской полицией безопасности; «дело Марии Бутиной» – «ловля на живца», причём в роли «живца» выступила сама фигурантка дела, задержанная ФБР за создание в США «российской шпионской сети»; история с перехватом в Генте в 2018 г. крупной партии кокаина, промаркированной символикой, похожей на символику «Единой России», – «наклеивание ярлыков»; «выборы в Интерпол» (ноябрь 2018 г.), завершившиеся срывом избрания российского кандидата А. Прокопчука, – сценарий «скрытой угрозы» (как в «Звёздных войнах»); и т. д. Благодаря этим сценариям информационные операции превратились в тонкую многоходовую психологическую игру.

ГИБРИДИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

В свою очередь, технологическая «революция» в сфере информационных войн, произошедшая в 2014–2015 гг., фактически подтолкнула процесс объединения (или, если точнее, «сборки») различных невоенных форм силового подавления противника под общим «зонтичным» брендом. Таким «зонтичным брендом» стал термин «гибридные войны», придуманный Ф. Хоффманом в ещё 2007 г. [9], но всё это время мирно прозябавший где-то на периферии дискуссий о природе современной войны [2]. Теперь же его «вытащили из нафталина» и придали ему новое доктринальное звучание: теперь это уже не экзотика, это – полноценная военная стратегия, предусматривающая одновременное комбинированное использование различных видов неконвенционной вооружённой борьбы – информационных, дипломатических, экономических («торговых») войн, диверсионно-подрывных операций (таких как современные цветные революции), нередко сопровождающихся применением методов, характерных для транснациональных преступных организаций, сетевых террористических группировок III (таких как Аль-Каида) и IV (таких как ИГИЛ²) поколения, наркокартелей и т. д. В этих войнах традиционные боевые операции вооружённых сил не потеряли своей значимости [1], но стали использоваться реже (по сравнению с теми же «торговыми войнами»), избирательнее и в основном для публичного «наказания» и унижения и так уже сломленного противника, утратившего волю к сопротивлению. Такого противника сначала «ломают» с помощью информационной, торговой, дипломатической войны, партизанских (повстанческих), диверсионно-террористических операций (включая акции т. н. «государственного терроризма»³), а затем публично «добивают» с помощью прямого вооружённого вторжения (интервенции).

Возникновение и стремительное развитие новых форм и методов воору-

² Аль-Каида и ИГИЛ – террористические организации, запрещённые в РФ.

³ Государственный терроризм (юр.) – форма применения насилия, когда одно государство применяет методы террора против другого государства. Объектом государственного терроризма может быть только государство в целом.

жённой борьбы невоенного характера (гибридных, информационных, торговых войн, новых форм повстанческой войны и т. д.) привели к существенному изменению качественного состава её участников; взамен регулярных армий на передний план выдвинулись:

- криминальные, мафиозные вооружённые формирования транснациональных структур организованной преступности, среди которых особое место заняли наркокартели;
- вооружённые формирования международных террористических организаций и группировок;
- незаконные вооружённые группировки экстремистского характера, существующие «под крышей» (под патронажем) специальных служб различных государств (т. н. «прокси»-формирования, или «зелень»);
- «титушки», иррегулярные полукриминальные группировки, негласно поддерживаемые и подпитываемые официальными властями (с помощью которых власти дают протесты в стране, т. е. опосредованно применяют методы террора в отношении несогласного населения; такие как «коллективос» в Венесуэле, «титушки» на Украине, «прокси» в Сирии и Ливии и др.);
- наёмники;
- родовые, племенные ополчения, возглавляемые племенными вождями (шейхами), характерные для регионов, на которых сохранились родоплеменной уклад и трайбалистское устройство общества.

Именно эти неклассические акторы идеально подходят для ведения гибридных войн нового типа – особой мобильной диверсионно-террористической квази-повстанческой войны, на три четверти состоящей из тайных операций и оперативных комбинаций спецслужб (включая разведки наркокартелей, транснациональных ОПГ и т. д.), в которых традиционные армии оказываются слишком неповоротливыми и поэтому бессильными. При этом в плане качества и структурной сложности новых акторов наблюдаются регресс и возвращение к архаике: снова в региональных вооружённых конфликтах значительную роль начинают играть разнообразные родоплеменные ополчения, возглавляемые племенными вождями и военачальниками, набранными из племенной знати, организованные по криминальному принципу банды наркокартелей и сцементированные примитивной средневековой идеологией (создававшейся для неграмотных бедуинов) террористические организации типа ИГИЛ⁴.

Переходное место в этой линейке неклассических акторов заняли частные военные кампании (ЧВК), ставшие чем-то средним между наёмничеством, криминалом и регулярными армейскими формированиями. Стремление некоторых ЧВК сохранить армейскую или полицейскую структуру (т. е. выстроить свою деятельность по регулярному – армейскому – принципу) дало им возможность легализоваться и использовать (частично) в проводи-

⁴ Организация запрещена в РФ.

мых ими боевых или обеспечивающих операциях преимущества регулярных форм ведения боевых действий. Однако, став регулярными ЧВК, эти структуры потеряли мобильность, присущую вооружённым отрядам наркокартелей и террористических группировок.

С приходом в сферу ведения современных войн новых видов неклассических акторов изменился и сам характер ведения боевых действий: войны стали сетевыми [12], или сетевыми, что характерно для разведывательно-диверсионной, карательной, террористической, повстанческой / партизанской и контрпартизанской деятельности. При этом многие военные эксперты стали называть этот вид войн войнами шестого поколения (теми самыми, о приходе которых В. Слипченко писал ещё в 2002 г. [5]) и связывать с развитием военного искусства, появлением новых форм и методов ведения вооружённой борьбы [10], особенно эффективных в условиях «глобальной неопределённости» и общей разбалансировки системы международных отношений [7]. Соглашаясь в целом с тем, что развитие военного искусства может привести к переходу войн в сетевую плоскость [11], с неизбежной архаизацией [6], всё же отметим, что сетевая форма современных гибридных войн связана, скорее, не с особыми преимуществами её стратегии и тактики, а с принципиальной неспособностью выстроить эффективную и универсальную систему оперативного управления всеми видами неклассических акторов, участвующих в гибридной войне на твоей стороне: в этой войне с боевыми формированиями наркокартелей или иных транснациональных преступных группировок приходится взаимодействовать одним образом, с племенными ополчениями – другим, с «титущками» – третьим, и т. д. В итоге выходит, что все эти силы и средства одновременно могут быть задействованы только в войне, построенной по сетевому принципу.

Однако такая пестрота и неунифицируемость (принципиальная несводимость к единому знаменателю) акторов несёт в себе и определённые преимущества, позволяющие вести войну по «проектному» принципу. Так, если необходимо провести конкретную боевую операцию в определённом регионе, где действуют наркокартели или повстанцы, ресурс для этой операции можно собрать прямо на месте из «деталей конструктора»: военную силу можно взять у радикальных повстанческих движений или ЧВК (можно взять и армейский или полицейский спецназ), систему снабжения и связи предоставят в распоряжение наркокартели, диверсантов дадут «прокси» или террористические группировки, разведку обеспечат транснациональные структуры организованной преступности, деньги на операцию даст кокаин или синтетические наркотики, которые всегда можно обменять на оружие или боевиков, а «народ» и «демократию» будут представлять шейхи – племенные вожди. При этом все компоненты уже в наличии и присутствуют в регионе в «разобранном состоянии»; их остаётся только собрать в определённой конфигурации и под конкретную задачу.

ГИБРИДИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ (ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ)

Гибридизация, выведшая информационные войны на новую ступень эволюции, затронула и другие виды неклассических войн, вынуждая и их тоже активно гибридизироваться, приспосабливаясь тем самым к веяниям времени. При этом в информационных операциях появился новый инструмент воздействия – фейки, сочетание которых с вирусными технологиями распространения (использующими механизм «эмоционального заражения» для быстрой передачи фейка от одного человека к другому) сделало их «абсолютным оружием», от которого нет спасения [4]⁵; а в сфере организации государственных переворотов, в которой первую скрипку на протяжении почти 20 лет играли технологии цветных революций, напротив, внезапно наметился откат к прежним схемам «дворцовых» переворотов и мятежей, в которых главу государства отстраняют от власти, договорившись с людьми из его ближайшего окружения, а массовые протесты и беспорядки, организованные по канонам цветных революций, разворачиваются исключительно для отвлечения внимания действующей власти (на «негодный объект»). Видимо, мода на цветные революции прошла, определив «закат» идей Дж. Шарпа: в Боливии и Венесуэле в 2019 г. эти технологии уже не имели самостоятельного значения. В определённом смысле исключением из этого правила стала «Белорусская весна» 2020 г. (попытка осуществления цветной революции в Беларуси), в которой внешне хорошо различимые и идентифицируемые «цветные» технологии госпереворота тоже подверглись гибридизации, став «точкой сборки» для «лучших практик» организации цветных революций на постсоветском пространстве: так, общая схема организации цветной революции в Беларуси точно копирует киевский майдан 2013–2014 гг. (но без самого майдана – постоянно действующего лагеря); технологии связи и координации протестных групп взяты из Гонконга 2019–2020 гг.; технологии конфликтной мобилизации под неполитическую повестку заимствованы у ереванского «электромайдана» 2015 г.; общая схема государственного переворота при этом является точной копией «Венесуэльского прецедента» – технологии организации госпереворота в Венесуэле в 2019 г. Собственно белорусского в минских протестах немного: своя аутентичная символика, фактическое отсутствие майдана (который можно было бы блокировать, накрыть и разогнать) – он теперь подвижен, как цыганский табор, и перемещается с толпами протестующих; и... широкое использование нового средства протестной коммуникации – Telegram-каналов.

Но и это исключение только подтверждает правило: схема государственного переворота в Белоруссии как две капли воды повторяет (а точнее,

⁵ Спайка фейков и вирусных технологий произошла в 2016 г. в период президентской избирательной кампании в США. См.: [4].

копирует) технологию «Венесуэльского прецедента». В этом плане попытка переворота в Белоруссии – не совсем цветная революция, точнее, совсем не цветная; это «верхушечный» («дворцовый») госпереворот, в котором лидеры страны должны сместить свои же ближайшие друзья и соратники, предварительно обговорив все детали с организаторами смены режима – с США, а цветная революция в Белоруссии – только для отвода глаз (для отвлечения внимания А. Лукашенко и Москвы на «негодный объект»). Этой технологии, едва не опрокинувшей режим Н. Мадуро в 2019 г., А. Г. Лукашенко пытается противопоставить метания, «стендап» и практику импровизаций, а Россия – «дипломатию сожалений».

НОВЕЙШАЯ ПРАКТИКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ

Главным источником сведений о стратегии, тактике, формах и методах ведения информационной войны являются информационные операции, проводимые специальными службами США, такие как англо-американская операция в Солсбери (более известная как «дело об отравлении Скрипалей» 2018 г.), «Аргентинское кокаиновое дело» (ноябрь 2018 г.), выборы главы Интерпола в 2018 г., завершившиеся поражением российского кандидата (А. Прокопчука), и, конечно же, классика жанра – «Панамское досье» (2016 г.). Именно они показывают, как именно следует планировать, организовывать и проводить информационные операции – так, чтобы они гарантированно поразили цель, не оставив ей ни шанса на спасение. Современные операции информационной войны – это уже не уникальный креатив, а точно просчитанная, кодифицированная и формализованная технология, практически не дающая осечек.

Противостоять этой технологии крайне сложно – особенно, если противник сам ещё не достиг технологического уровня и по-прежнему пытается отразить сыплющиеся на него со всех сторон информационные атаки «практикой умелых импровизаций» или «грозным молчанием» (т. е. на ремесленном уровне) – в стратегическом плане такая тактика всегда ведёт к провалу.

Из новейшей практики информационных операций, затронувших 2020 г., стоит отметить т. н. «Пражское дело» (связанное якобы с попыткой провести через границу «человеком с российским дипломатическим паспортом» чрезвычайно опасный яд ризин – конечно, не искусства ради, а с целью кого-нибудь отравить), заявление Сьюзан Райс об использовании русскими специальной «методички» (по организации госпереворотов) для дестабилизации политической ситуации в США (по словам С. Райс, она её сама видела и читала) и, конечно же, странную историю с отравлением Навального, являющуюся точной копией «дела Скрипалей». Всё это – операции специальных служб США и их союзников, имеющие серьёзную информационную и психологическую составляющую.

Среди них особо выделяются информационные операции гибридного типа, осуществляемые в спайке с боевыми технологиями других классов и типов, такие как:

– «антинаркотеррористическая операция» США против Венесуэлы, начатая 26 марта 2020 г., которая дополняет сценарий информационной операции (в ходе которой за головы Мадуро и 14 его ближайших соратников объявляется награда в 10–15 млн. долл.) силовыми методами: угрозой морской блокады, угрозой похищения и ареста и, наконец, угрозой военного вторжения по сценарию вторжения в Панаму в 1989 г. (операция «Гедеон» в этом плане является своеобразной репетицией);

– операция ЦРУ по захвату (при содействии КГБ Белоруссии) 33 российских граждан, следовавших транзитом в одну из стран Ближнего Востока (в которых США подозревали сотрудников т. н. ЧВК Вагнера), и попытка переправить их на Украину (чтобы следователи контрразведки ФБР могли их беспрепятственно допросить), которые ставят на первое место активные мероприятия спецслужб, создавая для развёртывания на базе этой оперативной комбинации массовой информационной кампании стратегическую перспективу и глубину (включая условия для реализации излюбленных схем и приёмов американских специалистов по информационным операциям – «загонной охоты», травли и шантажа).

ВБРОСЫ И «КРЮЧКИ»

Информационная операция – это оперативная комбинация на каналах ОТКС (открытых телекоммуникационных сетей). Структурно она состоит из последовательности вбросов, разделённых периодами экспозиции (тишины). В свою очередь, вброс представляет собой блок специально подготовленной информации, провоцирующий объект информационного воздействия на совершение немедленных ответных действий (в качестве реакции на полученный внешний стимул).

Типичным примером информационного вброса является статья, опубликованная 24 мая 2019 г. в газете The New York Times (рис. 1). В ней сообщается, что «в ближайшем окружении президента Российской Федерации Владимира Путина работает агент и источник ЦРУ»; именно он предоставил США информацию о «вмешательстве» России в президентские выборы 2016 г. и о «личном интересе российского президента» к данному делу⁶. И теперь этот особо ценный агент оперативного директората ЦРУ может быть разоблачён «из-за борьбы между ней и президентом США Дональдом Трампом». Источником данных сведений, по словам авторов статьи, являются бывшие и действующие сотрудники ЦРУ, сообщившие эту информацию на условиях неразглашения их имён и фамилий (на условиях анонимности).

⁶ «The attorney general's ability to declassify intelligence could put at risk a C.I.A. informant close to President Vladimir V. Putin of Russia». См. в: Barnes J. E., Sanger D. E. Potential Clash Over Secrets Looms Between Justice Dept. and C.I.A. // New York Times: [сайт]. [24.05.2019]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/24/us/politics/trump-barr-declassify-intelligence.html?searchResultPosition=2> (дата обращения: 30.12.2020).

Вброс прекрасен тем, что он одновременно ударил сразу по двум фигурам: Д. Трампу (бывшему на тот момент Президентом США) и Президенту РФ В. В. Путину. Перед Д. Трампом сразу возникла вполне реальная перспектива получить обвинение в государственной измене: ведь именно из-за его настойчивого желания найти и разоблачить первоисточник сведений о российском вмешательстве в выборы (а точнее, о его связях с Кремлём) в окружении российского президента может быть раскрыт (и уничтожен) ценнейший агент. Сделав это, Трамп никогда не сможет доказать, что он оказал особо ценную услугу русской разведке не корысти ради (не по команде из Москвы), а ради искреннего и честного желания докопаться до истины. Напротив, скажут, что ради личной мести и желания свести счёты с обидчиками из разведсообщества он сознательно пренебрёг национальной безопасностью США. И тогда с ним будет то же, что и с Х. Клинтон, обвинённой ФБР в 2016 г. в государственной измене (в передаче секретной информации «Братьям-мусульманам» и ИГИЛ⁷).

ВБРОСЫ: КАКИМИ ОНИ БЫВАЮТ

Вброс – это блок специально подготовленной информации, стимулирующей объект информационного воздействия на совершение немедленных ответных действий (в качестве реакции на полученный внешний стимул).

I. 24 мая 2019, New York Times «в ближайшем окружении президента Российской Федерации Владимира Путина находится агент и источник ЦРУ». Источник: б. и действ. агенты ЦРУ (аноним.)	Цель: 1) отвлечение внимания от действующей агентуры ЦРУ (операция агентурного прикрытия); 2) провоцирование всеобщей подозрительности и «охоты на ведьм» (компрометация «ближайшего окружения» ВВП, на которого брошена тень подозрений в сотрудничестве с разведкой США)	II. 3 июня 2019, WSJ «Москва экстренно эвакуировала своих специалистов из Венесуэлы (из 1000 осталось около 20 чел.)». Причина: «Москва негативно оценивает перспективы сохранения режимом Мадуро политической устойчивости»
Именно он предоставил США инф. о «вмешательстве» России в президентские выборы 2016 года и о «личном интересе российского президента» к данному делу	Легенда («контролируемой утечки»): 1) Трамп дал указание Барру найти главного информатора по делу о вмешательстве РФ в выборы в США и предать его имя огласке;	Donald J. Trump @realDonaldTrump · 3 ч Russia has informed us that they have removed most of their people from Venezuela.
этот агент ЦРУ может быть разоблачен «из-за борьбы между ней и президентом США Дональдом Трампом»	2) «Обещание Трампа снять гриф секретности со связанных с расслед. Миллера док-тов ставит под угрозу не только данного информатора, но и других агентов ЦРУ»	4 июня, Д. Трамп: Москва проинформировала Вашингтон о «выводе большинства своих людей» из Венесуэлы
		Цель: 1) спровоцировать панику (Мадуро ведет переговоры с Гуйдо за спиной Москвы, русские бегут – все пропало!) 2) «цепнуть» на ответной реакции кого-нибудь из рос. офиц. лиц – зацепились Песков («РФ не уведомила и не могла это сделать»), Лавров («никого не уведомили»), Трамп соврал – просто соврал (источник WSJ.1)

Рис. 1 / Fig. 1. Примеры информационных вбросов / Examples of planting disinformation

Что касается российского президента, в данном случае целями вброса были:

- провоцирование всеобщей подозрительности и «охоты на ведьм» (компрометация «ближайшего окружения» В. В. Путина, на которое брошена тень подозрений в сотрудничестве с разведкой США);
- и, возможно, отвлечение внимания от действительно работающей в окружении какого-нибудь другого чиновника особо ценной действующей

⁷ Международные террористические организации, запрещённые в РФ.

агентуры ЦРУ (в этом случае вброс должен был стать частью операции агентурного прикрытия).

Но самое интересное в данной истории – даже не сам вброс, а филигранно продуманная и осуществлённая организаторами этой оперативной комбинации легенда прикрытия (легализации «контролируемой утечки»), которая объясняет сам факт раскрытия бывшими и действующими работниками разведки сведений, составляющих гостайну, – она настолько детально продуманна и совершенна, что в неё невозможно не поверить.

Структурно эта легенда состоит из двух основных утверждений:

- 1) Д. Трамп дал указание У. Барру найти «главного информатора» ЦРУ по делу о вмешательстве РФ в выборы в США и предать его имя огласке;
- 2) «Обещание Д. Трампа снять гриф секретности со связанных с расследованием Р. Мюллера документов ставит под угрозу не только данного информатора, но и других агентов ЦРУ, работающих в России».

Иллюзию достоверности данной интерпретации событий формируют действия самих анонимных источников из разведсообщества Соединённых Штатов, сообщивших журналистам конфиденциальную информацию. Дело в том, что, выступив с публичным признанием о существовании в ближайшем окружении В. В. Путина «особо ценного агента американской разведки», завербованного в начале 2010-х гг., они раскрыли секрет государственной важности («засветили» агента) и тем самым совершили особо тяжкое уголовное преступление, поставив жизнь данного агента под угрозу и фактически наведя на его след российскую контрразведку. Совершение такого преступления – это конец карьере в разведке, в случае установления личностей заявителей – большой срок тюремного заключения, а, может быть, даже электрический стул.

И на этот огромный риск информированные источники газеты The New York Times из разведывательного сообщества Соединённых Штатов Америки пошли сознательно, жертвуя собой и совершая особо тяжкое преступление ради того, чтобы спасти страну и разведку от ещё более грандиозного провала – разоблачения того самого особо ценного источника ЦРУ в ближайшем окружении В. В. Путина, личность которого может раскрыть Д. Трамп, «ослеплённый жадой мести». Т. е. они «благородно и жертвенно» выбирают «меньшее зло» ради того, чтобы предотвратить наступление «зла абсолютного». Ну как тут не поверить в искренность их слов и признаний, когда ты уже всем сердцем с ними – с «воинами, жертвующими собой ради Великой Страны» (США).

Другим не менее наглядным примером может служить информационный вброс, осуществлённый журналистами газеты The Wall Street Journal (WSJ, рис. 1): 3 июня 2019 г. они сообщили о срочном «отзыве» из Венесуэлы российских специалистов, занимавшихся подготовкой венесуэльских

военных и выполнением оружейных контрактов госкорпорации «Ростех»⁸. При этом в статье, опубликованной WSJ, приводилось число «эвакуированных» специалистов – почти тысяча человек – и уточнялось, что «из тысячи осталось всего около двадцати» (видимо, не хватило билетов на рейс «Аэрофлота»). Называлась и причина принятия российским руководством такого решения: «Москва негативно оценивает перспективы сохранения режимом Мадуро политической устойчивости». Заказчики статьи тем самым давали понять, что российское руководство больше не верит в лояльность и надёжность Н. Мадуро: по их словам, Россия «взвешивает политическую и экономическую устойчивость» режима Н. Мадуро «на фоне растущего давления со стороны США»⁹. Причиной такого изменения отношения к лидеру чавистов, по мнению WSJ, стал факт раскрытия (в мае 2019 г.) тайных переговоров, ведущихся (с марта 2019 г.) доверенными лицами Н. Мадуро с представителями Х. Гуайдо в Осло (при посредничестве норвежского МИД).

Данные переговоры, случайно раскрытые норвежскими журналистами (обнаружившими перемещающихся по Осло странных загорелых людей и проследившими маршрут их следования), стали полной неожиданностью для российской стороны: о том, что вот уже два месяца «соратник по борьбе» Н. Мадуро ведёт переговоры с Гуайдо и стоящими за его спиной Соединёнными Штатами Америки, никто даже не подозревал. Сразу стало понятно, что под вывеской «посредничества норвежского МИД» с Мадуро работают спецслужбы США, цель которых – вынудить Мадуро «сдать» Венесуэлу. Именно это и могло побудить российское руководство срочно отозвать своих людей из страны, в которую вот-вот должны «войти» американцы.

Для того чтобы усилить действие вброса, организаторы данной оперативной комбинации пошли на вовлечение в оперативную игру самого Президента США Д. Трампа, убедив его 4 июня 2019 г. (в Москве в это время была ночь) сообщить в своём микроблоге в Twitter о том, что Москва якобы проинформировала Вашингтон о «выводе большинства своих людей» из Венесуэлы (рис. 2).

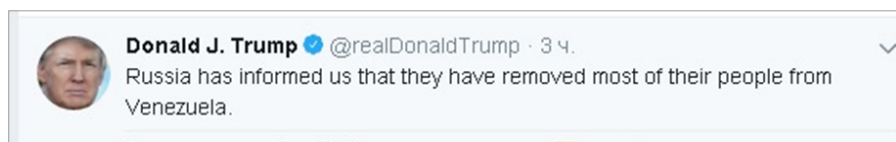


Рис. 2 / Fig. 2. Заявление Д. Трампа, сделанное им 4 июня 2019 г. в микроблоге Twitter / Donald Trump's statement on June 4, 2019 on Twitter

⁸ См.: In a Blow to Maduro, Russia Withdraws Key Defense Support to Venezuela. Russia has been one of Maduro's major supporters in its standoff with the U.S. // The Wall Street Journal: [сайт]. [03.06.2019]. URL: <https://www.wsj.com/articles/in-a-blow-to-maduro-russia-withdraws-key-defense-support-to-venezuela-11559486826> (дата обращения: 20.12.2020).

⁹ WSJ: Россия значительно сократила число военных советников в Венесуэле // Коммерсант: [сайт]. [03.06.2019]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3990284> (дата обращения: 03.06.2019).

Цель вброса проста:

- во-первых, спровоцировать панику («Мадуро ведёт переговоры с Гуайдо за спиной Москвы, русские бегут – все пропало!»);
- во-вторых, «зацепить» на ответной реакции кого-нибудь из российских официальных лиц, которых эта «утечка» застанет врасплох и вынудит реагировать.

Что касается паники, что её элементы действительно присутствовали, особенно в поведении некоторых политических союзников и партнёров России; мало того, вброс «зацепил» Д. Пескова (заявившего, что «РФ не уведомляла и не могла это сделать»¹⁰) и С. Лаврова (заявившего в ответ на твит Трампа, что «мы никого не уведомляли» и что Д. Трамп, подтвердивший в своём Twitter данные WSJ об «экстренной эвакуации», просто механически «перепечатал WSJ»¹¹). Таким образом, официальное реагирование свелось к категорическому отрицанию самого факта «вывода» из Венесуэлы российских специалистов и наивному объяснению причин, побудивших Д. Трампа сделать подобного рода заявление.

Можно только догадываться о том, начало какой оперативной игры этот вброс должен был положить: поддавшись эмоциям, сразу два высокопоставленных, близких к Президенту РФ В. В. Путину чиновника в унисон заявили, что Россия «никого не уведомляла», – следовательно, Д. Трамп, утверждающий обратное, врёт. Более того, С. В. Лавров ещё и добавил, что Трамп «просто WSJ на ночь начитался» (или «советники» подвели, или и то и другое вместе)¹², выдав выводы газетчиков за свои собственные. Тем самым Д. Трамп одновременно обвинили во лжи, некомпетентности и плагиате. Этого, видимо, организаторы вброса и добивались.

При этом очень даже может быть, что Д. Трамп, и в правду иногда склонный выдавать желаемое за действительное, в самом деле факт «уведомления» придумал; однако на практике в это трудно поверить, учитывая уровень, на котором это заявление было сделано. Тем самым Д. Песков и С. Лавров, поспешившие официально заявить о том, что никакого уведомления не было, возможно, сами себя загнали в ловушку – ведь если разговор с Москвой всё-таки был, то его обязательно записали. И следующим шагом со стороны Д. Трампа и его спецслужб могло бы стать публичное предъявление этой записи вместе с обвинениями российских чиновников во лжи (их попросту поймали бы на вранье). Однако этого не произошло: американская

¹⁰ См.: Кремль прокомментировал слова Трампа об отъезде россиян из Венесуэлы // РИА Новости: [сайт]. [04.06.2019]. URL: <https://ria.ru/20190604/1555241032.html> (дата обращения: 05.06.2019).

¹¹ См.: Лавров ответил на слова Трампа об отъезде россиян из Венесуэлы // РИА Новости: [сайт]. [04.06.2019]. URL: <https://ria.ru/20190604/1555252532.html> (дата обращения: 05.06.2019).

¹² Цит.: «Мы никого не уведомляли; он [Трамп], видимо, прочел статью в «Wall Street Journal». См.: Лавров ответил на слова Трампа об отъезде россиян из Венесуэлы // РИА Новости: [сайт]. [04.06.2019]. URL: <https://ria.ru/20190604/1555252532.html> (дата обращения: 05.06.2019).

сторона на резкую отповедь С. Лаврова и Д. Пескова не отреагировала; оперативная комбинация не получила своего продолжения. Видимо, на то были свои причины, заставившие переключиться внимание американской разведки на другие информационные поводы.

Ключевым элементом обоих примеров является провокация – метод, мотивирующий противника на совершение определённых немедленных ответных действий. В современных операциях информационной войны провокации играют одну из основных и определяющих ролей.

Поддавшись на провокацию, человек испытывает очень сильное желание немедленно ответить, и удержать его при этом от совершения нелогичных, спонтанных и попросту опасных для него действий чрезвычайно сложно. При этом провокация в операциях ИВ одновременно выступает ещё и как эффективный инструмент внешнего управления: любая провокация выстраивается таким образом, чтобы её объект отреагировал на неё предсказуемо, т. е. совершил в ответ одно из тех действий или поступков, которое от него организаторы провокации ожидают. Провокация программирует человека на совершение определённых ответных действий, так, как это делают некоторые технологии НЛП. Главное – «зацепить» человека; всё остальное он уже додумает и сделает сам.

Как и любой метод, провокация не даёт стопроцентной гарантии конечного результата: бывают провокации успешные и не очень [8]. Но в среднем процент успешных провокаций заметно превышает аналогичный показатель провокаций несостоявшихся: на практике жертвами провокаций часто становятся даже очень опытные и очень осторожные люди.

ОПЕРАТИВНЫЕ ИГРЫ

В свою очередь, информационные вбросы являются ключевым элементом оперативных игр, в которые так любят «играть» спецслужбы всего мира. Оперативные игры – это особый вид оперативных комбинаций, проводимых на тактическом уровне, в которых конкретные цели и задачи на каждом этапе игры определяются самим ходом игры – возникающими в процессе игры новыми возможностями задеть, зацепить (на чём-нибудь) или скомпрометировать противника, выявить и разоблачить его агентуру, нанести ущерб его интересам, устремлениям, сорвать планы. При этом текущие цели и задачи определяются открывающимися оперативными возможностями и допускаемыми противником просчётами, а стратегические цели (на долгосрочную перспективу) либо не ставятся вовсе, либо обозначаются рамочно (например, зацепить и скомпрометировать противника – на чём получится и как получится). В этом плане оперативная игра напоминает покер или преферанс, в которых участники стремятся к преимуществу над соперниками, но при этом из-за высокой степени неопределённости и неполноты сведений о возможностях конкурентов не могут гарантированно предсказать конечный результат самой игры (чем именно она закончится).

Типичными примерами оперативных игр являются два события, произошедшие в апреле и мае 2020 г., соответственно:

– международный скандал, развернувшийся в Праге вокруг сноса памятника маршалу Коневу и «прибытия российского дипломата» (по выражению чешских спецслужб, «человека с дипломатическим паспортом») с рицином – чрезвычайно опасным сильнодействующим ядом¹³;

– заявление бывшего советника Президента США по национальной безопасности Сьюзан Райс, сделанное ею в эфире CNN, о том, что «беспорядки, вызванные гибелью Дж. Флойда, могли быть организованы извне по “русской методичке”» (которую она видела своими глазами)¹⁴ (рис. 3).



Рис. 3 / Fig. 3. Примеры оперативных игр (2020 г.) / Examples of operational games (2020)

Первая оперативная игра представляет довольно простую (и потому действенную) четырёхходовую комбинацию. Суть её такова:

– на первом этапе стоящая за этой игрой иностранная спецслужба создаёт резонансный повод, на который российская сторона (по их мнению) не сможет не ответить: 3 апреля 2020 г. чешские власти снесли памятник маршалу Коневу, спровоцировав российские власти на немедленную ответную реакцию;

– в ответ практически сразу же последовала резкая реакция российских властей в виде целого ряда публичных заявлений российских официальных лиц о том, что «это дело с рук не сойдёт» и это «преступление ... не останется

¹³ См.: Respekt (Чехия): человек с рицином // ИноСМИ: [сайт]. [28.04.2020]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200428/247346755.html> (дата обращения: 28.04.2020).

¹⁴ См.: Экс-советник Обамы считает, что протесты в США организованы по «русской методичке» // ТАСС: [сайт]. 01.06.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8612639> (дата обращения: 01.06.2020).

без ответа» (М. Захарова и др.¹⁵), свидетельствующих о наличии у российской стороны определённых намерений и мотивов и воспринятых чешской стороной как прямые угрозы; чехи тут же заявили, что им угрожают расправой;

– это, в свою очередь, даёт возможность чешским властям и спецслужбам организовать информационную волну в чешской прессе на тему «русские спецслужбы готовятся отомстить всем, причастным к сносу памятника», направив в Чехию своих агентов-боевиков (осталось только понять, кто они);

– 28 апреля 2020 г. чешский журнал Respekt, ссылаясь на собственные источники в чешских спецслужбах (пожелавшие остаться неназванными), публикует сенсационное сообщение о том, что, оказывается, ещё 14 марта 2020 г. в Прагу прибыл российский дипломат («человек с дипломатическим паспортом»), доставивший в российское посольство ризин – чрезвычайно опасный сильнодействующий яд.

Эта новость становится кульминацией для всего сюжета, разыгранного чешскими (и, возможно, американскими) спецслужбами: вот он – курьер, доставивший орудия убийства, которыми «наёмные убийцы ГРУ» будут травить причастных к совершению враждебных действий против Российской Федерации – «как Скрипалей». Чешская общественность в панике: налицо полное совпадение форм и методов устранения политических оппонентов. Всё, как в Солсбери, за исключением одного: там был «новичок», здесь – ризин. Наконец, делается вывод: если в российское посольство доставили яд, значит, «убийцы» уже в Праге и ждут удобного момента, чтобы выполнить приказ.

При этом оперативная игра была полностью разыграна по шаблону, отработанному британскими спецслужбами в 2018 г. в Солсбери (известному как т. н. «Солсберецкая матрица»):

- 1) яд есть (в Солсбери был «новичок», здесь – ризин);
- 2) ликвидатор есть (в Солсбери были Петров и Боширов, в Праге – А. В. Кончаков, заместитель руководителя Россотрудничества);
- 3) повод для «мести» есть: 3 апреля 2020 г. чешские власти снесли памятник маршалу Коневу;
- 4) наконец, есть прямые угрозы со стороны российских официальных лиц, пообещавших, что виновные не уйдут от возмездия.

Другим примером оперативной игры (самого её начала) стало резонансное заявление Сьюзан Райс (в 2009–2017 гг. бывшей советником Б. Обамы по национальной безопасности), сделанное ею 31 мая 2020 г. в эфире CNN. В этом интервью С. Райс заявила, что «беспорядки, вызванные смертью в Миннеаполисе афроамериканца Джорджа Флойда, якобы могли быть организованы извне по “российской методичке”»¹⁶, подчеркнув, что уверена в россий-

¹⁵ См.: Не останется без ответа // Интерфакс: [сайт]. [10.04.2020]. URL: <https://www.interfax-russia.ru/view/ne-ostanetsya-bez-otveta> (дата обращения: 10.04.2020).

¹⁶ Экс-советник Обамы считает, что протесты в США организованы по «российской методичке» // ТАСС: [сайт]. [01.06.2020]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8612639> (дата об-

ском следе в беспорядках в США: «основываясь на своём опыте, это также прямо из российской методички»; «их цель – не просто опозорить Соединённые Штаты, а разделить нас, сделать так, чтобы мы вступили в борьбу друг с другом»¹⁷. Своё скандальное заявление С. Райс сделала в связи с массовыми беспорядками и погромами, охватившими США в мае 2020 г.

Заявление, сделанное С. Райс, очевидно, не было случайной импровизацией; напротив, оно было сделано преднамеренно, на пике роста массовых протестов в США, обеспечивших этому заявлению максимальный резонансный эффект. Теперь американцы наконец-то нашли того, кто погрузил США в пучину цветной революции: этим врагом оказалась Россия. Всё вместе это очень напоминало начало новой оперативной комбинации американских спецслужб, поставившей себе целью зацепить содержащимися в откровениях Райс обвинениями кого-нибудь из высокопоставленных российских чиновников (вывести их на ответную реакцию) и тем самым утвердить американское общество в мысли о том, что именно Россия несёт главную ответственность за организацию массовых беспорядков и хаос, в который страна погрузилась после убийства Флойда. В этой комбинации вслед за первой порцией резонансных обвинений, озвученных С. Райс (первым информационным вбросом), обязательно должны были последовать другие, не менее хлесткие, способные за несколько последовательных итераций довести российское руководство до белого каления, заставив их «отрицать очевидное», изворачиваться или оправдываться. Заключительным этапом данной операции могло бы стать обвинение России в сознательном подрыве национальной безопасности Соединённых Штатов Америки и в государственном терроризме. Расчёт был на то, что российская сторона никогда не признает существования такой методички и будет всё яростно отрицать, постепенно втягиваясь в ловушку, подготовленную для неё американской разведкой.

Однако этим планам (если они, конечно, были) американских разведчиков не суждено было сбыться: неожиданно для них и для самой С. Райс российские патриоты нашли ту самую «русскую методичку», которую видела Райс в свою бытность помощника президента Обамы и на которую она ссылалась в своём интервью телекомпании CNN. Этой «методичкой» оказалась монография «Color Revolutions: Techniques in Breaking Down Modern Political Regimes» (Цветные революции: техники взлома современных политических режимов), изданная А. Манойло и О. Карповичем в 2015 г. в США (рис. 4)¹⁸.

ращения: 01.06.2020).

¹⁷ Экс-советник Обамы считает, что протесты в США организованы по «русской методичке» // ТАСС: [сайт]. [01.06.2020]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8612639> (дата обращения: 01.06.2020).

¹⁸ В аннотации к данному изданию сказано: «The monograph is devoted to the analysis of the problems associated with the dismantling of the political regimes in modern states (both authoritarian and democratic type) and with the role of technology in the process of color revolutions» / «Монография посвящена анализу проблем, связанных с демонтажем политических режимов в совре-

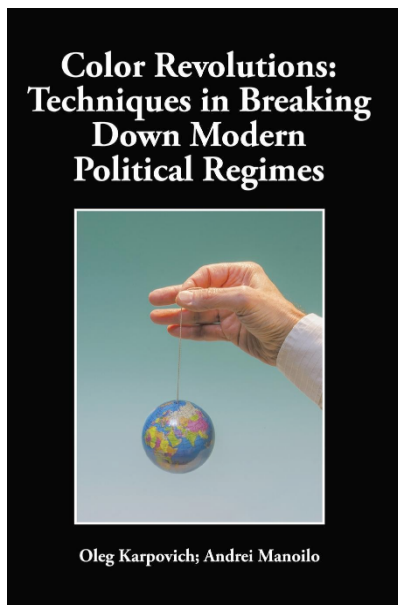


Рис. 4 / Fig. 4. Российский «учебник» по цветным революциям в США и странах Западной Европы / Russian “textbook” on color revolutions in the USA and Western Europe

Именно её С. Райс и видела. И, похоже, видела в Библиотеке Конгресса США (в каталоге библиотеки есть соответствующая отметка) в то самое время, когда она была помощником президента по национальной безопасности. В результате у организаторов оперативной игры произошёл «разрыв программы»: они рассчитывали на совершенно иную линию поведения российской стороны. После того, как 7 июня 2020 г. факт «обнаружения» «российской методички» был озвучен в открытом эфире телеканала «Звезда», операция американских спецслужб была «поставлена на паузу»; история с обвинениями России в организации цветной революции в США дальнейшего продолжения не получила.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ

В отличие от оперативных игр, стратегические операции информационной войны, как правило, имеют и генеральный план, и чётко обозначенные цели на ближнесрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективы. Главным критерием их эффективности является гарантированное достижение стратегически значимого результата, причём не вообще (как в оперативных

менных государствах (как авторитарного, так и демократического типа), а также роли в этом процессе технологий цветных революций».

играх), а именно того, ради которого эта операция разработана. Классическими примерами операций такого типа являются так называемые «Дело об отравлении Скрипалей» (начавшаяся в 2018 г., рис. 5) и «Венесуэльский прецедент» (операция по организации государственного переворота в Венесуэле, максимальная активность которой пришлось на 2019–2020 гг.).



Рис. 5 / Fig. 5. «Дело Скрипалей» (2018–н. вр.) как классический пример информационной операции стратегического типа / The Skripals Case (2018 – present) as a classic example of a strategic information operation

ДЕЛО СКРИПАЛЕЙ (2018–Н. ВР.)

Операция американских и британских спецслужб в Солсбери (Великобритания), более известная как «Дело об отравлении Сергея и Юлии Скрипалей», на сегодняшний день продолжает оставаться самой успешной, технологически совершенной и почти безупречно, филигранно проведённой информационной операцией, показавшей, как именно такого рода операции следует осуществлять на практике. Это лучший, практически эталонный, пример проведения подобного рода операций на стратегическом уровне. В основе всех её каскадных реакций лежит один единственный резонансный инцидент: попытка отравления бывшего агента МИ-6 Сергея Скрипала (являвшегося одновременно и бывшим офицером ГРУ) и его дочери Юлии. Как бы мы не относились с нравственной стороны дела к этой операции, приходится признать, что первые два её этапа (весна и осень 2018 г.¹⁹) были выполнены филигранно: все цели, поставленные организаторами этой операции, были достигнуты; все ловушки сработали; все «приманки» и «крючки» были

¹⁹ 4–15 марта и 5 сентября – 8 октября 2018 г., соответственно.

«проглочены» противником, который большую часть работы сделал за британских разведчиков, даже не подозревая об этом. Наконец, в скандальное дело был втянут Президент РФ, лично поручившийся за Петрова и Боширова (на Восточном экономическом форуме), что стало для МИ-6 полной неожиданностью и удачей, на которую они не смели надеяться. Подробный разбор схемы и хода данной операции представлен в статье «Дело Скрипалей как операция информационной войны» [3].

При рассмотрении данной операции может сложиться впечатление, что сама операция началась и полностью завершилась в 2018 г.; при этом сами Скрипали исчезли (по некоторым сведениям, в 2020 г. их переправили в Новую Зеландию). Однако это впечатление обманчиво: операция ЦРУ и МИ-6 не прекращалась ни на минуту. Только в одном 2019 г. в рамках этой операции британской и американской разведками (в тесном содружестве с Der Spiegel) было отработано пять эпизодов:

– 8 февраля 2019 г. британские таблоиды Daily Mail и Daily Telegraph одновременно сообщили, что в Лондон Петров и Боширов прилетали не одни; тем же рейсом с ними прилетел третий член т.н. «солсберецкой группировки» – Федотов (он же, по данным британских журналистов, Сергеев), кадровый сотрудник ГРУ и, возможно, начальник Петрова и Боширова. После «осечки» с устранением Скрипалей Федотов остался в Солсбери – наблюдать за тем, как будут развиваться события (хотя должен был улететь тем же рейсом Аэрофлота, что и его подчинённые). При этом показания источников Daily Mail и Daily Telegraph о дальнейшей судьбе Федотова (Сергеева) в финальной части статей расходятся: Daily Mail, опираясь на источники в британской криминальной полиции, утверждает, что Федотов, убедившись, что Скрипали выжили и их теперь не достать, покинул Великобританию; Daily Telegraph, опираясь на показания источников из национальной разведки (МИ-6), напротив, отметила, что у разведки Великобритании нет достоверных доказательств того, что Федотов вообще покидал территорию Соединённого Королевства. Тем самым два печатных издания сделали «вилку», опубликовав две почти идентичные версии, диаметрально расходящиеся на финальной стадии, и тем самым дали понять, что Федотов, возможно, и есть тот самый крот в руководстве ГРУ (ставший перебежчиком), от которого МИ-6 и получила упреждающую информацию о готовящемся визите Петрова и Боширова в Солсбери (для проведения задушевной беседы)²⁰;

– 8 ноября 2019 г. The New York Times, ссылаясь на источники в спецслужбах четырёх различных западных стран, публикует информацию о существовании в структуре российской военной разведки (которую они по привычке

²⁰ См.: «Отравление Скрипалей»: сценарий третьего этапа информационной операции британской разведки // Экспресс-Газета: [сайт]. [11.02.2019]. URL: <https://www.eg.ru/politics/700190-otравlenie-skripaley-scenariy-tretego-etapa-informacionnoy-operacii-britanskoy-razvedki-079957> (дата обращения: 19.02.2019).

продолжают называть ГРУ) сверхсекретной воинской части № 29155, специализирующейся на организации государственных переворотов и «внесудебных ликвидациих» (политических убийствах); в статье указывается, что это та самая воинская часть, в которой служат Петров и Боширов, отравившие С. Скрипаля; раскрывается имя генерала ГРУ, руководящего данной частью²¹. Им оказывается генерал-майор Аверьянов, в отношении которого «информационный партнёр» MI-6 Der Spiegel публикует полные установочные данные, полученные, предположительно, кадровыми разведчиками ЦРУ / MI-6 и их агентурой в ходе оперативной установки личности «подозреваемого»; попутно выдвигается версия о том, что в Европе действует целая сеть «ликвидаторов», управляемая из единого центра и функционирующая по такому же принципу, что и террористические сети ИГИЛ и Аль-Кайды, запрещенных в РФ²²;

– 23 ноября 2019 г. сразу два издания – Der Spiegel и The Insider – публикуют личные (установочные) данные восьми сотрудников той самой «сверхсекретной» воинской части ГРУ № 29155, о которой немецкая газета писала 8 ноября; личные данные на каждого подобраны в виде развёрнутой анкеты и напоминают результаты оперативной установки, осуществлённой британской и американской разведками (на журналистское расследование это вообще не похоже) и легализованной через их агентуру в окружении главреда Der Spiegel (а может быть, благодаря прямой договорённости с немецкой разведкой, сделавшей нужный звонок в редакцию немецкого издания)²³; при этом Der Spiegel и The Insider прозрачно намекают, что располагают подробной установочной информацией на всех (или почти на всех) военнослужащих указанной воинской части, а публикация всего лишь восьми анкет связана исключительно с тем, что «газета не резиновая» и большее число разоблачений просто бы не поместилось на газетной странице; тем самым британская (и, возможно, американская) разведка наглядно продемонстрировала, что она может персонально установить личность каждого сотрудника секретного подразделения ГРУ № 29155 вплоть до последнего клерка;

– 24 августа 2019 г. в Берлине неизвестным был убит Зелимхан Хангошвили, бывший чеченский боевик, воевавший против федеральных войск и участвовавший в организации терактов; западные издания Bellingcat, The Insider, Dossier Center и Der Spiegel, не сговариваясь, заявляют, что убийство – полити-

²¹ См.: Schwirtz M. Top Secret Russian Unit Seeks to Destabilize Europe, Security Officials Say // New York Times: [сайт]. [08.10.2019]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/08/world/europe/unit-29155-russia-gru.html> (дата обращения: 15.11.2019).

²² См.: Рассекречено подразделение, которое отвечает за дестабилизацию Европы // Экспресс-Газета: [сайт]. [18.11.2019]. URL: <https://www.eg.ru/politics/806825-rassekrecheno-podrazdelenie-kotoroe-otvechaet-za-destabilizaciyu-evropy-079957> (дата обращения: 15.11.2019).

²³ См.: Bulgarien – Geheimdienstanschlag in Sofia: GRU-Killerteam aus Russland. [Электронный документ] // Der Spiegel: [сайт]. [23.11.2019]. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/bulgarien-geheimdienstanschlag-in-sofia-gru-killerteam-aus-russland-a-1297753.html> (дата обращения: 04.01.2020).

ческое и организовано российской военной разведкой (это не убийство, а ликвидация; ликвидатор – сотрудник в/ч № 29155 ГРУ)²⁴. Немецкая криминальная полиция и контрразведка первоначально занимают осторожную позицию, но к концу ноября 2019 г. (почти синхронно с сенсационным «разоблачением» в/ч № 29155 журналистами-расследователями Der Spiegel) их позиция меняется на обвинительную, и в результате разразившегося дипломатического скандала 4 декабря 2019 г. два российских дипломата признаются персонами нон-грата и вынуждены покинуть страну²⁵;

– 5 декабря 2019 г. французская газета Le Monde публикует статью о том, что на территории Франции, во французских Альпах, обнаружена «секретная база диверсантов ГРУ»²⁶; отмечается, что эта база служила местом сбора и отдыха для диверсионных групп, забрасываемых в различные точки Европы, что на этой базе «восстанавливали силы» (после удачно проведённых операций) Петров, Боширов и многие из тех восьми сотрудников в/ч № 29155, личные данные которых опубликовали расследователи Der Spiegel. Завершается статья французских журналистов выводом, что в Европе у «террористов» ГРУ, похоже, есть опорные базы и лагеря, и база в Альпах, скорее всего, не единственная.

Все пять эпизодов отработывались самостоятельно, внешне – независимо друг от друга; так, чтобы создавалось впечатление того, что журналисты-расследователи из разных изданий практически одновременно вышли на след диверсантов из ГРУ и отработали этот «след» на отлично, документально подтвердив предположения, которые западные разведки очень осторожно высказывали в 2018 и начале 2019 гг. После того, как все пять эпизодов были отработаны в СМИ, стало ясно, что эти сюжеты имеют много точек пересечения, и остаётся только сделать последний шаг – связать их все вместе в одну историю, в которой читателям будет предложено признать ГРУ террористической организацией, такой же, как ИГИЛ²⁷. Сразу стал вопрос: где она – «точка сборки»?

Такой «точкой сборки» в самом конце июня 2020 г. должна была стать «сенсационная новость», опубликованная The New York Times: 26 июня её обозреватели, опираясь на показания собственных источников из разведки США, сообщили, что российская военная разведка платила талибам и их пособникам (в Афганистане) за убийства американских солдат. В статье «Russia Secretly Offered Afghan Militants Bounties to Kill U.S. Troops, Intelligence Says»

²⁴ См.: Russischer Geheimdienst womöglich in Mord an Exil-Georgier verwickelt // Der Spiegel: [сайт]. [30.08.2019]. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/berlin-mord-in-moabit-hinweis-auf-russischen-geheimdienst-a-1284400.html> (дата обращения: 04.01.2020).

²⁵ См.: Германия высылает двух сотрудников посольства РФ из-за убийства в Берлине // DW: [сайт]. [04.12.2019]. URL: <https://www.dw.com/ru/германия-высылает-двух-сотрудников-посольства-рф-из-за-убийства-в-берлине/a-51527357> (дата обращения: 04.01.2020).

²⁶ См.: Russian spies used French Alps as 'base camp' for hits on Britain and other countries // The Telegraph: [сайт]. [05.12.2019]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2019/12/05/russian-spies-used-french-alps-base-camp-hits-britain-countries> (дата обращения: 04.01.2020).

²⁷ Организация запрещена в РФ.

(«[Американская] разведка сообщает, что Россия тайно платила афганским боевикам за убийства американских солдат [в Афганистане]») утверждалось, что ради убийства американских солдат в контакт с талибами вступили военнослужащие той самой в/ч № 29155, в которой проходят службу Петров и Боширов; те, в свою очередь, исправно уничтожали американских военнослужащих «за деньги, передаваемые им агентами ГРУ»²⁸. В качестве мотива совершения преступления было указано желание отомстить американцам за преследование сотрудников ГРУ за инцидент в Солсбери²⁹.

По информации авторов статьи, схема работы российской разведки была очень проста: якобы «резиденты ГРУ» через подставные фирмы-однодневки перечисляли денежные средства на счета афганских бизнесменов, аффилированных с талибами; те, в свою очередь, сообщали о приходе авансовых платежей афганским боевикам из группировки, близкой к Талибану; получив эту информацию, боевики-исламисты отстреливали определённое количество американских солдат (строго по таксе, заплаченной за жизнь каждого), передавали доказательства их гибели «агентам ГРУ» и по тем же каналам получали от них оставшуюся часть финансовых средств «под расчёт». Следы этих транзакций были обнаружены ЦРУ, предположительно, в феврале 2020 г. – сразу после заключения Соединёнными Штатами мирного соглашения с талибами³⁰ (что, отчасти, может указывать на истинный источник получения американцами этой информации). По сведениям источников NYT из разведывательного сообщества США, в 2019 г. жертвами организованных агентами ГРУ убийств стали около двадцати американских военнослужащих (хотя авторы статьи отмечают, что не все убийства можно однозначно отнести к «делу рук ГРУ»)³¹.

Обвинение, выдвинутое обозревателями NYT, более чем серьёзное: одно дело – травить всяких там литвиненок, «понаехавших» в приличную страну Великобританию (кто их считает, этих русских), Э. Гебева, имевшего гражданство Болгарии (вроде бы европейца, но второго или даже третьего сорта), Скрипалей – ещё одних «русских», не успевших даже как следует натурализоваться на своей новой родине; и другое дело – сознательно истреблять настоящих американских граждан. Да ещё и за деньги, выплачива-

²⁸ Russia Secretly Offered Afghan Militants Bounties to Kill U.S. Troops, Intelligence Says. By Charlie Savage, Eric Schmitt and Michael Schwartz // The New York Times: [сайт]. [26.06.2020]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/26/us/politics/russia-afghanistan-bounties.html> (дата обращения: 26.06.2020).

²⁹ Russia Secretly Offered Afghan Militants Bounties to Kill U.S. Troops, Intelligence Says. By Charlie Savage, Eric Schmitt and Michael Schwartz // The New York Times: [сайт]. [26.06.2020]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/26/us/politics/russia-afghanistan-bounties.html> (дата обращения: 26.06.2020).

³⁰ См.: Сколько стоит скальп американского солдата // Экспресс-Газета: [сайт]. [03.07.2020]. URL: <https://www.eg.ru/politics/914277-skolko-stoit-skalp-amerikanskogo-soldata> (дата обращения: 03.07.2020).

³¹ «Twenty Americans were killed in combat in Afghanistan in 2019, but it was not clear which killings were under suspicion». См.: Savage Ch., Schmitt E., Schwartz M. Russia Secretly Offered Afghan Militants Bounties to Kill U.S. Troops, Intelligence Says // The New York Times: [сайт]. [26.06.2020]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/26/us/politics/russia-afghanistan-bounties.html> (дата обращения: 26.06.2020).

емые преступным элементам (в том числе международным террористам) за каждый скальп американского солдата. Истребление американских граждан – это уже терроризм, а организация, стоящая за убийствами американских солдат, – это международная террористическая организация, такая же, как ИГИЛ и Аль-Каида³². И такая организация, по мнению обозревателей NYT и стоящих за их спинами анонимных сотрудников американской разведки, есть: это ГРУ (Главное управление Генштаба ВС РФ). У этой организации:

- есть свой штат наёмных убийц, диверсантов и террористов, часть которых теперь известна поимённо³³;

- есть специальный центр, в котором все эти террористы служат, – сверхсекретная (даже по меркам ГРУ) воинская часть № 29155, существование которой было установлено в ноябре 2019 г.³⁴;

- есть тайные опорные базы и схроны на территории ЕС, используемые террористами для совершения террористических атак и рейдов (существование одной из таких баз во французских Альпах было обнаружено в декабре 2019 г.);

- есть маршруты следования террористических групп, уходивших с этих баз на задания или возвращавшихся на них с отдыха (такие как рейд Петрова и Боширова в Женеву, отрабатывавших «след» Родченкова, слежка за Скрипалём в Чехии);

- есть конкретные эпизоды террористических операций и атак («ликвидация» Хангошвили в Берлине, попытки «ликвидировать» Гебева в Болгарии и Скрипаля в Великобритании, попытка организации госпереворота и убийства премьер-министра в Македонии и др.).

Причём наличие штата террористов-диверсантов, опорных баз и карты маршрутов (передвижения) диверсионных групп даёт основания говорить о том, что в ЕС и, возможно, в других странах «Коллективного Запада» действует конспиративная диверсионно-разведывательная сеть ГРУ, по своему характеру и функционалу неотличимая от аналогичным образом устроенных подпольных террористических сетей Аль-Кайды, ИГИЛ и «Братьев-Мусульман». Причём действует довольно давно. Её попытки расширить сферу своего влияния на США, вероятно, были временно приостановлены после скандала с Марией Бутиной, арестованной в 2018 г. в США по обвинению в «создании разведывательной сети» и вовлечению в неё высокопоставленных американских политиков и военных³⁵.

³² Международные террористические организации, запрещённые в РФ.

³³ Bulgarien – Geheimdienstanschlag in Sofia: GRU-Killerteam aus Russland // Der Spiegel: [сайт]. [23.11.2019]. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/bulgarien-geheimdienstanschlag-in-sofia-gru-killerteam-aus-russland-a-1297753.html> (дата обращения: 04.01.2020).

³⁴ См.: Schwirtz M. Top Secret Russian Unit Seeks to Destabilize Europe, Security Officials Say // New York Times: [сайт]. [08.10.2019]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/08/world/europe/unit-29155-russia-gru.html> (дата обращения: 15.11.2019).

³⁵ См.: Казус шпионки Марии Бутиной // Экспресс-Газета: [сайт]. [21.08.2018]. URL: <https://www.eg.ru/politics/602225-kazus-shpionki-marii-butinoi> (дата обращения: 15.11.2019).

Здесь становится понятно, для чего именно был сделан этот вброс. Схема, заложенная им, проста:

- после «сборки» всей «фактуры» в одной точке ГРУ объявляется международной террористической организацией и вносится США в список террористических организаций;

- руководители ГРУ признаются лидерами террористов (руководителями международной террористической организации, статус которой приравнен к Аль-Каиде и ИГИЛ);

- все прямые начальники руководителей ГРУ также объявляются лидерами международных террористов, включая министра обороны, непосредственным подчинённым которого и является начальник ГУ Генштаба ВС РФ;

- путём незатейливых дебатов в Конгрессе («мог ли не знать Президент РФ о злодеяниях, творившихся от его имени ГРУ») к категории лидеров террористов и их пособников мог бы быть причислен и Президент РФ;

- а потом всех указанных лиц подвести под действие USA Freedom Act (2015) – закона, допускающего внесудебную ликвидацию лидеров международных террористических группировок, убивающих граждан США.

Последствия этого решения – понятны. Возможно, именно в рамках генеральной репетиции его реализации 3 января 2020 г. был ликвидирован иранский генерал Кассем Сулеймани, которого США считали на Ближнем Востоке «террористом № 1»; его убийство списали на USA Freedom Act. На момент своей гибели генерал Сулеймани следовал из аэропорта г. Багдада, ни от кого не скрываясь, поскольку прибыл в Ирак с дипломатической миссией; в кармане у него лежал дипломатический паспорт, гарантировавший ему дипломатический иммунитет и неприкосновенность. Однако ни дипломатический иммунитет, ни дипломатический паспорт не помогли ему избежать ракетного удара, нанесённого по кортежу иранского генерала по приказу Д. Трампа; вместе с К. Сулеймани погибли ещё 11 человек.

Трудно сказать, почему этот план, очень реальный и очень хорошо просчитанный, так и не был реализован: в самый последний момент его «поставили на паузу», решив, что ещё не время. Возможно, на реализацию этого плана повлияла набиравшая обороты президентская избирательная кампания, переключившая внимание Трампа на борьбу с внутренними противниками и не оставившая ему времени для интриг против России. Не случайно источники NYT из разведсообщества США отмечали, что информация об операциях ГРУ в Афганистане была получена ещё в начале февраля 2020 г., но всё это время оставалась «без движения», поскольку Президент США Дональд Трамп «не знал, что с ней делать»³⁶. Возможно также, что в тот момент, когда в NYT появился первый вброс

³⁶ «The Trump administration has been deliberating for months about what to do about a stunning intelligence assessment». См.: Savage Ch., Schmitt E., Schwirtz M. Russia Secretly Offered Afghan Militants Bounties to Kill U.S. Troops, Intelligence Says // The New York Times: [сайт]. [26.06.2020]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/26/us/politics/russia-afghanistan-bounties.html> (дата обращения: 26.06.2020).

о том, кто именно в Афганистане убивает американских солдат, на столе у руководства США уже лежал план новой операции с отравлением Навального – операции, более перспективной как с точки зрения провоцирования российского руководства, так и с точки зрения вовлечения в антироссийские операции бывшего «адвоката» Путина – ФРГ, стремившейся не участвовать в организованной англо-американцами травле России. Если это так, то становится понятно, почему дело с Афганистаном поставили на паузу: оперативная комбинация с отравлением Навального, построенная точно по уже отработанной в 2018 г. схеме инцидента в Солсбери, должна была через некоторое время привести точно к такому же результату – стать «точкой сборки» для всего «Скрипальского дела» (в которое «Афганистан» войдёт как ещё один дополнительный эпизод), только с более широкой оперативной перспективой.

Одним из контентных результатов «Дела об отравлении Скрипалей» стало блокирование США, Великобританией и созданной ими коалицией (активным участником которой, кстати, стала «дружественная нам» Индия) выдвижения российского кандидата (А. Прокопчука) на пост главы Интерпола в ноябре 2018 г. Российский кандидат должен был занять этот пост автоматически – по ротации (предусмотренная регламентом процедура голосования должна была носить формальный характер, так как в 2018 г. пришла очередь именно России «председательствовать» в Интерполе), но избраться ему не дали: Россию обвинили в том, что В. В. Путин специально хочет поставить главой Интерпола «своего человека» (особо доверенное лицо), чтобы «получить доступ к секретным базам Интерпола на всех политиков во всех странах мира» (персональным данным всей западной политической элиты) и затем травить («новичком», рицином и радиоактивным полонием) своих политических оппонентов и просто обидчиков по всему миру, «как Скрипалей»³⁷, – где бы они ни находились³⁸. В результате целый ряд стран – США, Великобритания и др. – заявили, что, если на пост директора Интерпола будет назначен российский кандидат Александр Прокопчук³⁹, все они выйдут из этой международной организации (прекратят членство, финансирование и какое-либо участие в её работе). В результате под беспрецедентным международным

³⁷ Так, бывший посол США в РФ М. Макфол заявил: «Смысл выдвижения кандидатуры Прокопчука очевиден: получение Россией новых возможностей в её стремлении преследовать врагов Путина». См.: Hodge N. Putin critics rejoice at Russia's defeat in Interpol presidency bid // CNN: [сайт]. [21.11.2018]. URL: <https://edition.cnn.com/2018/11/21/europe/interpol-russia-intl/index.html> (Дата обращения 20.01.2020).

³⁸ См.: Манойло А. В. Как Сергей Скрипаль повлиял на выборы главы Интерпола // Экспресс-Газета: [сайт]. [14.08.2020]. URL: <https://www.eg.ru/politics/935122-kak-sergey-skripal-povliyay-na-vybory-glavy-interpola> (дата обращения: 14.08.2020).

³⁹ «По данным телеканала Си-эн-эн, американский сенатор Марко Рубио пытался через Минюст и Госдеп надавить на страны-участницы, чтобы голосовали против россиянина». См.: Выборы главы Интерпола проходят на фоне интриг и провокаций против кандидата из России // Официальный сайт 1 канала. [21.11.2018]. URL: https://www.1tv.ru/news/2018-11-21/356005-vybory_glavy_interpola_prohodyat_na_fone_intrig_i_provokatsiy_protiv_kandidata_iz_rossii (дата обращения: 12.01.2020).

давлением Россия была вынуждена уступить и отказаться от своего законного права выдвинуть на этот пост своего представителя. Схема этой оперативной комбинации представлена на рис. 6.

Для достижения этой цели была развёрнута информационная кампания, дискредитирующая А. Прокопчука, причём сразу по двум направлениям:

а) прямая дискредитация А. Прокопчука как особо опасной личности – путём «навешивания ярлыков» (особо опасный преступник, возможно, имевший отношение к операции ГРУ в Солсбери; бывший «шпион» КГБ и СВР; «доверенное лицо Путина», «сливавший» ему информацию о «местонахождении врагов» российского президента);

б) дискредитация А. Прокопчука путём демонстрации его тесных («родственных») связей с «преступным» окружением («знаком с Петровым и Бошировым») с целью убедить всех в том, что Прокопчук также несёт ответственность за инцидент в Солсбери; неслучайно В. Кейбл, лидер либеральных демократов Великобритании, накануне выборов главы Интерпола заявил, что «его [Прокопчука] назначение станет абсолютным оскорблением для жертв теракта в Солсбери»⁴⁰. Так Прокопчук в глазах западной общественности стал человеком, связанным с Петровым и Бошировым общей судьбой, а с Путиным – ещё и общим прошлым в КГБ СССР.



Рис. 6 / Fig. 6. Схема дискредитации российского кандидата на выборах главы Интерпола в 2018 г. / Scheme of discrediting a Russian candidate in the elections of the head of Interpol in 2018

⁴⁰ «I strongly oppose the possible election of Russian Alexander Prokopchuk as the next Interpol President. He has a reported history of serving in Russian President Putin's dubious security services and reportedly attempting to abuse Interpol to pursue Russia's political enemies». См: «Твиттер» сенатора Дика Дурбина // Twitter: [сайт]. [21.11.2018]. URL: <https://twitter.com/SenatorDurbin/status/1064998334715346945> (дата обращения: 20.01.2020).

Кульминацией информационной кампании по дискредитации Прокопчука стал лозунг: «Если проголосуем за Прокопчука, вас всех будут травить, как Скрипалей». Он и склонил чашу весов для большинства представителей голосовавших стран в пользу южнокорейского кандидата.

Тем же, кто продолжал колебаться, показали заявление Д. Трампа, который примерно за месяц до голосования (15 октября 2018 г.) в интервью программе «60 минут»⁴¹ заявил, что он допускает, что «Путин, вероятно, причастен к совершению убийств, но не в США»⁴². Набор лозунгов, под которыми проходила кампания по дискредитации, представлен на рис. 7.

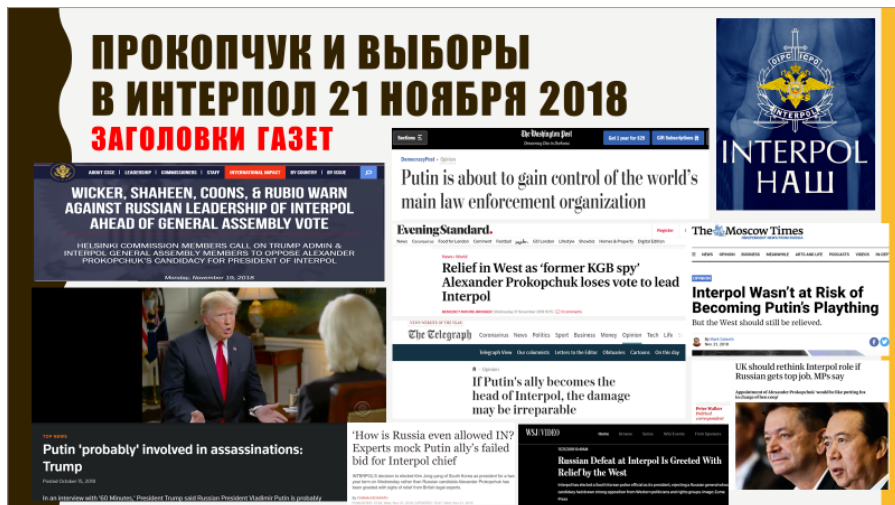


Рис. 7 / Fig. 7. Набор лозунгов, под которыми проходила кампания по дискредитации А. Прокопчука в 2018 г. / A set of slogans under which the campaign to discredit A. Prokopchuk took place in 2018

В новейшей практике информационных операций «Дело Прокопчука» – отличный пример того, как именно политический миф, сформированный

⁴¹ «Lesley Stahl: Do you agree that Vladimir Putin is involved in assassinations? In poisonings? President Donald Trump: Probably he is, yeah. Probably. I mean, I don't... Lesley Stahl: Probably?

President Donald Trump: But I rely on them, it's not in our country.

Lesley Stahl: Why not... they shouldn't do it. This is a terrible thing.

President Donald Trump: Of course, they shouldn't do it...

Lesley Stahl: Instead do you believe». См.: Trump Talks Saudi 'Murder,' Putin and World War III: Full CBS Transcript // Haaretz: [сайт]. [15.10.2018]. URL: <https://www.haaretz.com/us-news/trump-talks-saudi-murder-putin-and-world-war-iii-full-cbs-transcript-1.6555786> (дата обращения: 12.08.2020).

⁴² «In an interview with '60 Minutes,' President Trump said Russian President Vladimir Putin is probably involved in assassinations, but not in the United States». См.: Putin 'probably' involved in assassinations: Trump // Reuters: [сайт]. [15.10.2018]. URL: <https://www.reuters.com/video/watch/putin-probably-involved-in-assassination-id473633369> (дата обращения: 12.01.2020).

вокруг инцидента в Солсбери, может быть использован как инструмент информационной войны против России – причём для достижения конкретного результата. Фактически выдвижение антироссийского ультиматума спровоцировала одна единственная вброшенная резонансная фраза: если проголосуете за российского кандидата, вас всех «...будут травить, как Скрипалей».

Продолжение следует...

ЛИТЕРАТУРА

1. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 416 с.
2. Конышев В., Парфенов Р. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66.
3. Манойло А. В. Дело Скрипалей как операция информационной войны // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 30.12.2020). DOI: 10.18384/2224-0209-2019-1-939.
4. Манойло А. В. Фейковые новости как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 2. С. 41–42.
5. Слипченко В. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002. 384 с.
6. Тиханычев О. В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? [Электронный ресурс] // Вопросы безопасности. 2020. № 1. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30256 (дата обращения: 30.12.2020). DOI: 10.25136/2409-7543.2020.1.30256.
7. Хаас Р. Мировой беспорядок. Американская внешняя политика и кризис старого порядка / пер. с англ. М.: АСТ, 2019. 320 с.
8. Шеллинг Т. Стратегия конфликта / пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: ИРИСЭН: Социум, 2014. 367 с.
9. Hoffman F. G. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars [Электронный ресурс]. [2007]. URL: https://www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (дата общения: 29.12.2020).
10. Nichols T. N. Winning the World. Lessons for America's Future from the Cold War. Westport, CS: Praeger, 2002. 255 p.
11. Rushkoff D. Present Shock. When Everything happens now. New York: Current, 2013. 296 p.
12. Simons G. Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics [Электронный ресурс] // Russia in Global Affairs. 2019. № 2. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/digital-communication-disrup> (дата обращения: 30.12.2020).

REFERENCES:

1. Kaldor M. New and Old Wars: Organized Violence in the Global Era (Russ. ed.: *Novye i starye voyny: organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu*. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2016. 416 p.).

2. Konyshev V., Parfenov R. [Hybrid wars: between myth and reality]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2019, vol. 63, no. 12, pp. 56–66. DOI: 10.20542 / 0131-2227-2019-63-12-56-66.
3. Manoilo A. V. [The Skripals case as an information war operation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2019, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 30.12.2020). DOI: 10.18384/2224-0209-2019-1-939.
4. Manoilo A. V. [Fake news as a threat to national security and an information management tool]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskoe nauki* [MSU Vestnik. Series 12: Political Science], 2019, no. 2, pp. 41–42.
5. Slipchenko V. *Voiny shestogo pokoleniya. Oruzhie i voennoe iskusstvo budushchego* [Wars of the sixth generation. Weapons and military art of the future]. Moscow, Veche Publ., 2002. 384 p.
6. Tikhanychev O. V. [Hybrid wars: a new word in the art of war or a well-forgotten old one?]. In: *Voprosy bezopasnosti* [Security questions], 2020, no. 1. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30256 (accessed: 30.12.2020). DOI: 10.25136/2409-7543.2020.1.30256
7. Haass R. A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order (Russ. ed.: *Mirovoi besporyadok. Amerikanskaya vneshnyaya politika i krizis starogo poryadka*). Moscow, AST Publ., 2019. 320 p.).
8. Schelling T. The Strategy of Conflict (Russ. ed.: *Strategiya konflikta*). Moscow, IRISEN Publ., Socium Publ., 2014. 367 p.).
9. Hoffman F. G. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars, 2007. Available at: https://www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (accessed: 29.12.2020).
10. Nichols T. N. *Winning the World. Lessons for America's Future from the Cold War*. Westport, CS, Praeger, 2002. 255 p.
11. Rushkoff D. *Present Shock. When Everything happens now*. New York, Current, 2013. 296 p.
12. Simons G. Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics. In: *Russia in Global Affairs*, 2019, no. 2. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/digital-communication-disrup> (accessed: 30.12.2020).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 03.01.2021

Статья размещена на сайте: 02.03.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки ЦНИИ глобальных и региональных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор кафедры российской политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: syberhurricane@yandex.ru

Andrey V. Manoilo – Dr. Sci. (Political Science), Leading Researcher, Department of Europe and America, Central Research Institute of Global and Regional Problems, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Manoilo A. V. Information warfare and new political reality (I). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 342.7 : 316.35

Пилипенко А. Д.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119234, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И РОЛИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НКО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследование ставит своей целью определение места социально ориентированных некоммерческих организаций в политической системе Российской Федерации. Проанализированы факторы, обосновывающие необходимость повышения роли социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) в реализации социальной политики государства, возможности использования их ресурсов и потенциала для повышения качества социального обслуживания населения.

Процедура и методы. Рассмотрены ключевые формы государственной поддержки деятельности СО НКО, а также основные проблемы предоставления такой поддержки и возможные пути их решения.

Результаты. Сделаны выводы, что государство, поддерживая деятельность третьего сектора, одновременно создаёт прочную основу для развития гражданского общества, формирует лояльный социум, способный к самоорганизации в конструктивном ключе, снижающий социальную напряжённость, что представляет собой эффективную профилактику деструктивности, так как граждане, проявляющие заботу о социально незащищённых слоях населения по своему собственному желанию, демонстрируют высокую степень социальной ответственности, а значит, менее настроены на разрушительные действия и на антагонистические настроения. СО НКО, в свою очередь, способны взять на себя часть полномочий государства в области реализации социальной политики и, учитывая особенности и специфику их деятельности, могут выполнять эти функции весьма эффективно, глубоко понимая запросы целевых групп и удовлетворяя их.

Практическая значимость. Практическая значимость исследования обуславливается возможностью применения его результатов в практике принятия политических решений в области стимулирования конструктивной гражданской активности с целью развития гражданского общества, а также в области практики оказания поддержки некоммерческому сектору.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гражданское общество, СО НКО, общественный контроль, социальная политика, гражданская активность, государственная поддержка, социальная защита, общественные инициативы, демократия, социальное государство

СТРУКТУРА

Введение

Государство и СО НКО в реализации социальной политики

Проблемы оценки эффективности деятельности НКО

Проблемы вхождения СО НКО в реестр поставщиков общественно полезных услуг и пути решения

Заключение

A. Pilipenko

*Lomonosov Moscow State University
27 korp. 4, Lomonosovsky prospekt, Moscow 119234, Russian Federation*

ON THE PLACE AND ROLE OF SOCIALLY ORIENTED NGOS IN THE POLITICAL SYSTEM OF MODERN RUSSIA

ABSTRACT

Aim. The article considers the place of socially oriented non-profit organizations in the political system of the Russian Federation. The author analyzes the factors that justify the need to increase the role of SOCIAL NGOs in the implementation of the state's social policy, the possibility of using their resources and potential to improve the quality of social services for the population.

Methodology. The key forms of state support for the activities of SO NPOs, as well as the main problems of providing such support and possible ways to solve them, are considered.

Results. It is concluded that the state, supporting the activities of the third sector, at the same time creates a solid foundation for the development of civil society, a loyal society capable of self-organization in a constructive way, reducing social tension, which is an effective prevention of destructiveness, since citizens who take care of socially unprotected segments of the population at their own will, demonstrate a high degree of social responsibility, and therefore are less inclined to destructive actions and antagonistic moods. NGOs, in turn, are able to assume part of the state's powers in the field of social policy implementation and, taking into account the peculiarities and specifics of their activities, can perform these functions very effectively, deeply understanding the needs of target groups and satisfying them.

Research implications. The results of the research have practical value since they can be used in the practice of political decision-making in promoting constructive civic engagement, with the goal of civil society development and in practice of supporting the non-profit sector.

KEYWORDS

civil society, co-NGO, public control, social policy, civic engagement, state support, social protection, social initiatives, democracy, social state

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, политическая система демократического государства представляет собой совокупность различных взаимосвязанных акторов политического процесса. В политической системе Российской Федерации помимо властных институтов функционируют институты гражданского общества, которые имеют значительный управленческий потенциал. Поэтому анализ места и влияния социально ориентированных некоммерческих объединений в системе властных отношений представляется актуальным для более глубокого понимания современного политического процесса в России.

Российская Федерация в её современном состоянии представляет собой государство, стремящееся к повышению темпов экономического роста и качества социального развития. За постсоветский период произошла ста-

билизация политической системы и идёт постепенное увеличение её эффективности. Вместе с этими изменениями в политическую повестку дня пришёл вопрос о развитии гражданского сектора и его институтов, поскольку переход к демократическому социуму предполагает наличие эффективно функционирующего гражданского общества и активное участие российских граждан в политической жизни [14].

Гражданское общество в России обретает всё более чёткую институциональную архитектуру, структурируется. Его функции более не размыты и не обуславливаются лишь видением тех или иных ведомств того, в какой степени необходимо привлекать граждан к процессу управления. Эти функции, а также сферы деятельности институтов гражданского общества регламентированы действующим российским законодательством. Согласно нормативным актам, гражданское участие приветствуется и поддерживается практически в каждом направлении деятельности государства. При органах исполнительной власти созданы и функционируют общественные советы, экспертно-консультативные советы сопровождают работу органов законодательной власти, повсеместно используются возможности привлечения граждан к общественным слушаниям по важнейшим вопросам, «нулевые» чтения законопроектов уже зарекомендовали себя как эффективный механизм общественной экспертизы [2, с. 2].

Необходимо отметить, что подобные процессы происходят не только на федеральном уровне. Процесс включения гражданских организаций в управление происходит с разной интенсивностью и в регионах. Это обусловлено территориальными особенностями, национальными и культурными установками политического сознания населения, а также уровнем развития гражданского общества в том или ином регионе. Немаловажную роль здесь играет и доверие к властным структурам. Однако в целом необходимо отметить положительную динамику в этом направлении. Государство, в свою очередь, проявляет достаточно высокий уровень активности в вопросах поддержки гражданской активности и гражданских инициатив.

Тем не менее степень понимания роли социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) в политической системе РФ развита недостаточно. По-прежнему существуют административные препятствия для вхождения в реестр поставщиков социальных услуг, представители органов власти неохотно идут на контакт и привлекают СО НКО к сотрудничеству.

Говоря о степени изученности темы, среди исследований, проводимых в данной области, необходимо выделить методологически ориентированные работы О. Н. Яницкого [12], Л. Г. Ионина [3], Е. Богдановой [1]. Однако указанные авторы рассматривали в большей степени общетеоретические аспекты функционирования институтов гражданского общества, но не варианты встраивания НКО в политическую систему. Более подробно деятельность непосредственно общественных объединений анализируется О. В. Аксёновой, А. И. Андриенко, Р. В. Зелепукиным, А. В. Ивановым, А. А. Чаплыгиным [11], тем

не менее основные вопросы доступа СО НКО к осуществлению социальных функций, а также понимания занимаемого ими места в политической системе не раскрыты полностью.

Согласно вышесказанному, исследование данной темы для более глубокого понимания СО НКО как субъектов политики, проведённое автором данной статьи, представляется теоретически значимым.

Целью настоящего исследования является определение места и роли СО НКО в политическом процессе современного Российского государства.

Основными **задачами** исследования являются анализ роли СО НКО в осуществлении социальной политики государства, определение основных путей государственной поддержки СО НКО, а также выявление проблем в предоставлении СО НКО доступа к реализации социальных функций и вхождению в реестр поставщиков социальных услуг.

Исследование выполнено в рамках структурно-функционального и институционального подходов с применением дескриптивного политического анализа и вторичного анализа социологических данных.

ГОСУДАРСТВО И СО НКО В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Участие граждан в жизни общества принимает различные формы. Безусловно, оно может быть точечным и индивидуальным, однако особенно эффективным становится тогда, когда население включается в деятельность общественных объединений [12, с. 114]. Одним из наиболее чувствительных и актуальных вопросов для общества является реализация социальной политики, поскольку социальная сфера представляет собой реальность, в которой каждый человек находится постоянно [5, с. 25]. Даже те граждане, которые демонстрируют высокую степень уклонения от происходящих в государстве процессов или настроены антагонистически, не могут полностью быть отстранёнными от социальной сферы жизни. В процессе функционирования в конкретном обществе каждый человек, вне зависимости от политических взглядов и отношения к власти, сталкивается с вопросами, которые требуют решения посредством органов власти или иных структур, так или иначе имеющих отношение к государству. Это и медицина, и образование, и социальная защита, и другие вопросы. Особенно острой эта тема становится для наиболее уязвимых слоёв населения, нуждающихся в поддержке и защите [13].

Объективно государство задействует значительные финансовые и кадровые ресурсы для достижения высокого уровня социального обеспечения населения, однако справедливо было бы говорить о том, что оно нуждается и в помощи институтов гражданского общества в этом направлении. Обуславливается это несколькими факторами.

Во-первых, регионы Российской Федерации имеют различия по уровню финансирования и человеческого потенциала, что сказывается как на качестве жизни жителей, так и на обеспеченности органов социальной за-

щиты кадрами, необходимым оборудованием и т. д. Особенно это заметно в малых или отдалённых поселениях, традиционно испытывающих нехватку и того, и другого.

Во-вторых, существуют региональные и местные особенности социальных запросов населения, которые могут быть в силу их малых масштабов не учтены властными структурами или вовсе пропущены из-за того, что слабо артикулируются.

Дополнительно существует проблема ограниченности доходов соответствующих слоёв населения. Например, многие реабилитационные процедуры для детей с расстройствами аутистического спектра требуют существенных финансовых затрат, но часто у семей нет ресурсов, а государство не в состоянии обеспечить столь объёмное финансовое сопровождение каждого такого ребёнка в стране. С похожими проблемами сталкиваются и другие категории граждан.

В-третьих, само функционирование государственных организаций зачастую бывает несовершенным. Центры оказания социальной помощи перегружены, взаимодействие с ними осложнено бюрократическими процедурами, в некоторых регионах до сих пор не существует системы электронного взаимодействия между различными ведомствами, что приводит к повышению сроков сбора документации, ожидания ответа.

Все эти факторы указывают на то, что необходимо включение институтов гражданского общества в процесс социального обеспечения и поддержки населения. На сегодняшний день эффективно эту функцию способны выполнять социально ориентированные некоммерческие организации. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» определяет СО НКО как некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации, а также реализующие специфические виды деятельности, предусмотренные тем же законом¹. Необходимо отметить, что деятельность СО НКО охватывает широкий круг проблем социальной сферы общества. Что это значит? Граждане вовлекаются в процесс реализации социальной политики, могут согласно своим компетенциям и возможностям осуществлять деятельность по улучшению социального климата в государстве [10, с. 17].

Обычно НКО, выполняющие по своему уставу ту или иную социально полезную деятельность, формируются из представителей соответствующей социальной группы или же из граждан, которым поднимаемые проблемы близки. Это обеспечивает эмоциональную включённость членов организации в процесс реализации своих функций. Можно сказать, что здесь существует

¹ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (последняя редакция) «О некоммерческих организациях» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824 (дата обращения: 20.01.2020).

личная заинтересованность, и речь идёт не о финансовых выгодах, поскольку деятельность СО НКО не имеет своей целью извлечения прибыли². Выгоды здесь иного рода – решение болезненных социальных проблем, удовлетворение потребности в оказании помощи, чувство сопричастности и т. д. [9, с. 76] Отсюда очевидно, что СО НКО способны не только перенять часть обязанностей государства по социальному обслуживанию населения, но и стимулировать гражданскую активность, мотивировать граждан к взаимопомощи и даже прививать и воспитывать морально-этические качества личности.

Здесь необходимо затронуть тему особенностей политического и гражданского сознания россиян. Да, деятельность СО НКО регламентирована законодательными актами, более того, она является прямым механизмом реализации гражданами конституционного права на объединение [4, с. 123]. Однако одних декларативных мер было бы недостаточно без заинтересованности самого населения в осуществлении соответствующей деятельности, без чёткой гражданской позиции и желания приносить пользу обществу. Таким образом, представляется логичным увязать эффективность работы некоммерческих организаций с государственной политикой по воспитанию гражданственности, формированию ценностных ориентаций, стимулированию гражданской активности населения и разъяснению населению его прав и возможностей для участия в управленческих процессах.

Вторым преимуществом СО НКО является то, что они способны концентрироваться на проблемах, существующих на конкретной территории. Ответственность обычно более охотно идёт на контакт с людьми, не являющимися представителями властных структур, и проявляет большее доверие к ним, что даёт возможность глубоко изучить запрос населения. Кроме того, общественники могут оказывать адресную помощь, поскольку число добровольцев значительно превышает число сотрудников уполномоченных ведомств [10, с. 34].

СО НКО не только могут осуществлять непосредственную деятельность по реализации социальной политики. Они также имеют возможность выражать мнение представляемых ими слоёв населения, эффективно артикулировать существующий запрос таким образом, чтобы он был услышан представителями властных структур и решён там, где не хватает ресурса или полномочий у самих некоммерческих организаций для решения проблемы, но они выступают посредниками между обществом и властью [8, с. 13]. Это значит, что СО НКО могут оказывать влияние на определение вектора развития социальной политики в государстве и, что немаловажно, становиться субъектами социальной политики, осуществлять взаимодействие с органами власти. А это, в свою очередь, означает, что СО НКО становятся значимой частью политической системы государства.

² Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (последняя редакция) «О некоммерческих организациях» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824 (дата обращения: 20.01.2020).

Итак, государство делегирует институтам гражданского общества часть своих полномочий в социальной сфере. Вместе с тем государство не устраняется от их работы и не предоставляет некоммерческим организациям только самостоятельно справляться с любыми возникающими вопросами. По сути, СО НКО и государство функционируют в системе партнёрства, которое обеспечивается институтом государственной поддержки деятельности СО НКО. Речь идёт как о финансовой поддержке в виде грантов и субсидий на осуществление деятельности, так и о других формах поддержки – предоставлении помещений в безвозмездное пользование, привлечении к сотрудничеству специалистов органов власти, информационной поддержке и т. д. [1, с. 7] Что достигается путём такой поддержки? Расширяются возможности участия граждан в реализации социальной политики, и, как следствие, происходит активное вовлечение граждан в решение социальных проблем.

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НКО

Однако следует отметить, что вместе с расширением форм государственной поддержки и законодательным закреплением института социально ориентированных некоммерческих организаций введено и понятие *эффективности деятельности СО НКО*. Эта мера также является следствием определённых процессов, происходящих в гражданском обществе. Увеличение числа зарегистрированных НКО на первый взгляд должно бы означать развитие этого института, однако на практике всё иначе – количество не означает качества. Значительная часть организаций де-факто оказывается лишь номинальными, не осуществляющими никакой практической деятельности.

По данным, собранным Общественной палатой Российской Федерации, в 2012 г. в России было зарегистрировано 108 тыс. социально ориентированных некоммерческих организаций, к 2015 г. эта цифра увеличилась до 140 тыс. Затем вплоть до 2019 г. значения существенно не менялись. По данным Министерства юстиции РФ, колебания не превышают 1%. В целом количество НКО остаётся стабильно большим, однако существует и проблема их реальной деятельности.

В этой связи возникает вопрос о том, каким образом осуществлять государственную поддержку [1, с. 8]. Необходимо чётко понимать, какие организации реально функционируют на благо общества и нуждаются в поддержке, а какие представляют собой фиктивный конструкт.

Для этих целей установлено, что основой поддержки СО НКО является не сам факт наличия такой организации, а эффективность её деятельности, так называемый социальный эффект – конкретные результаты работы организации. С одной стороны, такой подход можно считать справедливым, логичным и обоснованным. С другой стороны, здесь возникает ряд сложностей, которые обусловлены спецификой самой деятельности третьего сектора.

Как уже было сказано выше, работа общественных объединений построена во многом на добровольном участии неравнодушных граждан и отвечает на конкретный запрос населения, а запрос этот может быть совершенно разным. Как определить, является ли деятельность организации эффективной? Количественные показатели в данном случае не отражают реальной сущности её работы. Корректно ли сказать, что организация, благополучателями деятельности которой стали 500 человек, работает эффективнее, чем та, благо от работы которой получили 10 человек? Можно ли утверждать, что 10 граждан с редким заболеванием получили меньшую поддержку, чем 500, у которых более «прозаичные» проблемы? Значит ли это, что необходимо отрицать результаты одной из СО НКО на том основании, что она не достигает определённых показателей по числу благополучателей? Значит ли это, что благополучатели другого рода, находящиеся в меньшинстве в силу различных причин, должны быть лишены помощи, так как у курирующей их СО НКО нет возможности получить государственную поддержку?

Это лишь абстрактный пример, но он, по нашему мнению, достаточно хорошо отражает несостоятельность применения одного количественного метода при оценке деятельности СО НКО. Необходимо более глубокое изучение деятельности организаций, выполняемых ими услуг, качества помощи. Стандартизация и планирование в данном случае одновременно и благо, и проблема. Безусловно, наличие чётких критериев, разработанных экспертами в области той или иной деятельности, облегчает работу по оцениванию «социального эффекта», а планирование представляет собой каркас, на который можно опираться.

Однако необходимо помнить, что работа общественников – не то же самое, что работа государственных структур. Она во многом подвержена ситуативным изменениям, более гибка, не столь отлажена и косна не столь регламентирована, в чём тоже есть дуальность – одновременно преимущество и недостаток. Это означает, что при определённых обстоятельствах запланированные результаты могут не достигаться в силу различных изменений, происходящих в обществе, либо видоизменяться. Насколько объективно говорить о том, что в данном случае эффективность работы снижается?

Возвращаясь к вопросу о критериях, необходимо также рассматривать весь комплекс социальных и экономических условий, в которых действует организация, а также региональный контекст. Следовательно, можно говорить, что критериальные рамки представляют собой лишь основу для оценивания эффективности работы СО НКО [8, с. 124]. Жёсткость в данном вопросе способна сыграть с государственными структурами злую шутку и привести к падению гражданской активности, поскольку граждане, видя, что их деятельность никак не оценивается государством или оценивается по формальному принципу, могут утратить мотивацию к её осуществлению.

ПРОБЛЕМЫ ВХОЖДЕНИЯ СО НКО В РЕЕСТР ПОСТАВЩИКОВ ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНЫХ УСЛУГ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Понятно, что государственные структуры и соответствующие ведомства выполняют большое количество задач по реализации государственной политики и не имеют возможности погружаться в вопросы эффективности деятельности СО НКО так глубоко, как то требуется в силу обозначенных выше причин, поэтому происходит повсеместная формализация [6, с. 19]. Очевидным доказательством нерациональности указанного подхода является слабое действие такого механизма поддержки СО НКО, как признание их поставщиками социальных услуг или исполнителями социально-полезных услуг. Для включения в реестр и получения финансирования организациям необходимо заключение соответствующего ведомства о качестве исполняемых услуг³. Однако на деле СО НКО сталкиваются с тем, что ведомства дают формальные заключения или не дают их вовсе. Во многих уполномоченных структурах в регионах до сих пор нет регламентирующих документов для разработки таких заключений.

Ярким примером в этом отношении является Краснодарский край. На сегодняшний день соответствующие документы разработаны только министерством труда и социального развития Краснодарского края, тогда как краевой администрацией на протяжении нескольких лет ведётся активная работа с СО НКО по их вхождению в реестр поставщиков и исполнителей социальных услуг.

Так, в 2018 г. краснодарской краевой общественной организацией «Агентство молодёжных инициатив» был подготовлен и направлен пакет документов, полностью соответствующий требованиям существующего законодательства, в региональное министерство образования, науки и молодёжной политики для получения заключения. В ответном письме было отказано в признании деятельности данной организации соответствующей требованиям закона. Формулировки ответного письма были не конкретными, размытыми, содержали общие фразы, не отражающие сути проблемы. Обратившись за разъяснениями и помощью, представители организации получили ответ об отсутствии ведомственного регламента по выдаче таких заключений и предложение повторить попытку позже, когда документ будет разработан. Подобные действия региональных властей приводят к вполне конкретным негативным последствиям – СО НКО, желающие получить статус исполнителей общественно полезных услуг, не могут этого сделать. Это видят также и представители СО НКО, что порождает недоверие и недопонимание, осложняет сотрудничество организаций гражданского общества и государства.

³ Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558 (дата обращения: 18.01.2020).

На наш взгляд, одним из вариантов разрешения сложившейся ситуации является привлечение к оценке эффективности деятельности СО НКО общественных экспертов, институтов гражданского общества. Подобно тому, как экспертно-консультативные советы помогают в работе органам государственной власти в иных областях, этот ресурс можно использовать и применительно к сфере деятельности некоммерческих организаций. Создание экспертного пула может решить сразу несколько проблем: во-первых, разработки регламентирующей документации; во-вторых, возможности углублённо анализировать деятельность СО НКО; в-третьих, обеспечения эффективной коммуникации между СО НКО и органами государственной власти по вопросам выдачи заключений.

Такая система может показаться громоздкой, однако на деле она обеспечит более качественную работу как властных структур, так и СО НКО.

Говоря о месте и роли СО НКО в политической системе государства, нельзя обращать внимание только на общегосударственный уровень [7, с. 123]. В данном вопросе целесообразнее спускаться на микроуровень, а именно начинать анализ с рассмотрения деятельности на местном уровне, поскольку именно там СО НКО решают вопросы социальной политики точно, адресно и от этого ещё более эффективно [11, с. 105]. По сути, СО НКО способны снижать уровень социальной напряжённости. Ведь граждане понимают, что их проблемы могут быть услышаны, артикулированы и решены в более быстром порядке. Кроме того, это улучшает социальный климат и взаимодействие граждан между собой, что формирует фундамент гражданской солидарности и повышения доверия друг другу.

Государство, поддерживая такую деятельность, одновременно создаёт прочную основу для развития гражданского общества, а также формирует лояльный социум, способный к самоорганизации в конструктивном ключе, снижающий социальную напряжённость. Это эффективная профилактика деструктивности. Очевидно, что граждане, проявляющие заботу о социально незащищённых слоях населения по своему собственному желанию, демонстрируют высокую степень социальной ответственности, а значит, меньше настроены на разрушительные действия и на антагонистические настроения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, СО НКО занимают важнейшее место в политической системе современной России, действуют как субъекты социальной политики, выразители общественного мнения, а также сами являются благоприятной средой для формирования гражданственности и объединения населения. Делая ставку на поддержку и всестороннюю помощь СО НКО, государство налаживает конструктивное и качественное взаимодействие с обществом, что является основой для поддержки демократического и социального государства в истинном понимании значения этих явлений.

Исходя из вышесказанного, трудно переоценить роль некоммерческих организаций в политической системе современной России. Они способны взять на себя часть полномочий государства в области реализации социальной политики и, учитывая особенности и специфику их деятельности, могут выполнять эти функции весьма эффективно, глубоко понимая запросы целевых групп и удовлетворяя их.

Учитывая это, СО НКО нуждаются в существенной государственной поддержке. В России реализуются различные формы такой поддержки, в том числе финансовой (гранты, субсидии) на осуществление уставной деятельности, предоставления помещений в безвозмездное пользование, привлечения к сотрудничеству работников органов власти, информационной поддержки и т. д. Эффективным инструментом поддержки стала возможность вхождения в реестр исполнителей общественно полезных услуг.

Однако здесь существует ряд проблем, связанных с оценкой эффективности деятельности некоммерческих организаций и отсутствием регламентирующих документов у профильных ведомств, что приводит к осложнению взаимодействия. Помочь здесь может формирование пула экспертов для разработки регламентирующей документации, выдачи заключений о качестве исполняемых услуг, а также для углублённого анализа деятельности СО НКО и обеспечения эффективной коммуникации между СО НКО и органами государственной власти по вопросам выдачи заключений.

Органы власти, как и СО НКО, нуждаются в налаживании каналов двусторонней связи для обеспечения максимально эффективного функционирования и тех, и других на условиях равноправного партнёрства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Е. Государственное регулирование НКО: сила и слабость российского гражданского общества. Введение // *Laboratorium*. 2017. № 3. С. 5–10.
2. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad_OPRF_2019_19122019.pdf (дата обращения: 19.01.2020).
3. Ионин Л. Г. Теоретические вопросы гражданского общества. М., 2008. 218 с.
4. Ковалев В. В., Богданова О. В. Перспективы развития социально ориентированных некоммерческих организаций как субъектов гражданского общества // *Гуманитарий Юга России*. 2018. № 6. С. 121–126.
5. Медведева Н. В., Фролова Е. В. Тенденции развития некоммерческого сектора в РФ в условиях региональной дифференциации // *Материалы Афанасьевских чтений*. 2018. № 3 (24). С. 22–27.
6. Мерсиянова И. В., Беневоленский В. Б. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2016. № 4. С. 7–23.

7. Савченко И. Гражданское общество в дискурсивном измерении // Власть. 2017. № 5. С. 122–126.
8. Сафина З. Н. Институты гражданского общества: новые вызовы и векторы образования // Гуманитарные науки. 2018. № 3 (43). С. 11–16.
9. Селина А. С., Чеджемов Г. А. Социальный капитал в России и его влияние на социальные проблемы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. Т. 3. № 5. С. 74–77. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10974.
10. Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере: специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации / сост., общ. ред. Е. А. Тополева-Солдунова, Е. Г. Орлова, О. В. Коротеева, А. М. Спивак, Р. М. Ольховский, А. А. Вавилова, В. Б. Беневоленский. М.: Современные информационные системы, 2019. 96 с.
11. Чаплыгин А. А., Агеева Е. А. Модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества // Вестник экспертного совета. 2018. № 3 (14). С. 103–107.
12. Яницкий О. Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М., 2017. 315 с.
13. Civil society in modernising Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/CIVICUS%20Russia.pdf> (дата обращения: 19.01.2020).
14. Carothers T. The Concept of Civil Society Is a Recent Invention [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/pdf/CivilSociety.pdf> (дата обращения: 19.01.2020).

REFERENCES

1. Bogdanova E. [State regulation of NGOs: the strength and weakness of Russian civil society. Introduction]. In: *Laboratorium*, 2017, no. 3, pp. 5–10.
2. *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii za 2019 god* [Report on the state of civil society in the Russian Federation in 2019]. Available at: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad_OPRF_2019_19122019.pdf (accessed: 19.01.2020).
3. Ionin L. G. *Teoreticheskie voprosy grazhdanskogo obshchestva* [Theoretical issues of civil society]. Moscow, 2008. 218 p.
4. Kovalev V. V., Bogdanova O. V. [Prospects for the development of socially oriented non-profit organizations as subjects of civil society]. In: *Gumanitarii Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], 2018, no. 6, pp. 121–126.
5. Medvedeva N. V., Frolova E. V. [Trends in the development of the non-profit sector in the Russian Federation in the context of regional differentiation]. In: *Materialy Afanas'evskikh chtenii* [Materials of the Afanasyev Readings], 2018, no. 3 (24), pp. 22–27.
6. Mersiyanova I. V., Benevolensky V. B. [Benefits of NGOs as providers of social services: testing in Russian conditions]. In: *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Public administration issues], 2016, no. 4, pp. 7–23.
7. Savchenko I. [Civil society in a discursive dimension]. In: *Vlast'* [The Power], 2017, no. 5, pp. 122–126.

8. Safina Z. N. [Civil Society Institutions: New Challenges and Vectors of Education]. In: *Gumanitarnye nauki* [The Humanities], 2018, no. 3 (43), pp. 11–16.
9. Selina A. S., Chedzhemov G. A. [Social capital in Russia and its impact on social problems]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2019, vol. 3, no. 5, pp. 74–77. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10974.
10. Topoleva-Soldunova E. A., Orlova E. G., Koroteeva O. V., Spivak A. M., Ol'khovsky R. M., Vavilova A. A., Benevolensky V. B., comps., eds. *Uchastie NKO v okazanii uslug v sotsial'noi sfere: spetsial'nyi doklad Obshchestvennoi palaty Rossiiskoi Federatsii* [Participation of NGOs in the provision of services in the social sphere: Special report of the Civic Chamber of the Russian Federation]. Moscow, Contemporary information systems Publ., 2019. 96 p.
11. Chaplygin A. A., Ageeva E. A. [Models of interaction between the state and civil society institutions]. In: *Vestnik ekspertnogo soveta* [Expert Council Bulletin], 2018, no. 3 (14), pp. 103–107.
12. Yanitsky O. N. *Sotsial'nye dvizheniya: teoriya, praktika, perspektiva* [Social movements: theory, practice, perspective]. Moscow, 2017. 315 p.
13. Civil society in modernising Russia. Available at: <https://www.civisbook.ru/files/File/CIVICUS%20Russia.pdf> (accessed: 19.01.2020).
14. Carothers T. The Concept of Civil Society Is a Recent Invention. Available at: <https://carnegieendowment.org/pdf/CivilSociety.pdf> (accessed: 19.01.2020).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 19.02.2020

Статья размещена на сайте: 24.02.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пилипенко Александр Дмитриевич – аспирант кафедры российской политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: smsfruit23@gmail.com

Aleksandr D. Pilipenko – Postgraduate Student, Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: smsfruit23@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Пилипенко А. Д. К вопросу о месте и роли социально ориентированных НКО в политической системе современной России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Pilipenko A. D. On the place and role of socially oriented NGOs in the political system of modern Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 324

Федоров В. И.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Ежов Д. А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, ГСП-3, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация

ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Классификация видов электронного голосования, применяемых в России за период 1996–2020 гг. в контексте эволюции соответствующей формы политического участия.

Процедура и методы. Российский опыт электронного голосования обобщён с помощью ретроспективного анализа и сравнительного подхода. Для упорядочения и выделения этапов развития электронного голосования применялся метод классификации. Для выявления позиции, занимаемой организаторами выборов по вопросу применения электронного голосования, использовался экспертный опрос.

Результаты. По итогам исследования авторы на основании трёх критериев (голосование на избирательных участках или дистанционное электронное голосование, уровень выборов, юридическая обязательность результатов выборов) выделяют шесть этапов развития электронного голосования в России.

Теоретическая значимость. В статье предложен авторский подход к выделению этапов и видов электронного голосования в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

электронное голосование, дистанционное электронное голосование, выборы, явка избирателей, политическое участие, ЦИК России

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Электронное голосование на избирательных участках](#)

[Дистанционное электронное голосование](#)

[Заключение](#)

V. Fedorov

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

D. Ezhov

*Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky prospekt, Moscow 125993, Russian Federation*

EVOLUTION OF ELECTRONIC VOTING IN RUSSIA: PROBLEMS OF CLASSIFICATION AND PERIODIZATION

ABSTRACT

Aim. The study focuses on classifying the types of electronic voting used in Russia in 1996–2020 in the context of the evolution of the corresponding form of political participation.

Methodology. In the article, we generalize the experience of the electronic voting in Russia on the basis of the retrospective and comparative analysis. We use classification method in order to divide the electronic voting history into periods. In addition, we use expert survey for better understanding of campaign managers' opinions on the mentioned practice.

Results. In conclusion, the authors subdivide the process of the electronic voting development in Russia into six periods on basis of three criteria, namely, voting in the normal way or electronic voting online, the elections level and the obligatory force of the election returns.

Research implications. The article presents the author's approach to the identification of stages and types of electronic voting in Russia.

KEYWORDS

electronic voting, remote electronic voting, elections, voter turnout, political participation, CEC of Russia

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация политического процесса актуализирует проблему организации голосования и подсчёта голосов на выборах с помощью инновационных средств и способов, появление и дальнейшее совершенствование которых обусловлены естественной эволюцией электронного голосования. Исследование российского опыта в применении технологий электронного голосования в ракурсе их эволюции представляется значимым в свете необходимости проведения комплексного анализа преимуществ и недостатков указанного способа волеизъявления в контексте дифференциации его пространственных форм и исторических вариаций, обнаруживаемых в конкретных пространственно-временных условиях.

Несмотря на обращение к проблематике электронного голосования таких отечественных учёных, как Р. А. Алексеев, А. В. Абрамов [1], Я. В. Анто-

нов [2], И. Б. Борисов [3], А. А. Вешняков [4], А. А. Тедеев [8], следует признать, что более существенный научный задел в изучении объекта исследования имеется за рубежом. Это объясняется тем, что электронное голосование появилось там гораздо раньше, чем в России. Особенности электронного голосования изучены в работах Р. Альмейды, Л. Рикки, Л. Камаринхи-Матоса [12], Р. Альвареза, Т. Холла [13], Е. Арнольда [14], М. Солвака, К. Вассила [20], Р. Криммера [17; 18], К. Рибона [19], Ш. Энгугард [16].

В России применяются две разновидности электронного голосования: электронное голосование на избирательных участках и дистанционное электронное голосование. Электронное голосование на избирательных участках обеспечивается при помощи комплексов обработки избирательных бюллетеней (КОИБ), комплексов электронного голосования (КЭГ) и технических средств с электронными бюллетенями на цифровых избирательных участках (ЦИУ). Дистанционное электронное голосование проводится на «Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций)» и на региональных порталах «Госуслуг».

Дополнительно поясним, что считаем оправданным рассматривать КОИБ в качестве одной из форм электронного голосования, поскольку в зарубежных исследованиях под электронным голосованием принято понимать набор разнообразных способов волеизъявления избирателя, объединённых одним обязательным условием: подсчёт голосов производится при помощи специальных программно-технических устройств без вмешательства человека [13; 14, р. 55]. В новых рекомендациях Совета Европы о правилах электронного голосования на выборах термин «электронное голосование» имеет следующее значение: «электронное голосование – использование электронных средств для подачи и/или подсчёта голосов» [7, с. 147]. Кроме того, первые машины для электронного голосования сканировали бумажный бюллетень и считывали информацию о волеизъявлении избирателя. Такие устройства использовались на выборах в США в 1960-х гг. [6, с. 238].

Авторы исходят из гипотезы, сводящейся к предположению, что критерии, лежащие в основе классификации выборов с использованием электронного голосования, являются основанием для периодизации этапов развития электронного голосования. Выборы с использованием электронного голосования классифицируются по трём критериям: голосование на избирательных участках или дистанционное электронное голосование, уровень выборов и юридическая обязательность результатов выборов. Проектируемые этапы эволюции электронного голосования в России обобщены в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Электронное голосование в России / Electronic voting in Russia

Этапы развития электронного голосования в России	Временной период	География выборов
Экспериментальное электронное голосование на избирательных участках в субъектах федерации, не имеющее юридически обязательного значения	1996–2002 гг.	г. Москва, г. Санкт–Петербург, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Архангельская область, Вологодская область, Ленинградская область, Омская область, Саратовская область, Смоленская область, Челябинская область
Электронное голосование на избирательных участках в субъектах федерации с юридически обязательным значением	2003–2010 гг.	Республика Башкортостан, Краснодарский край, Новгородская область, Челябинская область
Электронное голосование на избирательных участках на федеральных выборах с юридически обязательным значением	2011 г. – н. в.	Выборы Президента РФ, Выборы депутатов Государственной Думы ФС РФ
Экспериментальное дистанционное электронное голосование в субъектах федерации, не имеющее юридически обязательного значения	2008 гг. – н. в.	Владимирская область, Волгоградская область, Вологодская область, Томская область, Тульская область, Ханты–Мансийский автономный округ; г. Москва, Нижегородская область
Дистанционное электронное голосование в субъектах федерации с юридически обязательным значением	2019 г.	г. Москва
Дистанционное электронное голосование на федеральных выборах с юридически обязательным значением	2020 г.	Курская область, Ярославская область

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ НА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ УЧАСТКАХ

Первое экспериментальное электронное голосование на избирательных участках в субъектах федерации, не имеющее юридически обязательного значения, состоялось в 1996 г. на выборах Президента России. На 15 избирательных участках в г. Москве было использовано 45 сканеров изби-

рательных бюллетеней (СИБ) — это были первые российские машины оптического сканирования бюллетеней [5, с. 19]. Данные об итогах голосования после машинного подсчёта были предварительными из-за отсутствия законодательной базы. В протокол об итогах голосования вносились сведения только после ручного подсчёта. Для подведения предварительных итогов голосования на СИБ требовалось 30 минут. Работу СИБ обеспечивал компьютер, установленный на избирательном участке.

По инициативе ЦИК России электронные машины для голосования применялись: на губернаторских выборах в Ленинградской области в 1996 г., в Омской области в 1997 г., в Челябинской области в 2000 г.; на выборах органов местного самоуправления Ленинградской области 1996–1999 гг. и депутатов законодательного собрания г. Санкт-Петербурга в 1998 г.; на выборах мэра г. Элисты и Элистинского Городского собрания в 1997 г. На выборах Президента России 26 марта 2000 г. сканеры избирательных бюллетеней использовались на 110 УИК в г. Москве, на 57 УИК в г. Вологде и 90 УИК в г. Череповце.

СИБ имел два основных недостатка: отсутствие защиты от одновременного принятия более одного бюллетеня и нестабильная работа оптической схемы распознавания информации о голосовании. Сканеры могли ошибаться, если избиратели ставили отметки за пределами квадрата для голосования. Проблему заполнения избирательного бюллетеня любым знаком о голосовании подробно рассмотрел член ЦИК России С. М. Шапиев. По его мнению, для борьбы с манипулированием голосами избирателей и упрощения работы КОИБов необходимо изменить законодательную формулировку порядка заполнения избирательного бюллетеня с «любого знака» на отметку в виде «галочки» и дополнительно в виде «плюса» и «крестика» [11, с. 98].

Необходимость более масштабного использования машин для голосования и недостатки имеющегося оборудования потребовали разработки новых моделей. Первый комплекс обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) был разработан в 2001 г. Протокол об итогах голосования, распечатанный СИБ, был предварительным и не имел юридической силы, поэтому требовался ручной пересчёт голосов. Модель КОИБ–2003 изначально разрабатывалась как часть ГАС «Выборы», протокол об итогах голосования с КОИБ стал официальным документом. В отличие от СИБ, в КОИБ был встроен компьютер, обеспечивающий работу устройства. Итоги голосования сохранялись на дискете и передавались в ГАС «Выборы».

С 2003 г. протоколы об итогах голосования, распечатываемые КОИБ, имеют юридическую силу. Ручной пересчёт избирательных бюллетеней не требовался, но мог применяться по решению участковой комиссии в случае сбоев в работе КОИБ. Впервые без ручного пересчёта бюллетеней КОИБ был использован 16 ноября 2003 г. на выборах органов местного самоуправления в г. Ейске Краснодарского края. Эта модель использовалась на выборах всех уровней в период 2004–2011 гг. [5, с. 48] более чем на 9,3 тыс. избиратель-

ных участков. Межведомственная комиссия по координации деятельности основных участников Программы развития ГАС «Выборы» на 2001–2004 гг. положительно оценила результаты испытаний устройств и рекомендовала приступить к их серийному выпуску.

Разработка КОИБ–2010 стала следующим шагом в развитии российских машин для голосования. Конструкцию машины нужно было упростить по сравнению с КОИБ–2003, уменьшить вес и повысить надёжность. КОИБ–2010 был впервые опробован в октябре 2010 г. на выборах депутатов Законодательного Собрания Челябинской области. Всего их было произведено 5770 шт.

Электронное голосование на избирательных участках на федеральных выборах с юридически обязательным значением масштабно стало применяться на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ шестого созыва 4 декабря 2011 г. КОИБы использовались в 76 субъектах на 4828 УИК (5,09% от количества УИК). На выборах Президента России 4 марта 2012 г. КОИБы применялись в 76 субъектах на 5239 УИК (5,51% от количества УИК) [5, с. 81].

Выборы Президента России 2018 г. были крупнейшими в части использования сканеров бумажных бюллетеней. На этих выборах было применено 13,6 тыс. КОИБов, из них новых моделей, разработанных в 2017 г., было 4750 шт. Новые машины были разработаны МГТУ имени Н. Э. Баумана. Стоимость единицы оборудования составляла около 199 тыс. руб. На президентских выборах КОИБы использовались на 10001 избирательном участке в 82 субъектах. Таким образом, электронным голосованием было охвачено 9% избирательных участков. Большинство КОИБов размещались в крупных субъектах, таких как Свердловская область, г. Москва, Московская область, г. Санкт–Петербург, Красноярский край, Новосибирская область, Ярославская, Саратовская, Омская и Самарская области. На предыдущих федеральных выборах именно здесь фиксировалось много избирательных споров. Поэтому ЦИК России постаралась повысить доверие к результатам выборов при помощи машин для сканирования бюллетеней.

В ходе экспертного интервью с председателем Избирательной комиссии Тамбовской области А. С. Офицеровым отмечено: «В городах гораздо легче централизовано обучить организаторов выборов работе со сложной техникой. В единый день голосования 13 сентября 2020 г. в Тамбовской области прошли выборы главы администрации Тамбовской области и депутатов органов местного самоуправления. КОИБы были использованы на 66 из 117 УИК, расположенных в г. Тамбове. В других муниципалитетах КОИБы не применялись»¹. Отметим, что в результате выборов депутатов Тамбовской городской Думы в 2020 г. победу одержала политическая партия «Родина», получив 26 мандатов из 36.

¹ Интервью с председателем Избирательной комиссии Тамбовской области А. С. Офицеровым, проведённое Федоровым В. И. специально для данного исследования. Публикуется впервые.

Таким образом, использование КОИБов современных моделей на выборах в России в 2010–2020 гг. было эффективным инструментом для обеспечения легитимности результатов выборов. Кроме того, этот инструмент использовался для создания позитивной «повестки дня», связанной с модернизацией избирательного процесса. Анализ опыта применения КОИБов на выборах в России выявил ряд недостатков и преимуществ.

К недостаткам относятся:

- непрозрачность работы оборудования для электронного голосования (это выражается в невозможности проверки корректности работы оборудования для голосования независимой лабораторией, экспертами, журналистами, политиками и избирателями);

- высокая стоимость машин для голосования и сложность в обслуживании. Машины, которые произведены более 10 лет назад и число которых составляет 60% и выше, на сегодняшний день устарели, сложны в обслуживании и, соответственно, не могут применяться в будущем.

Преимущества:

- более высокое доверие к результатам электронного голосования, нежели к обычным «бумажным» выборам;

- высокая скорость получения результатов выборов.

- отсутствие недействительных голосов избирателей.

Комплексы электронного голосования (КЭГ), оборудованные устройствами сенсорного голосования (УСГ), получили гораздо меньшие масштабы использования на выборах в России. Эти машины работают по «технологии прямой записи» голосования. КЭГ впервые был опробован на выборах депутатов Новгородской областной Думы четвёртого созыва 8 октября 2006 г. Впервые в России новгородские избиратели голосовали на машинах прямой записи результатов голосования. Тогда КЭГами были оборудованы пять избирательных участков в г. Великом Новгороде (0,9% от общего количества УИК). Наиболее масштабно КЭГи использовались на выборах Президента России в 2018 г., такими машинами было оснащено 806 избирательных участков в 14 субъектах.

В Постановлении ЦИК России² установлен порядок электронного голосования, подсчёта голосов избирателей и определения итогов голосования. Решение о проведении электронного голосования принимает ЦИК России или избирательная комиссия субъекта федерации.

Голосование на КЭГ имеет ряд преимуществ и недостатков. Несомненными преимуществами являются: подробный порядок действий членов избирательной комиссии, не оставляющий возможности для двоякого ис-

² Постановление ЦИК России от 27.08.2014 № 248/1529-6 «О внесении изменения в Порядок электронного голосования с использованием комплексов для электронного голосования на выборах, проводимых в Российской Федерации, утвержденный постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 7 сентября 2011 года № 31/276-6» // Вестник Центризбиркома РФ. 2014. № 8.

толкования закона; высокая точность и скорость получения итогов голосования; автоматизация подсчёта голосов избирателей и накопленный опыт использования КЭГ.

Недостатки голосования на КЭГ в основном связаны с проблемой проверки итогов голосования и идентификации избирателя [10, с. 77]. В устройстве КЭГ проверка подсчёта голосов избирателей осуществляется при помощи контрольной ленты итогов голосования, которая распечатывается на бумажном носителе. Контрольную ленту могут осмотреть члены УИК или вышестоящей избирательной комиссии и наблюдатели. Избиратель может осмотреть только свою часть контрольной ленты сразу после голосования на УСГ, на ней отображаются вид выборов и результат голосования (кандидат или политическая партия). После окончания голосования на УИК избиратель не сможет проверить, как был учтён его голос, а это создаёт недоверие. Необходимо, чтобы на контрольной ленте отображались не только сведения о виде выборов, результате голосования, но и точное время записи результата голосования. В этом случае избиратель сможет соотнести время своего посещения участка и записи с результатом голосования. Наблюдатели смогут более точно вести учёт проголосовавших по временным отрезкам и сравнивать распределение голосов для выявления возможных аномалий. КЭГи в основном используются на выборах в административных центрах субъектов федерации.

В 2019 г. в России появились цифровые избирательные участки. Эта новация была опробована в Москве в единый день голосования. Избиратели могли проголосовать на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы по одномандатным избирательным округам и на выборах глав регионов. Суть новации заключается в удобстве места для голосования: избиратель, который в день выборов находится за пределами региона своего постоянного проживания, может проголосовать на выборах в том регионе, где он будет находиться. Для этого необходимо подать заявление о включении в список избирателей на цифровом избирательном участке. Заявление можно подать дистанционно в личном кабинете на портале «Госуслуги» или обратившись лично в МФЦ, в ТИК или УИК. Процесс подачи заявления на портале «Госуслуги» занимает около 10 минут. Однако поиск необходимого раздела на сайте может вызвать трудности из-за проблем с навигацией. Для предотвращения двойного голосования мобильный избиратель будет исключён из списка избирателей по месту своего жительства и включён в список избирателей того цифрового избирательного участка, где он захочет проголосовать. В результате применения цифровых избирательных участков в конвенциональное политическое участие будут вовлечены избиратели, которые ранее не могли проголосовать на региональных выборах.

Таким образом, электронное голосование на избирательных участках в России имеет широкую географию применения. Избиратели и кандидаты, организаторы выборов и представители СМИ знакомы с работой электрон-

ных машин для голосования. Однако у всех участников выборов остаются вопросы к верификации итогов голосования и надёжности работы машин для голосования.

ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

Известный политолог Д. Истон разработал теорию политической системы, функционирование которой представляет собой обмен информацией с внешней средой [15, р. 12]. Запросы общества обрабатываются политической системой, и реакцией на внешние вызовы становятся законы и указы. Если они соответствуют ожиданиям общества, её легитимность повышается, если интересы общества игнорируются, политическая система деградирует. В условиях стремительного развития информационных технологий в политической системе растёт интенсивность информационного обмена между властью и обществом. Дистанционное электронное голосование на выборах является новой формой политического участия, влияние которой на политическую систему будет увеличиваться.

Впервые экспериментальное дистанционное электронное голосование (опрос) в субъектах федерации, не имеющее юридически обязательного значения, провели 12 октября 2008 г. на выборах Собрания депутатов г. Новомосковска Тульской области. Участникам электронного опроса предлагалось «проголосовать» за кандидатов на выборах, которые проводились в этот же день. Для участия в эксперименте избиратели получали в помещении УИК компакт-диск со специальным программным обеспечением. Всего избиратели использовали 2978 таких дисков. После установки программы на компьютер избиратели могли принять участие в интернет-опросе. Электоральные предпочтения участников опроса совпали с результатами выборов. Подобные эксперименты затем прошли в 2009 г. в г. Нижневартовске Ханты-Мансийского автономного округа, в ЗАТО г. Радужный Владимирской области, в Урюпинском районе Волгоградской области, в г. Вологде и Каргасокском районе Томской области³.

В результате удалось выявить три группы проблем. Технические: слабую защищённость системы голосования от хакерских атак, уязвимость к вирусному ПО. Психологические: недоверие избирателей к электронному голосованию, затруднения с голосованием у пожилых избирателей. Правовые проблемы: соблюдение тайны голосования; отсутствие избирательного законодательства, регулирующего дистанционное электронное голосование. На преодоление этих трудностей потребовалось почти 10 лет.

Среди большого числа экспериментов с электронным голосованием в России выделяется опыт Тамбовской области, где электронные технологии

³ Экспериментальный электронный опрос избирателей с использованием сети Интернет в единые дни голосования 12 октября 2008 года и 1 марта 2009 года. М.: РЦОИТ при ЦИК России, 2009. С. 35.

были использованы не для голосования, а для сбора подписей в поддержку выдвижения независимых кандидатов. В 2010 г. по инициативе председателя избирательной комиссии Тамбовской области А. С. Пучнина был проведён пилотный проект по внедрению технологий мобильной связи в избирательный процесс. В рамках эксперимента изучалась возможность сбора подписей в пользу выдвижения независимых кандидатов в форме СМС-голосования. Мобильный телефон заменил подписной лист. Эксперимент был проведён на выборах главы города Мичуринска и депутатов Тамбовской городской Думы пятого созыва.

Для участия в эксперименте избирателю нужно было отправить регистрационное СМС на специальный номер, после чего отправителю приходили сведения о кандидатах-самовыдвиженцах. Анализ результатов СМС-выдвижения кандидатов и реального сбора подписей показал, что те кандидаты, которых избиратели поддерживали с помощью СМС, предоставили избирательной комиссии достоверные и действительные подписи, а те, кого избиратели не поддерживали, предоставили недействительные подписи. Спустя 10 лет в мае 2020 г. федеральный законодатель предусмотрел возможность электронного сбора подписей в поддержку выдвижения кандидатов на выборах.

Новым шагом в развитии электронного голосования в России стало дистанционное электронное голосование на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва 8 сентября 2019 г. Итоги электронного голосования носили юридически обязательный характер. Избирательное законодательство для проведения эксперимента было принято в мае 2019 г. Организаторы выборов для электронного голосования образовали три «виртуальных» УИК в районах Крюково, Бибирево и Чертаново Южное. В списках электронных избирателей зарегистрировались 11228 человек, их средний возраст – 37,5 лет, явка среди них составила 87,37%.

Несмотря на уличные протесты летом 2019 г., выборы депутатов Мосгордумы седьмого созыва проходили в условиях низкой электоральной активности, явка составила 21,77% (явка на выборах в 2014 г. – 21,04%). Электронные избиратели обеспечили небольшой прирост явки избирателей. Доля электронных избирателей на выборах в 2019 г. составила 0,60%. При помощи дистанционного электронного голосования своё избирательное право реализовали 9810 избирателей.

Дистанционное электронное голосование проходило на официальном портале Мэра и Правительства Москвы. Заявление на участие в электронном голосовании можно было подать в течение 45 суток до дня голосования. Для аутентификации использовалось две ступени защиты. Избиратель вводил свои логин и пароль на портале и входил в свой личный кабинет. Если избиратель хотел проголосовать дистанционно, доступ к электронному бюллетеню открывался после ввода кода, отправленного на телефонный номер, который был зарегистрирован избирателем на портале Мэра и Правительства Москвы.

Сравнивая московский опыт электронного голосования с зарубежным, можно выделить общие и различные характеристики. В Австрии, ФРГ, Швейцарии и Эстонии эксперименты с дистанционным электронным голосованием сначала проводились в студенческих союзах и органах местного самоуправления. В Москве эксперимент сразу провели на выборах в законодательный орган власти города федерального значения. В Эстонии потребовалось 4 года для проведения первого дистанционного электронного голосования, а в Москве на подготовку ушло 6 месяцев. За такое небольшое время избирателям и кандидатам на выборные должности было сложно адаптироваться к новым условиям [9, с. 42].

Важнейшими принципами дистанционного электронного голосования являются: голосование в любом месте и в любое время. Электронное голосование – это один из методов удобного голосования, дающий возможность проголосовать гражданам, находящимся за рубежом, лицам с ограниченными возможностями и широкому кругу избирателей. Московский эксперимент с электронным голосованием в 2019 г. не увеличивал сроков голосования. Все московские избиратели голосовали только в день выборов. В 2020 г. на общероссийском голосовании по поправкам в Конституцию дистанционное электронное голосование было доступно в течение пяти суток. Благодаря этому увеличилась доля электронных избирателей, которые смогли проголосовать в удобные сроки. На выборах теперь есть возможность досрочного голосования при дистанционном электронном голосовании, но в день выборов электронные избиратели не смогут проголосовать на избирательном участке.

Член ЦИК России С. М. Шапиев 30 января 2020 г. в экспертном интервью особое внимание уделил ожиданиям от внедрения электронного голосования: «ЦИК России ждёт, что использование электронного голосования обеспечит доверие к результатам выборов. Нужно идти в ногу со временем и предоставить избирателю возможность голосовать, где бы он ни был. Это обеспечит легитимность выборов. Основные преимущества электронного голосования: мобильность, объективность и скорость. В ближайшие годы на выборах в России будет сохраняться голосование с использованием бумажных бюллетеней и электронных технологий голосования. На избирательных участках будут использоваться и КОИБы, и КЭГи. Примерно 10–15% УИК по стране уже обеспечены такой техникой», – подчеркнул эксперт.

С 2020 г. Россия активно развивает «удобное голосование», которое предполагает гибкие сроки, существование нескольких каналов голосования: на избирательном участке, на интернет-портале, по почте – и право проголосовать досрочно.

Как отмечают М. Солвак и К. Вассил, дистанционное электронное голосование предотвращает снижение явки избирателей. Привычка голосовать в интернете у избирателей формируется гораздо быстрее, чем привычка голосовать на избирательном участке. Исследователи считают, что, чем выше

будет доля электронных избирателей, тем более устойчивой будет явка на выборах [20, р. 21]. Российские политологи Р. А. Алексеев и А. В. Абрамов подчёркивают необходимость сохранения многоканальности голосования: «Интернет-голосование не может и не должно полностью вытеснить традиционное волеизъявление, осуществляемое с помощью бумажных бюллетеней, но должно использоваться параллельно с ним в качестве альтернативы теми избирателями, которые в силу занятости, ограничений в передвижении в связи с состоянием здоровья, нахождения за границей либо просто нежелания посещать избирательные участки предпочитают проголосовать из дома, с работы, с дачного участка и т. п.» [1, с. 19].

Важным этапом развития дистанционного электронного голосования стало общероссийское голосование по поправкам в Конституцию. В период 25–30 июня в нём приняли участие 1,1 млн избирателей г. Москвы и Нижегородской области. По сравнению с 2019 г. в Москве количество электронных избирателей выросло с 10 тыс. до 1 млн.

Дистанционное электронное голосование на федеральных выборах с юридически обязательным значением впервые состоялось 13 сентября 2020 г. на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы по одномандатным избирательным округам в Курской и Ярославской областях. Избиратели проголосовали дистанционно в период с 8.00 11 сентября и до 20.00 13 сентября, т. е. в течение трёх дней, включая основной день голосования. При этом традиционное бумажное голосование на избирательных участках осталось доминирующим способом реализации активного избирательного права (93% избирателей проголосовали на УИК). Явка при дистанционном электронном голосовании на дополнительных выборах депутата Государственной Думы по Сеймскому одномандатному избирательному округу № 110 в Курской области составила 90,59%, на дополнительных выборах депутата Государственной Думы по Ярославскому одномандатному избирательному округу № 194 Ярославской области – 91,54%. Дистанционно проголосовали около 30 тыс. избирателей (7% от общего количества избирателей).

Для предотвращения двойного голосования в электронном виде и на избирательном участке зарегистрированные электронные избиратели исключаются из списков избирателей на УИК по месту прописки. Ранее на голосовании по вопросу принятия поправок в Конституцию стало известно о ряде случаев двойного голосования. Наибольший резонанс имели действия журналиста телеканала «Дождь» Павла Лобкова, который проголосовал два раза. У широкой аудитории было сформировано мнение о возможности фальсификации итогов голосования. Для защиты равенства избирательных прав граждан ЦИК России исключил возможность проголосовать на УИК у тех избирателей, которые ранее подали заявление на участие в дистанционном электронном голосовании. Как отмечается в постановлении ЦИК №

261/1924-7 от 27 июля 2020 г. «Избиратель, исключённый из списка избирателей по месту жительства в связи с подачей заявления ДЭГ, вправе принять участие исключительно в дистанционном электронном голосовании и не вправе получить избирательный бюллетень на избирательном участке». Заявление для участия ДЭГ подаётся избирателем в электронном виде с использованием портала «Госуслуги» не ранее чем за 45 дней до дня голосования. Избиратель вправе отозвать заявление ДЭГ не позднее 24.00 по московскому времени за четыре дня до дня голосования.

Список участников ДЭГ составляется в электронном виде не позднее 18.00 за два дня до дня голосования. После составления списка участников ДЭГ дополнительное включение избирателей в список участников ДЭГ не осуществляется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги краткого обзора опыта проведения электронного голосования в России, необходимо отметить, что за период 1996–2020 гг. электронное голосование прошло большой путь развития: от ограниченного эксперимента на 15 избирательных участках во время президентских выборов в 1996 г. – до масштабного использования сканеров избирательных бюллетеней на президентских выборах в 2018 г. (задействовано около 9% избирательных участков), а также до дистанционного электронного голосования по поправкам в Конституцию в 2020 г., в котором приняли участие более 1 млн избирателей.

В развитии электронного голосования в России выделено шесть этапов: экспериментальное электронное голосование на избирательных участках в субъектах федерации, не имеющее юридически обязательного значения; электронное голосование на избирательных участках в субъектах федерации с юридически обязательным значением; электронное голосование на избирательных участках на федеральных выборах с юридически обязательным значением; экспериментальное дистанционное электронное голосование в субъектах федерации, не имеющее юридически обязательного значения; дистанционное электронное голосование в субъектах федерации с юридически обязательным значением; дистанционное электронное голосование на федеральных выборах с юридически обязательным значением.

Для обеспечения конвенционального политического участия и привлечения к выборам широких групп избирателей в России необходимо использовать смешанную форму голосования, сочетающую традиционное «бумажное голосование» и электронное голосование. Дистанционное электронное голосование, являясь новой эффективной формой коммуникации власти и общества, должно проводиться досрочно, расширяя круг потенциальных избирателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Р. А., Абрамов А. В. Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1. С. 9–21.
2. Антонов Я. В. Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 101–113.
3. Борисов И. Б. На пути к электронной демократии. Цифровые технологии в системе демократического воспроизводства властных институтов // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 3. С. 3–10.
4. Вешняков А. А. Международно-правовой и зарубежный опыт применения электронных средств голосования при проведении выборов // Международное публичное и частное право. 2006. № 5. С. 18–24.
5. КОИБ: история создания и применения / общ. ред., сост. В. Е. Чурова, В. А. Крюкова. М.: ЦИК России, 2014. 169 с.
6. Пескова О. Ю., Половко И. Ю., Фатеева С. В. Обзор подходов к организации электронного голосования // Известия ЮФУ. Технические науки. 2014. № 2. С. 237–247.
7. Прусакова Н. В. Рекомендация комитета министров совета Европы государствам-членам №_cm/rec(2017)5_[124] «О правилах электронного голосования»_[125] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 11. С. 144–149.
8. Тедеев А. А. Перспективы реализации избирательных прав граждан в информационной среде в условиях глобализации // Информационное право. 2009. № 2. С. 31–35.
9. Федоров В. И. Дистанционное электронное голосование и явка избирателей: опыт Эстонии и Москвы // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 4. С. 37–42.
10. Федоров В. И. Электронное голосование в России: шаг вперед, два шага назад // PRO NUNC. Современные политические процессы. 2017. № 2. С. 71–83.
11. Шапиев С. М. Любой знак в избирательном бюллетене: российский опыт и мировая практика (или о том, как в некоторых случаях свобода волеизъявления избирателей может оказаться подконтрольной нерадивым кандидатам и их политтехнологам) // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2–3. С. 78–98.
12. Almeida R. L., Ricci L., Camarinha-Matos L. M. VoteChain: Community Based Scalable Internet Voting Framework // Technological Innovation for Industry and Service Systems: Proceedings. Vol. 553. Cham: Springer, 2019. P. 70–80. DOI: 10.1007/978-3-030-17771-3_6.
13. Alvarez R., Hall T. Electronic Elections: The Perils and Promises of Digital Democracy. Princeton: Princeton University Press, 2008. 256 p.
14. Arnold E. G. History of Voting Systems in California. Sacramento: Bill Jones, 1999. 91 p.
15. Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. New York: Alfred A. Knopf, 1953. 356 p.

16. Enguehard C. Blockchain and Electronic Voting [Электронный ресурс] // Technologie de l'information, culture & société. 2019. № 124. URL: <https://doi.org/10.4000/terminal.4190> (дата обращения: 17.09.2020).
17. Krimmer R. Constitutional Constraints for the Use of ICT in Elections // Expert Electoral Review. 2016. Special Issue. P. 28–35.
18. Krimmer R. Internet Voting in Austria: History, Development, and Building Blocks for the Future: thesis to obtain the degree of Doctor of Social and Economic Sciences. Vienna, 2017. 210 p.
19. Ribon C. Design of an Electronic Voting System Using a Blockchain Network // Applied Computer Sciences in Engineering: 6th Workshop on Engineering Applications, Santa Marta, Colombia, October 16th–18th, 2019 / eds. J. C. Figueroa-García et al. Santa Marta, Colombia, 2019. P. 511–522, DOI: 10.1007/978-3-030-31019-6_43.
20. Solvak M., Vassil K. Could Internet Voting Halt Declining Electoral Turnout? New Evidence That E-Voting Is Habit Forming // Policy & Internet. 2018. № 1. P. 4–21. DOI: <https://doi.org/10.1002/poi3.160>.

REFERENCES

1. Alekseev R. A., Abramov A. V. [Problems and prospects of using electronic voting and blockchain technology in elections in Russia and abroad]. In: *Grazhdanin. Vybory. Vlast'* [Citizen. Elections. Authority], 2020, no. 1, pp. 9–21.
2. Antonov J. V. [E-democracy and e-voting: the constitutional and legal dimension]. In: *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2016, no. 5, pp. 101–113.
3. Borisov I. B. [Towards electronic democracy. digital technology in the system of democratic reproduction of government institutions]. In: *Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika* [Electoral legislation and practice], 2019, no. 3, pp. 3–10.
4. Veshnyakov A. A. [International legal and foreign experience of using electronic voting tools during elections]. In: *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* [International public and private law], 2006, no. 5, pp. 18–24.
5. Churov V. E., Kryukov V. A., eds., comps. *KOIB: istoriya sozdaniya i primeneniya* [The complex of processing ballot papers (KOIB): history of creation and application]. Moscow, CEC of Russian Federation Publ., 2014. 169 p.
6. Peskova O. Yu., Polovko I. Yu., Fateeva S. V. [Review of approaches to the organization of electronic voting]. In: *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki* [Izvestiya SFedU. Engineering Sciences], 2014, no. 2, pp. 237–247.
7. Prusakova N. V. [Recommendation cm/rec(2017)5_[124] of the Committee of Ministers to member States on standards for e-voting_[125]]. In: *Byulleten' Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka* [Bulletin of the European Court of human rights], 2017, no. 11, pp. 144–149.
8. Tedeev A. A. [Prospects for the implementation of citizens electoral rights in the information environment in the context of globalization]. In: *Informatsionnoe pravo* [Information law], 2009, no. 2, pp. 31–35.
9. Fedorov V. I. [Remote electronic voting and voter turnout: experience of Estonia and Moscow]. In: *Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika* [Electoral legislation and practice], 2019, no. 4, pp. 37–42.

10. Fedorov V. I. [Electronic voting in Russia: one step forward, two steps back]. In: *PRO NUNC. Sovremennye politicheskie protsessy* [PRO NUNC. Modern political process], 2017, no 2, pp. 71–83.
11. Shapiev S. M. [Any sign in the ballot: Russian experience and world practice (or how in some cases the freedom of expression of the will of voters can be controlled by negligent candidates and their political strategists)]. In: *Grazhdanin. Vybory. Vlast'* [Citizen. Elections. Authority], 2019, no. 2–3, pp. 78–98.
12. Almeida R. L., Ricci L., Camarinha-Matos L. M. VoteChain: Community Based Scalable Internet Voting Framework. In: *Technological Innovation for Industry and Service Systems: Proceedings*. Vol. 553. Cham, Springer, 2019, pp. 70–80. DOI: 10.1007/978-3-030-17771-3_6.
13. Alvarez R., Hall T. *Electronic Elections: The Perils and Promises of Digital Democracy*. Princeton, Princeton University Press, 2008. 256 p.
14. Arnold E. G. *History of Voting Systems in California*. Sacramento, Bill Jones, 1999. 91 p.
15. Easton D. *The Political System: An Inquiry into the State of Political Science*. New York, Alfred A. Knopf, 1953. 356 p.
16. Enguehard C. Blockchain and Electronic Voting. In: *Technologie de l'information, culture & société*, 2019, no. 124. Available at: <https://doi.org/10.4000/terminal.4190> (accessed: 17.09.2020).
17. Krimmer R. Constitutional Constraints for the Use of ICT in Elections. In: *Expert Electoral Review*, 2016, special issue, pp. 28–35.
18. Krimmer R. *Internet Voting in Austria: History, Development, and Building Blocks for the Future: thesis to obtain the degree of Doctor of Social and Economic Sciences*. Vienna, 2017. 210 p.
19. Ribon C. Design of an Electronic Voting System Using a Blockchain Network. In: Figueroa-García J. C. et al., eds. *Applied Computer Sciences in Engineering: 6th Workshop on Engineering Applications, Santa Marta, Colombia, October 16th–18th, 2019*. Santa Marta, Colombia, 2019, pp. 511–522. DOI: 10.1007/978-3-030-31019-6_43.
20. Solvak M., Vassil K. Could Internet Voting Halt Declining Electoral Turnout? New Evidence That E-Voting Is Habit Forming. In: *Policy & Internet*, 2018, no. 1, pp. 4–21. DOI: <https://doi.org/10.1002/poi3.160>.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 18.09.2020

Статья размещена на сайте: 10.03.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Федоров Владислав Иванович – аспирант кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: fedorov@polit.msu.ru

Ежов Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; e-mail: president@lenta.ru

Vladislav I. Fedorov – Postgraduate Student, Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: fedorov@polit.msu.ru

Dmitriy A. Ezhov – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of Political Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of Russian Federation, e-mail: president@lenta.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Федоров В. И., Ежов Д. А. Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Fedorov V. I., Ezhov D. A. Evolution of electronic voting in Russia: problems of classification and periodization. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 378

Скрипкина Т. П.,*Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация***Ванданова Э. Л.***Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
125319, г. Москва, ул. Черняховского, д. 9, стр. 1, Российская Федерация***Бакишханова С. С.***Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а, Российская Федерация*

МОДЕЛИ РЕШЕНИЯ СЛОЖНЫХ СИТУАЦИЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Описание моделей разрешения сложных ситуаций в педагогическом взаимодействии.

Процедура и методы. В статье рассматриваются вопросы, входящие в круг явлений, обозначаемых как «потенциал личностного развития» и «ситуация». Основным методом исследования являются рефлексия сложных педагогических ситуаций и разработка моделей их решения. Рассмотрены вопросы, связанные с наличием сложных, проблемных, конфликтных ситуаций в педагогической деятельности, обсуждается опыт их разрешения с позиции участника и организатора образовательного процесса.

Результаты. Отмечается, что в условиях нарастания социальных рисков в образовательной среде, связанных с изменением социальной ситуации развития для её участников, необходим поиск ресурсов для поддержания благополучия. Одним из таких ресурсов могут стать способы развития ситуативной рефлексии. Понятие «ситуации» применительно к образовательной сфере анализируется с позиций подходов Л. С. Выготского к развитию личности. В определении феномена рефлексии у авторов статьи наряду с существующими подходами значительный интерес вызывают разработки изучения психологических механизмов рефлексивных возможностей личности В. Е. Ключко. В статье показано, что для полноценного развития рефлексии необходима интеграция личностного, когнитивного, мотивационного и деятельностного подходов. Для изучения разрешения сложных ситуаций представлены модели с учётом их ключевой идеи (личностный, когнитивный и деятельностный подходы). Отдельное внимание уделено описанию когнитивных и поведенческих моделей разрешения сложных ситуаций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Все рассматриваемые в статье модели разрешения сложных ситуаций представлены в психологии управления и могут быть использованы в образовательной сфере при подготовке управленческих кадров. Возможно также применение данных моделей в работе с педагогами при условии доработки с учётом специфики образовательной деятельности. В настоящей работе признаётся, что подходящей таким требованиям является модель повышения социальной компетентности педагога.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

рефлексия, сложные ситуации в образовательной среде, социальные риски, модели разрешения сложных ситуаций, совместная деятельность, развитие, повышение квалификации управленческих и педагогических кадров

СТРУКТУРА

Введение

Постановка проблемы

Методология и методы исследования

Результаты исследования и обсуждение

Модели разрешения сложных ситуаций

Методы решения сложных ситуаций

Выводы

T. Skripkina

*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya pl., GSP-3, Moscow 125993, Russian Federation*

E. Vandanova

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
9, str. 1 ul. Chernyakhovskogo, Moscow 125319, Russian Federation*

S. Bakshikhanova

*Banzarov Buryat State University
24a Smolin ul., Ulan-Ude 670000, Russian Federation*

MODELS OF SOLVING COMPLEX SITUATIONS IN PEDAGOGICAL ACTIVITIES

ABSTRACT

Aim. Description of the models of resolving complex situations in pedagogical interaction.

Methodology. The article deals with issues included in the phenomena denoted as: the potential of personal development and the situation; complex, conflict situations in educational activity and their resolution. The main method of the study is the reflection on complex educational situations and the development of models for resolving them.

Results. Since social risks in the educational environment are increasing, it is necessary to look for resources to maintain well-being. Developing situational reflection can be an appropriate answer to this. The concept of "situation" as applied to the educational sphere is analyzed on the basis of L. S. Vygotsky view on the development of personality. The phenomenon of reflection is studied with reference to V. E. Klochko works on psychological mechanisms of the reflective capabilities of the personality. The models for resolving difficult situations are presented taking into account their key ideas. Special attention is paid to the description of cognitive and behavioral models for solving difficult situations.

Research implications. It is proposed to use models for resolving difficult situations, further elaborated for the specifics of teaching activities, in the educational sphere when training managerial personnel and in working with teachers. In the present work, it is recognized that a model for raising the teacher's social competence is appropriate for these requirements.

KEYWORDS

reflection, difficult situations in the educational environment, social risks, models for resolving difficult situations, joint activities, development, skills development of management and pedagogical specialists

ВВЕДЕНИЕ

Современная ситуация в образовательной сфере отражает все вызовы и риски развития современного общества. Это выражается в опережении технологическими изменениями социально-экономических процессов, такими

как появление современных интернет-технологий – наряду с отсутствием интернета в некоторых школах, отсутствием возможности иметь в числе штатных сотрудников высококвалифицированных специалистов, отставанием педагогов по уровню владения навыками работы в цифровой среде от своих учеников. Отставание структуры подготовки кадров от развития профессиональных стандартов проявляется в том, что в повышении доступности образования для лиц с ограниченными возможностями существует проблема неподготовленности педагогов к организации инклюзивной деятельности. Эти новые тенденции и давно существующие сложности образовательного взаимодействия всех субъектов образовательной деятельности (детей, учителей, родителей) в каждом конкретном случае трактуются как сложные ситуации, что, как показывает анализ, приводит к появлению конфликтных ситуаций. Поэтому с нарастающими сложностями коммуникации в связи с добавлением цифрового контента, увеличением количества и скорости информации меняются требования к профессиональной компетентности педагогов, в том числе навыкам рефлексии в общении. Так, цифровизация коснулась не только содержания образования, но ещё и социального взаимодействия на уровне личных и групповых контактов (наличие мобильных социальных сетей). Одним из важных условий педагогической и управленческой деятельности в образовательной среде становится овладение педагогом и руководителем рефлексией собственной деятельности в целом [9] в сложных ситуациях.

Рефлексия как научный феномен интересен и философам прошлого (Аристотель, Платон, Локк, Лейбниц, Кант, Гегель), и учёным ближних к нам эпох (М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкий, И. С. Ладенко, В. А. Лекторский, В. С. Швырев, А. П. Огурцов). Современные научные положения о рефлексии представлены различными теоретическими подходами [5; 10; 13]: изучаются культурные, психолингвистические, социально-педагогические и педагогические аспекты. В психологии проблема рефлексии тесно сопряжена с вопросами личностных смыслов деятельности (А. Н. Леонтьев, Е. Ю. Артемьева, А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, В. П. Зинченко, В. Е. Ключко, О. М. Красноярцева, Д. А. Леонтьев, В. А. Петровский, В. В. Петухов, В. И. Слободчиков, Е. Н. Исаев, С. Д. Смирнов и др.).

В управленческих науках наиболее востребованными в области технологий развития рефлексии являются разработки, основанные на интегрированном междисциплинарном подходе. В них поднимаются вопросы рефлексии в контексте ситуативного управления. Современная ситуация в образовании, связанная с необходимостью поиска инновационных подходов к решению задач, актуализирует необходимость в разработке практического инструментария для развития рефлексии в профессиональной деятельности педагогических работников, диктует действовать в поиске новых подходов, созвучных современным задачам российской школы.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Социальные риски образовательной среды и необходимость постоянно разрешать конфликтные ситуации – явления, сопровождающие образовательный и воспитательный процессы на всём его протяжении. Назовём те из них, которые часто вызывают общественный резонанс. Так, современные школы в ряде случаев должны решать вопросы внедрения инклюзивного образования, что вызывает неприятие некоторыми участниками образовательной среды этой формы организации учебного процесса и выражается в нежелании родителей и учителей вводить в образовательную сферу детей с особенностями здоровья и развития. Ещё один вызов для современной школы – проблемы буллинга, травли, отвержения детей и даже учителей.

Эти проблемы создают условия для роста числа конфликтных ситуаций в образовательной среде. Опытный педагог Т. Н. описала нам два случая из своей практики, оба касались сферы взаимоотношений между учащимися, когда в классе возникает ситуация, связанная с тем, что один из детей оказывается в положении «изгоя». В первом случае педагог положительно разрешил ситуацию, поступив следующим образом: все учащиеся были оставлены после уроков, и учитель очень строго попросил наладить отношения с мальчиком, которого все обижали, этого оказалось достаточно. Во втором подобном случае, который проходил уже в другом учебном заведении, учитель имел очень доверительную беседу с лидером класса, попросив его взять «шефство» над таким учеником. Ситуация и в данном случае была разрешена эффективно. Отношения между ребёнком и классом, как и в предыдущем случае, очень быстро наладились. По словам самого педагога, ключ к разрешению этих ситуаций пришёл интуитивно, но вопрос «Почему сходные ситуации были разрешены по-разному, но эффективно?» так и остался для педагога невыясненным.

Анализ ситуации с позиции оценивания рефлексии педагога показывает, что необходимо учитывать личностный, когнитивный, мотивационный и деятельностный аспекты:

1) рефлексия в области самосознания – форму рефлексии, овладение которой сказывается на сенситивной способности человека, сенситивность как способность воспринимать окружающий и внутренний мир;

2) личностную рефлексия, отражающуюся в самооценке человека. Необходима постоянная коррекция мнения о себе, работа по созданию адекватной самооценки через самовнушение и саморегуляцию;

3) рефлексия образа действия, которая ответственна за правильное применение принципов действия.

Аналогичные виды рефлексии выделяют и авторы многочисленных зарубежных исследований [15–21].

Названные три вида рефлексии в сочетании с тремя её формами во временном континууме (ретроспективная, ситуативная и перспективная) могут иметь различные эффекты. Для ретроспективной рефлексии более важно её

сочетание с личностной рефлексией. Для перспективной рефлексии важнее преобладание рефлексии в области самосознания. Для решения сложных ситуаций значение ситуативной рефлексии наиболее актуально. Ситуативная рефлексия в сложных ситуациях педагогической и управленческой деятельности в образовании далее будет нами рассматриваться как рефлексия образа действия на основе когнитивных и поведенческих моделей.

Приведённый выше пример решения сложных ситуаций служит яркой иллюстрацией того, что педагоги во многих ситуациях поступают сообразно своему личному опыту и интуиции (надо отметить, что в психологии рефлексии существуют исследования интуиции через мета-когниции, в контексте рефлексии и самосознания [14]), не имея представлений о том, что существуют модели разрешения сложных ситуаций, складывается ситуация «шахматист без шахматной доски». Поэтому решение сложных ситуаций в образовательной среде требует ознакомления педагогов с современными моделями и методами, что может соответствовать развитию ситуативной рефлексии.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве методологических оснований изучения ситуативной рефлексии сложных ситуаций на междисциплинарной основе выступают идеи системного историко-эволюционного подхода в психологии личности (А. Г. Асмолов), культурно-исторической психологии (Л. С. Выготский, В. Е. Ключко), теории психологических систем (О. К. Тихомиров, В. Е. Ключко, О. М. Краснорядцева и др.) [2; 4, 7; 8].

Выделение моделей и методов разрешения сложных ситуаций в образовательной среде требует в первую очередь определения понятия «сложные ситуации». Понятие «ситуации», используемое применительно к описанию образовательной среды, имеет непосредственное отношение к такому понятию, как «развитие». В деятельностной парадигме сочетание понятий «ситуация» и «развитие» традиционно представляется термином «социальная ситуация развития», понимаемым как специфическая система отношений среды и субъекта, отражённая в его переживаниях и реализуемая в совместной деятельности с другими людьми [3]. Следовательно, понятие «сложные ситуации в образовательной сфере» также характеризует:

- отношения субъекта к среде;
- совместную деятельность;
- субъективные переживания [3].

Определение понятия «сложные ситуации» существует в психологии управления. В частности, А. В. Авилов пишет, что «...сложные управленческие ситуации отражают неопределенности современного нам мира, его фрагментов, с которыми приходится сталкиваться руководителю» [1]. При этом автор приводит классификацию сложных управленческих ситуаций; к ним он причисляет:

- отчуждение в деятельности как отсутствие ощущения единства в деятельности;
- сложности в достижении управленческой компетентности;
- отсутствие адекватных методов и средств; руководитель сравнивается с шахматистом, играющим «вслепую» без шахматной доски; шахматная доска позволяет более успешно моделировать игровые действия шахматиста, также и современные технологии повышают эффективность руководителя;
- сложности в преодолении цейтнота;
- социальные риски (риск переживания и создания условий переживания другими людьми психотравматических расстройств, риск перехода границ нравственности, риск негуманных поступков, риск дегуманизации, деперсонализации);
- необходимость постоянно разрешать конфликтные ситуации.

Данная классификация в полной мере подходит для характеристики сложных ситуаций, возникающих в деятельности руководителя образовательного учреждения как представителя управленческого аппарата в системе образования. В то же время такая классификация не в полной мере приемлема для характеристики сложных ситуаций, возникающих у других субъектов образовательной среды: педагогов, учащихся, родителей. Например, ситуации по преодолению так называемого цейтнота: для педагогов – нехватка времени на разработку программ, для учащихся – распределение времени между дополнительными образовательными программами, для родителей – обеспечение родительского контроля над общением ребёнка и др. Следовательно, сложные ситуации в образовательной среде следует дифференцировать в зависимости от того, кто является участниками этой ситуации и в какие субъектные отношения они вступают между собой. При этом важно учитывать то обстоятельство, что ситуации, связанные с наличием социальных рисков, сопряжённые с конфликтами, присутствуют не только в управленческой, но и в педагогической деятельности. Этот факт позволяет частично использовать рассматриваемую классификацию применительно к сложным педагогическим ситуациям.

Сопоставив признаки, определяющие понятие «сложные ситуации в образовательной среде» и классификацию сложных управленческих ситуаций, мы можем вычленить виды сложных ситуаций в образовательной среде:

- ситуации, связанные с трудностями организации совместной деятельности;
- ситуации, связанные с субъективными переживаниями социальных рисков;
- ситуации, связанные с необходимостью разрешения конфликтных ситуаций.

Трудности в организации совместной деятельности в образовательной среде могут проявляться как отчуждение педагога от необходимости «по-

гружаться» в мир ребёнка, отчуждение учащихся от деятельности группы, нежелание взаимодействовать с педагогом, отчуждение родителей от проблем школы, воспитания собственного ребёнка, отчуждение между коллегами-педагогами, отсутствие признания важности деятельности педагога со стороны коллег, руководства и родителей учащихся. Всё названное можно обобщить как отсутствие доверия, которое нарушает протекание совместной деятельности. В недавно проведённом нами всероссийском мониторинге учителей, посвящённом проблеме доверия в образовательной деятельности (в онлайн-опросе приняли участие 18,5 тыс. учителей), было выявлено, что в процессе взаимодействия субъектов образовательной деятельности (учителей, учащихся и родителей), по мнению большинства учителей, не хватает того «клея», который бы скреплял отношения, делал их более искренними и непосредственными, что могло бы существенно снизить конфликтную среду в современной школе. Один тот факт, что в добровольном опросе, к которому никто не принуждал, за короткий промежуток времени приняли участие такое количество учителей из всех регионов страны, свидетельствует о том, насколько данная проблема является актуальной для учителей. В своих ответах на поставленные вопросы многие учителя отмечали, что им не хватает времени на личностное общение с учениками, в школах не проводится или проводится недостаточно мероприятий, не связанных с учебной деятельностью, отсутствуют совместные экскурсии, походы и т. п. Всё это способствует отчуждению учителей и учащихся. С родителями у учителей также наблюдается отчуждение, его специфика заключается в том, что многие родители относятся к учителям как к сфере услуг, предъявляют завышенные требования и при этом стараются любыми средствами оправдать своего ребёнка практически за любые формы поведения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ МОДЕЛИ РАЗРЕШЕНИЯ СЛОЖНЫХ СИТУАЦИЙ

Прежде чем приступить к описанию моделей разрешения сложных ситуаций, необходимо вспомнить научные подходы, которые могут служить существенным основанием для классификации:

1. Личностный подход, предполагающий значимость определения уровня личностной зрелости;
2. Когнитивный, опирающийся на знание о социокультурных нормах, знание языка, усвоение правил;
3. Поведенческий – эффективность приспособления человека к новым условиям. Навыки поведения в новой ситуации;
4. Деятельностный подход. В рамках теории деятельности структура личности – целостное образование, включающее в себя когнитивный аспект, ценностно-мотивационный, эмоциональный и поведенческий.

В нашей статье мы остановимся на некоторых существующих моделях разрешения сложных ситуаций, возникающих во взаимодействии между людьми, – это:

- личностная модель;
- когнитивная модель;
- ситуационная модель;
- мотивационно-ценностная модель;
- деятельностьная модель.

В данном подходе принципиальное значение имеет понятие «личностная зрелость». Один из известных исследователей личностной зрелости Л. А. Головей пишет: «Критерии личностной зрелости связаны с адаптацией личности в обществе, с ее способностью выполнять социальные функции, продуктивно трудиться, успешно общаться и адекватно познавать социальную действительность и себя и на этой основе строить свой жизненный путь» [5]. Личностная зрелость – сложный конструкт, который включает большое количество переменных. К ним в первую очередь относятся гражданская, организационная, семейная, профессиональная и нравственная зрелость. Л. А. Головей, изучив различные модели личностной зрелости, выделила обобщённый перечень характеристик данного конструкта: ответственность, осознанность, рефлексивность, направленность на саморазвитие, самопринятие, самоуважение, автономия, жизнестойкость, самоуправление и организация жизни, целостность, конгруэнтность, широта связи с миром, толерантность, нравственное сознание, гуманистические ценности, позитивные межличностные отношения. Для цели данного исследования особенно важным критерием личностной зрелости является наличие рефлексивных черт характера.

В качестве когнитивной модели может быть представлена «Модель социального взаимодействия» Р. Хинш, С. Виттманн. Ключевым компонентом в данной модели является когнитивный компонент [12].

Поведенческий подход разрабатывался в основном в психологии управления и менеджменте. Ситуационная модель Ф. Фидлера иллюстрирует существующий поведенческий подход в разрешении сложных ситуаций. Большинство управленческих теорий предлагают разрешать сложные ситуации, ориентируясь на поведенческие аспекты. Так, Ф. Фидлер пути повышения эффективности деятельности видел не в изменении личностных свойств руководителей или особенностей коллектива, а в изменении ситуации, точнее – в изменении степени владения руководителем соответствующей ситуацией. В целях лучшего взаимодействия с подчинёнными эффективный руководитель использует ситуационные особенности управленческой деятельности – Ф. Фидлер назвал это ситуационным контролем, именно такой контроль определяет поведение человека в сложной управленческой ситуации. При этом автор данного подхода описал две типологии, типы лидеров и типы управленческих ситуаций:

1) типы лидеров в зависимости от поведения в сложных ситуациях:

- ориентированные на задачу;
- ориентированные на взаимоотношения.

2) типы управленческих ситуаций:

- отношения лидера с членами коллектива;
- структурированность задачи;
- должностные полномочия.

Мотивационно-ценностный подход реализован в модели мотивации и социального поведения Дж. Равена [9]. Данная модель была разработана для понимания и оценки мотивации, значимых для индивида стилей поведения и его способности успешно достигать поставленных целей благодаря тому, что он в состоянии одновременно совершать множество различных действий, необходимых для достижения поставленных целей, – это модель компетентности. Решение сложной ситуации трактуется автором модели как компетентное поведение личности. Его двухстадийная модель компетентности и мотивации может быть расширена до модели мотивированного поведения.

В качестве деятельностной модели можно привести «Модель повышения социальной компетентности», которая в контексте системно-деятельностного подхода содержит представление о социальной компетентности личности педагога и руководителя образовательного учреждения как о целостном интегративном личностном образовании, представляющем собой «знание в действии» и позволяющем человеку быть эффективным в его жизнедеятельности. Интегральность и целостность феномена социальной компетентности раскрывается через её структуру. Данная структура состоит из трёх взаимосвязанных компонентов [11]. Один из них, когнитивный компонент – владение социальными знаниями, другой, поведенческий – владение социальными навыками и умениями, и мотивационно-ценностный – наличие социально значимых мотивов и ценностей, определяемых стремлением к удовлетворению социальных потребностей в общении, просоциальном поведении, личностном росте и самоактуализации одновременно с потребностью в результативности профессиональной деятельности. Специфика образовательных учреждений как организаций, функционирующих преимущественно в системе «человек – человек», определяет ключевую роль мотивационно-ценностного компонента в структуре социальной компетентности личности¹.

Несмотря на различные подходы, все модели объединяет одна идея – признание необходимости интегрированного подхода в решении сложной ситуации. Рассмотренным моделям соответствуют определённые методы решения сложных ситуаций.

¹ Социальная компетентность руководителя образовательного учреждения: учебно-методическое пособие / А. Г. Асмолов, Г. У. Солдатова, Э. Л. Ванданова, Б. А. Жиганов. М.: АСОУ, 2007. 87 с.

МЕТОДЫ РЕШЕНИЯ СЛОЖНЫХ СИТУАЦИЙ

Метод «положительной вербализации». В когнитивной модели, реализуемой в рамках тренинга «Социальной компетенции», используется метод положительной вербализации. Метод позволяет изменить типичные когнитивные оценки – важно, чтобы человек в сложных ситуациях общения убеждал, подбадривал себя сам, оценивая себя исключительно с положительной стороны. Эти когнитивные оценки и внутренний диалог необходимо сделать доступными для своего сознания. Человеку предлагается поразмыслить и записать три своих наиболее положительных качества. Положительная вербализация своих качеств направлена на разрушение автоматизма в негативных когнитивных оценках. Этот метод используется в упражнениях на распознавание внутреннего диалога. Авторы акцентируют внимание на существующей связи между компетентным поведением (когнитивной оценкой) и эмоциями, вызванными этой когнитивной оценкой.

Метод «кейсов». Метод «кейсов» позволяет обучать способам поведения с учётом разновидностей сложных ситуаций. Участникам, обучающимся поведенческим стратегиям, выдаются карточки, содержащие сложные ситуации, которые предлагается разрешить, а затем выявляется принадлежность поведенческой стратегии к определённой категории. Такими категориями могут выступать:

- 1) ориентация на интересы дела;
- 2) ориентация на психологический климат и взаимоотношения в коллективе;
- 3) ориентация на самого себя;
- 4) ориентация на официальную субординацию, соблюдение инструкций.

В отработку поведенческой модели могут входить разные ситуации, возникающие в деятельности педагога и руководителя образовательного учреждения. Их содержание может быть следующим:

- 1) Вы получили одновременно два сложных задания: от Вашего непосредственного начальника и вышестоящего начальника. Времени для согласования сроков выполнения заданий у Вас нет, необходимо срочно начать работу. Выберите предпочтительное решение.
- 2) Между двумя Вашими подчинёнными возник конфликт, который мешает им успешно работать. Каждый из них в отдельности обращался к Вам с просьбой, чтобы Вы разобрались и поддержали его позицию. Как Вы поступите в этой ситуации?
- 3) Ваш подчинённый игнорирует Ваши советы и указания, делает всё по-своему, не обращая внимания на замечания, не исправляя того, на что Вы ему указываете. Как Вы будете поступать с этим подчинённым в дальнейшем?
- 4) В трудовой коллектив, где происходит конфликт между двумя группировками по поводу внедрения новшеств, пришёл новый руководитель,

приглашённый со стороны. Каким образом, по Вашему мнению, ему лучше действовать, чтобы нормализовать психологический климат в коллективе?

5) В Вашем коллективе имеется работник, который скорее числится, чем работает. Его это положение устраивает, а Вас – нет. Как Вы поступите в данном случае?

6) У Вас создались натянутые отношения с коллегой, допустим, что причины этого Вам не совсем ясны, но нормализовать отношения необходимо, чтобы не страдала работа. Что бы Вы предприняли в первую очередь?

7) Подчинённый второй раз не выполнил Вашего задания в срок, хотя обещал и давал слово, что подобного больше не повторится. Как Вы предпочли бы поступить?

Ситуации, приведённые выше, были отобраны из теста «Управленческая ситуация и направленность руководителя»².

Наборы сложных ситуаций для руководителей образовательных учреждений и педагогов могут различаться, но могут составлять единую базу данных проблемных ситуаций. Следует признать, что интегрированность психологических знаний со знаниями из смежных наук в области создания моделей и методов разрешения сложных ситуаций указывает на комплексность данной проблематики.

Эта особенность проблематики ориентирует исследователей и практиков на разработку и применение моделей, учитывающих понятие «интегральность» на всех уровнях представления в теоретическом осмыслении и практической реализации. К таким моделям следует отнести «Практическую модель повышения социальной компетентности» [11].

Сложные ситуации, возникающие в образовательной сфере, разрешаются в рамках данной модели с позиций деятельностного и гуманистического подходов. При этом для повышения социальной компетентности педагогов и руководителей становится важным ознакомление со структурными компонентами модели: мотивационно-ценностным, поведенческим, когнитивным. В качестве основных методов, позволяющих реализовать модель повышения социальной компетентности, предстают технологии, которые разработаны в соответствии с содержательными критериями социальной компетентности личности: профессиональной идентичностью, толерантностью, интеллектом, – и направлены на их развитие [11].

В заключение ещё раз хотелось бы обратиться к примерам из учительской практики, описанным выше. Поскольку адресованный нам вопрос «Объясните, почему мне удалось разрешить конфликтные ситуации?» был получен во время занятий с педагогами по обучению технологиям повышения социальной компетентности, он не мог быть оставленным без внимания. Мы попросили педагога подробнее описать ситуации и их участников. В первом

² Психология управления персоналом: пособие для специалистов, работающих с персоналом / под ред. А. В. Батаршева, А. О. Лукьянова. М., 2005. 624 с.

случае всё происходило в школе-интернате, большинство учащихся – воспитанники детского дома. Мнение взрослого, в этой ситуации воспринимаемого как близкого человека, было очень важно и значимо для детей. Во втором случае события происходили в обычной школе, для подростков более значимым явилось мнение авторитетного сверстника. Для нас было важно отметить, что педагог расценил сложные ситуации в своей деятельности, которые ему пришлось разрешать, как конфликтные. Эти ситуации были связаны с отчуждением и поэтому были разрешены эффективно путём преодоления отчуждения и восстановления совместной деятельности. В описываемых ситуациях педагог, действуя верно, искал объяснение своим действиям в «плоскости» конфликта, в то время как в реальности его действия следует рассматривать в более широком, синергическом пространстве сложных ситуаций.

Примеров, подобных описанному выше, в практике любого учителя достаточно много, и эффективное разрешение сложных ситуаций воспринимается как элемент мастерства, доступный немногим или приходящий только с опытом. Поэтому важно осуществлять разработки новых технологий, связанных с внедрением моделей разрешения сложных ситуаций. Такие технологии позволяют повысить социальную компетентность педагогов и руководителей образовательных учреждений, стремящихся к личностному развитию и эффективности в деятельности. В ряду этих разработок определённо заслуженное место занимает модель повышения социальной компетентности личности, основанная на положениях системно-деятельностного подхода и представляющая реализацию принципа «знание в действии», позволяющая человеку быть эффективным в деятельности.

ВЫВОДЫ

Рефлексия педагогической деятельности в условиях современного образования, характеризующегося поликонтекстуальностью, проявляется в трансцендентности. В этом заключается её сущность – человек сам образует себя. Ситуативная рефлексия в педагогической деятельности должна рассматриваться в более широком аспекте с учётом необходимых для ведения инновационного процесса в образовательном учреждении требований к личностным характеристикам и уровню профессионального мастерства управленческих и педагогических кадров.

В системе непрерывного образования педагогических и управленческих кадров обучение моделям повышения социальной компетентности (А. Г. Асмолов, Г. У. Солдатова и др.) позволит решать задачи не только личностного роста, но и профессионального роста, позволит повысить кадровый потенциал и инновационный потенциал современной российской школы. Модель повышения социальной компетентности, встроенная в комплекс инновационных программ и технологий обучения социальной и профессиональной компетентности, может явиться фактором усвоения стандартов нового поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилов А. В. Рефлексивное управление: методологические основания. М.: Государственный университет управления, 2003. 174 с.
2. Асмолов А. Г. Психология личности. М.: Смысл, 2019. 376 с.
3. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. М.: Эксмо, 2000. 160 с.
4. Выготский Л. С. История развития высших психических функций. М.: Юрайт, 2020. 336 с.
5. Головей Л. А. Психологическая зрелость личности. СПб.: Скифия-принт, 2014. 240 с.
6. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psyoffice.ru/3793-zinchenko-v.p.-morgunov-e.b.-chelovek.html> (дата обращения: 20.02.2021).
7. Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005. 174 с.
8. Краснорядцева О. М. Чувствительность к проблемам как характеристика инновационного потенциала личности // Сибирский психологический журнал. 2009. № 3. С. 13–19.
9. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие, реализация [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.bookmate.com/reader/NPCplgY7?resource=book> (дата обращения: 20.02.2021).
10. Рефлексия в инновационной практике школы: монография / под ред. И. Ю. Шустовой. М.: НОУ Центр «Педагогический поиск», 2015. 152 с.
11. Степанов С. Ю., Семёнов И. Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 31–40.
12. Социальная компетентность классного руководителя: режиссура совместных действий / под ред. А. Г. Асмолова, Г. У. Солдатовой. М., 2006. 321 с.
13. Хинш Р., Виттманн С. Уверенность в себе: практическое руководство по тренингу / пер. с нем. Харьков: Гуманитарный Центр, 2017. 184 с.
14. Щедровицкий Г. П. Рефлексия: избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. 800 с.
15. Grant A. M. Rethinking psychological mindedness: Metacognition, self-reflection, and insight // Behaviour Change. 2001. № 18 (1). P. 8–17.
16. Barlett L. Teacher development through reflective teaching // Second language teacher education / ed. J. C. Richards, D. Nunan. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 202–214.
17. Giovanelli M. Relationship between reflective disposition toward teaching and effective teaching // The Journal of Educational Research. 2003. № 96 (5). P. 293–309.
18. Loughran J. J. Effective reflective practice: In search of meaning in learning about teaching // Journal of teacher education. 2002. № 53 (1). P. 33–43.
19. Mertler C. A. Action research: Teachers as researchers in the classroom. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2009. 265 p.
20. Neville G. Making the most of your textbook. Harlow, UK: Longman, 1991. 128 p.
21. Núñez A., Ramos B., Téllez M. F. Reflexión en el contexto educativo: hacia la toma de decisiones en el aula // Apuntes Contables. 2006. № 11. P. 111–115.

REFERENCES

1. Avilov A. V. *Refleksivnoe upravlenie: metodologicheskie osnovaniya* [Reflexive control: Methodological foundations]. Moscow, The State University of Management Publ., 2003. 174 p.
2. Asmolov A. G. *Psikhologiya lichnosti* [Psychology of Personality]. Moscow, Smysl Publ., 2019. 376 p.
3. Vygotsky L. S. *Voprosy detskoi psikhologii* [Questions of child's psychology]. Moscow, Eksmo Publ., 2020. 160 p.
4. Vygotsky L. S. *Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii* [The history of the development of higher mental functions]. Moscow, Yurait Publ., 2020. 336 p.
5. Golovey L. A. *Psikhologicheskaya zrelost' lichnosti* [Psychological maturity of the personality]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2014. 240 p.
6. Zinchenko V. P., Morgunov E. B. *Chelovek razvivayushchisya. Ocherki rossiiskoi psikhologii* [Man developing. Essays on Russian psychology]. Available at: <https://www.psyoffice.ru/3793-zinchenko-v.p.-morgunov-e.b.-chelovek.html> (accessed: 20.02.2021).
7. Klochko V. E. *Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyi analiz)* [Self-organization in psychological systems: problems of the formation of the mental space of the individual (introduction to trans-perspective analysis)]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2005. 174 p.
8. Krasnoryadtseva O. M. [Sensitivity to problems as a characteristic of the innovative potential of the individual]. In: *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian journal of psychology], 2009, no. 3, pp. 13–19.
9. Raven J. *Kompetentnost' v sovremennom obshchestve: vyavlenie, razvitiye, realizatsiya* [Competence in modern society: identification, development, implementation]. Available at: <https://ru.bookmate.com/reader/NPCpIgy7?resource=book> (accessed: 20.02.2021).
10. Shustova I. Yu., ed. *Refleksiya v innovatsionnoy praktike shkoly* [Reflection in the innovative practice of the school]. Moscow, Center "Pedagogical search" Publ., 2015. 152 p.
11. Stepanov S. Yu., Semyonov I. N. [Psychology of reflection: problems and research]. In: *Voprosy Psikhologii*, 1985, no. 3, pp. 31–40.
12. Asmolova A. G., Soldatova G. U., eds. *Sotsial'naya kompetentnost' klassnogo rukovoditelya: rezhissura sovmestnykh deistvii* [Social competence of the class teacher: directing joint activities]. Moscow, 2006. 321 p.
13. Hinsh R., Wittmann S. *Uverenost' v sebe* [Self-confidence]. Kharkiv, Humanitarian Center Publ., 2017. 184 p.
14. Shchedrovitsky G. P. *Refleksiya* [Reflection]. Moscow, Shkola kul'turnoy politiki Publ., 1995. 800 p.
15. Grant A. M. Rethinking psychological mindedness: Metacognition, self-reflection, and insight. In: *Behaviour Change*, 2001, no. 18 (1), pp. 8–17.
16. Barlett L. Teacher development through reflective teaching. In: Richards J. C., Nunan D., eds. *Second language teacher education*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990, pp. 202–214.

17. Giovannelli M. Relationship between reflective disposition toward teaching and effective teaching. In: *The Journal of Educational Research*, 2003, no. 96(5), pp. 293–309.
18. Loughran J. J. Effective reflective practice: In search of meaning in learning about teaching. In: *Journal of teacher education*, 2002, no. 53 (1), pp. 33–43.
19. Mertler C. A. Action research: Teachers as researchers in the classroom. Thousand Oaks, CA, Sage Publications, 2009. 265 p.
20. Neville G. Making the most of your textbook. Harlow, UK, Longman, 1991. 128 p.
21. Núñez A., Ramos B., Téllez M. F. Reflexión en el contexto educativo: hacia la toma de decisiones en el aula. In: *Apuntes Contables*, 2006, no. 11, pp. 111–115.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 19.01.2021

Статья размещена на сайте: 31.03.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скрипкина Татьяна Петровна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: skripkinaurao@mail.ru

Ванданова Эльвира Леонидовна – кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИЦ стратегии, проектирования и правового обеспечения ФИРО при Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: vandanova67@mail.ru

Бакшиханова Сэсэг Сыреновна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии детства Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова; e-mail: bakshi0611@mail.ru

Tatyana P. Skripkina – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Social Psychology, Russian State University for the Humanities; e-mail: skripkinaurao@mail.ru

Elvira L. Vandanova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Research Center for Strategy, Design and Legal Support, FIRO at the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; e-mail: vandanova67@mail.ru

Seseg S. Bakshikhanova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Head of the Department of Childhood Psychology, Dorzhi Banzarov Buryat State University; e-mail: bakshi0611@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Скрипкина Т. П., Ванданова Э. Л., Бакшиханова С. С. Модели решения сложных ситуаций в педагогической деятельности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Skripkina T. P., Vandanova E. L., Bakshikhanova S. S. Models of solving complex situations in pedagogical activities. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: evestnik-mgou.ru

УДК 159.9.072

Титова О. И.

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89, Российская Федерация

Сибирский юридический институт МВД России

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20, Российская Федерация

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ И ФАКТОРНОЙ СТРУКТУРЫ

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучение взаимосвязей толерантности к неопределённости с параметрами социального взаимодействия.

Процедура и методы. Проведён опрос (N=313), применена методика «Толерантность к неопределённости» (С. Баднер) и опросник социального взаимодействия; выполнен корреляционный и факторный анализ (SPSS 27.0).

Результаты. Обнаружены связи толерантности к неопределённости с доминированием, подчинением окружающих, эмоциональной наполненностью, стремлением действовать ситуативно. Вклад толерантности к неопределённости в регуляцию взаимодействия определяется пятью факторами: 1. морально-нравственная нормативность взаимодействия; 2. вариативность взаимодействия в разных сферах; 3. спонтанности, отсутствия планов и ограничений во взаимодействии; 4. ориентация на партнёра в преодолении трудностей во взаимодействии; 5. позитивное отношение к новому опыту во взаимодействии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования углубляют представления о личностных детерминантах социального взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальное взаимодействие, межличностное взаимодействие, толерантность к неопределённости, интолерантность к неопределённости, факторы взаимодействия, личностные детерминанты, модели социального взаимодействия

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-013-00757.

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Методика и выборка исследования](#)

[Результаты и их обсуждение](#)

[Анализ взаимосвязи толерантности к неопределённости с параметрами социального взаимодействия](#)

[Факторы, отражающие роль толерантности к неопределённости в социальном взаимодействии](#)

[Закключение](#)

O. Titova

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev
89 ul. Ada Lebedeva, Krasnoyarsk 660049, Russian Federation*

*Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
20 ul. Rokossovskogo, Krasnoyarsk 660131, Russian Federation*

TOLERANCE TO UNCERTAINTY IN SOCIAL INTERACTION: ANALYSIS OF RELATIONSHIPS AND FACTOR STRUCTURE

ABSTRACT

Aim. To study the connection of tolerance to uncertainty with the parameters of social interaction.

Methodology. A survey was carried out (N = 313), the methodology "Tolerance to uncertainty" (S. Badner) and a questionnaire of social interaction were used; correlation and factor analysis (SPSS 27.0) was performed.

Results. Connections of tolerance to uncertainty with domination, submission of others, emotional fulfillment, and the desire to act situationally were found. The contribution of tolerance to uncertainty in the regulation of interaction is determined by 5 factors: 1. moral and ethical normativity of interaction; 2. variability of interaction in different areas; 3. spontaneity, lack of plans and restrictions in interaction; 4. orientation towards a partner in overcoming difficulties in interaction; 5. a positive attitude towards new experiences in interaction.

Research implications. The research results deepen the understanding of the personality determinants of social interaction.

KEYWORDS

social interaction, interpersonal interaction, tolerance to uncertainty, intolerance to uncertainty, interaction factors, personal determinants, models of social interaction

ACKNOWLEDGMENT

The reported study was funded by an RFBR project number 20-013-00757.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях современного общества, которые специалистами из разных областей характеризуются в терминах VUCA среды – нестабильность и неопределённость, сложность и неоднозначность, – закономерно возникает вопрос: какие же качества личности позволяет человеку регулировать свою жизнедеятельность в такого рода ситуации, проявляя тем самым жизнеспособность [10], адаптированность [9], способность преодолевать трудные обстоятельства жизни, оценивая для этого возможность или невозможность определённого исхода событий и ситуаций [5].

Одним из таких системных качеств является толерантность личности к неопределённости. Мы рассматриваем её в контексте социального взаимодействия в силу особенностей самого этого взаимодействия – изменчивости, многоуровневости, одновременности происходящих процессов,

необходимости действовать в условиях ограниченного ресурса времени, что в совокупности своей моделирует ситуацию, в которой толерантность к неопределённости или отсутствие таковой выступает значимым регулятором социального поведения человека, в том числе определяя его эффективность в профессиональной деятельности. Толерантность к неопределённости проявляет себя в социальном взаимодействии как один из средств регулирования поведения личности, ее отношений в обществе, в разных сферах жизни.

В ранее проведённых нами исследованиях данное качество личности изучалось в контексте развития общекультурных компетенций студентов вуза [16], в профессионально-служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов [14; 15].

Цель исследования – эмпирически изучить взаимосвязи толерантности к неопределённости с развёрнутым комплексом параметров социального взаимодействия и выделить основные факторы социального взаимодействия, в структуре которых это качество личности играет существенную роль. Для достижения цели на этапе анализа эмпирических данных требовалось решить ряд задач: 1) с помощью корреляционного анализа выявить взаимосвязи компонентов толерантности к неопределённости с характеристиками социального взаимодействия доминирование, эмоциональность, осознанность и др.; 2) методом факторного анализа выделить обобщённые факторы социального взаимодействия, в структуре которых имеются компоненты толерантности к неопределённости, и описать их.

Мы полагаем, что роль толерантности к неопределённости как регулятора социального взаимодействия варьируется во взаимосвязи с такими его характеристиками, как доминирование-подчинение, эмоциональность-рациональность, дифференцированность по сферам взаимодействия, осознанность и целенаправленность во взаимодействии. Это предположение и определило гипотезу нашего исследования.

Анализ работ, посвящённых толерантности к неопределённости, показал наличие нескольких точек зрения на суть данного явления, на его роль в регуляции деятельности и поведения личности.

Во-первых, толерантность к неопределённости в психологической науке преимущественно описывается как личностное свойство. В предлагаемых трактовках оно представляет собой стремление к изменениям, новизне, оригинальности, в предпочтении более сложных задач, в способности действовать самостоятельно и выходить за рамки ограничений. В этом случае в его структуре можно выделить два понятия: 1) толерантность в общем смысле как доброжелательное и терпимое отношение к чему-то, противоположным которому является интолерантность; 2) неопределённость, которая мо-

жет быть как объективным отражением внешнего мира, так и субъективным восприятием человека той или иной ситуации. Так Н. В. Король отмечает, что ситуация неопределённости может обуславливать появление некоторого любопытства, интереса, стимулирование умственной и поведенческой активности, то есть она становится стимулом к развитию. Возможен и другой вариант восприятия ситуации неопределённости – как источник угрозы, тревоги и дискомфорта» [8]. В первом случае можно говорить о толерантности к неопределённости, во втором – об интолерантности к неопределённости. С точки зрения этого подхода в толерантности к неопределённости выделяют три аспекта: восприятие новых, сложных и/или неразрешимых ситуаций как источников угрозы; связь толерантности к неопределённости с авторитаризмом и предрассудками; избегание признания неопределённости и суждение о вероятных событиях при недостаточно ясных условиях на основе своего прошлого опыта.

Второй подход представлен исследованиями, в которых толерантность к неопределённости связана с контекстом ситуации, в которой необходимо сделать выбор. Например, Т. В. Корнилова в ходе исследования интеллектуально-личностного потенциала как основы регуляции выбора в контексте неопределённости связывает психологическую неопределенность с отсутствием установки на использование каких-либо процессов, с актуалгенезами, порождаемыми в деятельности, которые будут использоваться в момент принятия решения, а также как отсутствие заданной извне иерархии регулятивных систем. Толерантность и интолерантность к неопределённости рассматривается Т. В. Корниловой как проявления латентной переменной «принятие неопределённости» [6; 7].

Также за последние годы наблюдается рост числа работ прикладной направленности – применительно к конкретным профессиям и возрастным группам, например, обсуждается роль толерантности к неопределённости в деятельности врачей при принятии медицинских решений [1]; в качестве фактора снижения эмоционального выгорания у педагогов-психологов учреждений социального обслуживания семей с детьми [4]; как личностная предпосылка взаимодействия в деятельности сотрудников правоохранительных органов [14; 15]; сформированность её у студенческой молодёжи [13].

Толерантный к неопределённости человек в целом позитивно оценивает ситуацию неопределённости, воспринимает как возможность проверить, испытать себя в чём-то новом, продуктивно действует в незнакомой обстановке, а в ситуации недостатка информации берёт на себя ответственность. В непривычной ситуации такой человек будет искать возможность развития и проявления своих способностей и навыков, не отрицая и не искажая неоднозначные

стимулы. Интолерантный к неопределённости человек в условиях перемен и неясного будущего испытывает внутреннее напряжение, страхи, неуверенность в себе, депрессивное состояние, а потому, как правило, выбирает пассивную позицию, стремится избежать неприятностей и снижает адаптационные ресурсы. Выстраивается отношение к неопределённости как к угрозе, у человека формируется чувство неустойчивости положения, проявляется стремление к скорейшему прояснению неоднозначности, её избеганию при возможности. Интолерантный к неопределённости человек склонен воспринимать сложные и необычные ситуации как угрожающие, недостаток информации или её двусмысленность доставляют такому человеку дискомфорт [17].

Относительно социального взаимодействия выборочно приведем несколько точек зрения на содержание данного явления. Так, О. А. Врублевская определяет социальное взаимодействие как систему взаимообусловленных социальных действий, связанных циклической зависимостью, при которой действия одного субъекта является одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов [3]. На современном этапе исследования феномена наиболее комплексно анализируется социальное взаимодействие Т. С. Вавакиной. В работах автора отмечается, что социальное взаимодействие как вид связи представляет систему действий, а именно интегрированность действий и функциональную координацию их следствий. Оно возникает из совместного участия субъектов взаимодействия в сложной, подвижной сети социальных отношений, задавая способы реализации совместной деятельности, оказываясь основанием общественной солидарности» [2, с. 41]. В предлагаемой автором теоретической модели социального взаимодействия выделяются микроуровень, мезоуровень, макроуровень. Микроуровень представлен парой взаимосвязанных действий социальных субъектов, социальное действие имеет осмысленный характер и ориентируется на ожидаемую реакцию другого человека. Действия могут иметь конъюнктивный или дизъюнктивный характер, определяя сближение или отталкивание людей друг от друга. Мезоуровень автор характеризует через ситуацию взаимодействия, подчеркивая, что это уже совокупность осмысленных логически завершенных социальных взаимодействий. На этом уровне социальное взаимодействие определяется ситуацией, которая имеет целенаправленный характер, конечна во времени и др. В качестве параметров для изучения социального взаимодействия этого уровня автором предлагается: характеристика субъектов, этапы, динамика, эффективность и содержательные компоненты ситуации (цели, предмет, используемые средства, принципы, нормы и правила, контекст развития ситуации). Это уровень конкуренции и сотрудничества между людьми. Макроуровень, в свою очередь, складывается из совокуп-

ности ситуаций социального взаимодействия субъектов. Интервалом его изучения автор называет достаточно длительные этапы, сопоставимые с периодами жизни человека. На этом уровне взаимодействие характеризуется автором «как сложная развивающаяся сеть взаимосвязей индивида с другими людьми и социальными группами» [2, с. 44]. Это приводит к формированию устойчивых взаимосвязей между субъектами – отношений между ними. В качестве параметров анализа социального взаимодействия на макроуровне автором предложены те же самые, что на мезоуровне: предмет взаимодействия, цели, средства, нормы и правила, которые в жизнедеятельности конкретного человека будут представлены в совокупности ситуаций на протяжении более или менее продолжительного этапа его жизни. Особенной характеристикой социального взаимодействия на этом уровне является характер связей – горизонтальные или иерархически организованные. В целом, по мнению автора, «можно выделить два основных параметра связи (отношений между субъектами). Первый связан с социальным положением, статусом, ролями, отношениями власти и влияния, то есть с тем, как именно выстраиваются отношения: по вертикали (иерархия) или по горизонтали (паритет). Второй отражает процессы интеграции и дифференциации» [2, с. 45].

Характеризуя роль социальных контактов в усилении или ослаблении способности индивида переносить неопределенность, Д. Ф. Лифинцев с соавторами высказывает мысль о том, что «взаимоотношения и коммуникация с другими людьми часто являются тем самым средством, которое позволяет человеку получать доступ к разного рода информации, позволяющей ему управлять своим чувством неопределённости» [11, с. 100]. Личность может быть как толерантной, так и интолерантной к ситуации неопределённости – ситуации принятия решения, которой свойственен дефицит или противоречивость информации, что затрудняет прогнозирование вероятных исходов принятия того или иного решения.

В проводимом нами исследовании толерантность к неопределённости понимается согласно определению Е. А. Любачевской, как личностная характеристика человека, выражающаяся в способности выносить неопределённость и тревогу относительно негарантированного и непредсказуемого будущего, в готовности принимать неопределённость как норму жизни, творчески преобразовывая окружающую действительность в субъективную определенность [12].

МЕТОДИКА И ВЫБОРКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования проведен опрос 313 респондентов, из них 42,2% мужчин и 57,8% женщин; 81% респондентов в возрасте от 21 до 40 лет (3%

респондентов возраст не указали). Профессиональная деятельность респондентов была различной, но значительно преобладали представители профессий типа «человек-человек» – почти 77% (3% респондентов не указали свою профессию).

Для целей данного этапа исследования использовалась методика С. Баднер «Толерантность к неопределённости» и авторский опросник социального взаимодействия, в котором изучаются 42 характеристики, являющихся эмпирическими индикаторами переменных «эмоциональность – рациональность», «ориентация на свои цели – ориентация на других людей», «осознанность – спонтанность», «доминирование – подчинение», «принципы взаимодействия», «частота конкуренции и партнерства», «инициативность – реактивность», «сдержанность – непосредственность», «следование принципам – ситуативность», «оценка по статусу – оценка по поступкам» и др.

Статистическая обработка данных включала: корреляционный анализ и факторный анализ методом главных компонент, выполненный без вращения (SPSS 27.0).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ данных показал, что по общему показателю высокий уровень толерантности к неопределённости наблюдается у 5% респондентов, средний уровень – у 88%, а низкий уровень свойственен 7% участников исследования (ср. знач. 61,49; ст. откл. 6,43), при этом среди индивидуальных результатов, относящихся к среднему уровню, достаточно много расположенных ближе к низкому уровню, чем к высокому. По компонентам толерантности к неопределённости выявлено: высокий уровень толерантности к новизне у 3%, низкий – у 5% респондентов (сред. знач. 16,11; станд. откл. 3,37); низкий уровень толерантности к сложности у 20%, высокий уровень – у 0,3% опрошенных (сред. знач. 32,65; станд. откл. 4,82); низкий уровень толерантности к неразрешимости у 9%, высокий уровень – у 7% участников исследования (сред. знач. 12,73; станд. откл. 2,77). Таким образом, самым «трудным» элементом неопределённости, к которому респондентам сложно быть толерантным, является «сложность» ситуации, далее на втором месте – «новизна», в то время как условия, соответствующие «неразрешимости», чаще оценивались респондентами как более приемлемые и комфортные.

Опираясь на данные описательной статистики, охарактеризуем социальное взаимодействие участников исследования.

Для начала интересным представляется обратить внимание на те характеристики социального взаимодействия, которые оказались не свя-

занными с уровнем толерантности к неопределённости – ни с общим ее показателем, ни с частными компонентами – толерантностью к новизне, сложности, неразрешимости. Так, не выявлено сколько-нибудь существенных взаимосвязей: с частотой конкуренции/соперничества и партнерства; с предпочитаемыми респондентами принципами взаимодействия (справедливость, доверие, взаимность, нравственность, равенство и польза); со сдержанностью во взаимодействии; с рациональностью и оцениванием «плюсов» и «минусов» взаимодействия; с оценками по поступкам (в отличие от оценки по статусу); с учётом отношений с партнером по взаимодействию; с проявлением инициативности и реактивности во взаимодействии; с ролью ситуации и характеристик других людей при построении взаимодействия с ними.

По параметрам, которые взаимосвязаны с компонентами толерантности к неопределённости, социальное взаимодействие в представлениях респондентов характеризуется так:

1) респонденты и их окружение гораздо больше во взаимодействии ориентируется на собственные цели и интересы (ср. знач. 3,72; ст. откл. 0,8), в отличие от ориентации на сообщество и других людей (ср. знач. 3,3; ст. откл. 0,74);

2) респондентам и их окружению не свойственно стремление к непосредственному удовлетворению потребностей, проявлению взрывных эмоций (ср. знач. 2,93; ст. откл. 0,86), при этом взаимодействие наполнено эмоциями (ср. знач. 3,62; ст. откл. 0,8), а сами они всегда могут понять нравятся им взаимодействие или нет (ср. знач. 4,08; ст. откл. 0,79);

3) стремятся следовать принципам, хотя и реже других (ср. знач. 3,41; ст. откл. 0,82), и уважают, когда другие люди не отступают от своих принципов (ср. знач. 3,81; ст. откл. 0,91);

4) следуют общим стандартам и правилам (ср. знач. 3,43; ст. откл. 0,9), дифференцированно относятся и реализуют взаимодействие в разных сферах жизни, полагая, что отношения в разных сферах не влияют друг на друга (ср. знач. 3,6; ст. откл. 1,0); не склонны оценивать других людей по социальному статусу (ср. знач. 2,27; ст. откл. 1,0);

5) считают, что сами доминируют во взаимодействии чаще (ср. знач. 3,03; ст. откл. 0,82), чем подчиняются другим, соответственно, другие люди чаще подчиняются им (ср. знач. 3,13; ст. откл. 0,72), чем доминируют над ними (ср. знач. 2,66; ст. откл. 0,8); не чувствуют себя спонтанными во взаимодействии, ощущают ограничения (ср. знач. 2,76; ст. откл. 1,0); считают свое взаимодействие осознанным с точки зрения цели, времени и места (ср. знач. 3,18; ст. откл. 1,0).

АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ С ПАРАМЕТРАМИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Так, как в методике С. Баднер показатели толерантности к неопределённости представлены обратной шкалой (чем выше значение показателя, тем ниже толерантность к неопределённости), то для сохранения смысловых акцентов в описании результатов корреляционного и факторного анализа далее вместо толерантности к неопределённости мы будем пользоваться термином «интолерантность», имеющим соответственно противоположный смысл.

В таблице 1 выборочно представлены результаты корреляционного анализа, выполненного в рамках процедуры факторизации данных опроса. В ней представлены позиции опросника социального взаимодействия, по которым связи с компонентами толерантности к неопределённости обладают умеренной силой (модуль коэффициента корреляции $> 0,3$).

Данные корреляции позволяют понять за счёт чего, какими механизмами обеспечивается социальное взаимодействие под влиянием (при участии) такой личностной характеристики как толерантность / интолерантность к неопределённости и её компоненты.

Поскольку толерантность является личностной характеристикой, то она более стабильна в поведении человека и можно предположить, что она в паре с переменными социального взаимодействия выступает независимой переменной, является индивидуально-психологическим условием, варьирующим взаимодействие разных типов людей, предрасполагающей их к реализации той или иной модели взаимодействия.

Чем выше интолерантность человека к неопределённости, и соответственно выше испытываемый дискомфорт, тем более в представлениях о своём взаимодействии и взаимодействии окружающих его людей имеет значение ориентация на собственные цели и интересы ($r=0,44$), на сообщество и других людей ($r=0,47$), одновременная выраженность которых обнаруживает неоднозначность в установках по поводу приоритетов социального взаимодействия. Также свойственна локализованность, мозаичность в восприятии сфер жизни, их независимость друг от друга и акцентирование разницы отношений в них ($r=0,48$), а в качестве распространенной модели взаимодействия наблюдается доминирование других людей ($r=0,45$). Также с увеличением интолерантности к неопределённости респонденты чаще придают значение готовности других людей подчиняться и следовать их мнению ($r=0,32$), действовать без предварительных планов ($r=0,35$), воспринимают свое взаимодействие как более наполненное эмоциями ($r=0,39$). Такие модели взаимодействия респонденты с высокой интолерантностью к неопределённости оценивают как более частые, по сравнению с респондентами с низкой интолерантностью.

Таблица 1 / Table 1

Взаимосвязи компонентов толерантности к неопределённости с параметрами социального взаимодействия / Interrelation of the components of tolerance to uncertainty with the parameters of social interaction

	Общая инtolерантность к неопределённости	Инtolерантность к новизне	Инtolерантность к сложности	Инtolерантность к неразрешимости
Обычно во взаимодействии люди ориентируются на собственные интересы и цели	0,44			
Часто в основе взаимодействия людей лежит стремление к непосредственному удовлетворению своих потребностей и эмоций взрывного характера			0,4	
Человек должен абсолютно по-разному вести себя в различных сферах своей жизни – работа, семья, друзья и т.п. – в каждой из них своя манера, роль и т.п.		0,37	0,45	
Обычно в основе взаимодействия людей лежит их ориентация на сообщество, других людей	0,47			
Правильно, когда нет ограничений на взаимодействие в разных сферах жизни – человек действует по ситуации, в зависимости от хода событий	0,34		0,38	0,44
Отношения в разных сферах моей жизни (работа, семья, друзья, увлечения и др.) очень разные и не влияют друг на друга	0,48			
Мое взаимодействие с другими людьми обычно наполнено эмоциями	0,39	0,45	0,41	0,33
Во взаимодействии с другими людьми я всегда могу понять, нравится оно мне или нет	0,31	0,41		
То, как строится мое взаимодействие с другими людьми, обычно не зависит от их отношения ко мне	0,32	0,34		
Уважаю, когда другие люди не отступают от своих принципов, даже если им приходится трудно	0,35		0,37	
Во взаимодействии с другими людьми я всегда слеую своим принципам		0,42	0,35	
Опираюсь на общепринятые нормы и стандарты поведения, стараюсь не отступать от этих правил			0,45	
Оцениваю других людей по тому, к какой группе они принадлежат в обществе			0,38	
Другие люди обычно готовы подчиняться и действовать согласованно с моим мнением	0,32			
Я обычно доминирую во взаимодействии с другими людьми		0,34		

Продолжение таблицы 1 на следующей странице

	Общая интолерантность к неопределённости	Интолерантность к новизне	Интолерантность к сложности	Интолерантность к неразрешимости
Во взаимодействии я обычно заранее определяюсь с целью, планирую время и место, обдумываю свои слова и действия, оцениваю результат			0,42	
Другие люди обычно доминируют в нашем с ними взаимодействии	0,45			
Во взаимодействии обычно действую, не задумываясь, по ситуации – планов не строю, не размышляю о причинах, если не получилось так, как мне хотелось	0,35			

Анализ взаимосвязей с компонентами интолерантности к неопределённости выявил следующие характерные черты социального взаимодействия. С ростом интолерантности к новизне взаимодействие воспринимается более эмоционально наполненным ($r=0,45$), более категоричным в оценках нравится оно респонденту или нет ($r=0,41$), становится менее зависящим от отношения окружающих людей ($r=0,34$), сопровождается стремлением следовать своим принципам ($r=0,42$) и доминировать во взаимодействии ($r=0,34$).

С ростом интолерантности к сложности взаимодействие воспринимается как основанное на удовлетворении потребностей и с проявлением взрывных эмоций ($r=0,4$), сопровождается более выраженным ожиданием различных моделей взаимодействия на работе, в семье и с друзьями ($r=0,45$), ситуативной обусловленности и непреднамеренности в целом ($r=0,38$), но при этом, предположительно с целью снижения неопределённости, сами респонденты стремятся планировать цель, место, время взаимодействия, относятся к нему рефлексивно ($r=0,42$). Также воспринимают взаимодействие людей как основанное на принципах (с обеих сторон), в качестве частых моделей своего взаимодействия отмечают следование общим правилам и стандартам ($r=0,45$), оценивание других людей по их принадлежности к группе в обществе, по их статусу ($r=0,38$).

При повышении интолерантности к неразрешимости обнаруживается только две существенные связи с параметрами социального взаимодействия: предпочтение отсутствия ограничений во взаимодействии в разных сферах жизни, действию по ситуации, по ходу развития событий ($r=0,44$), а также сопровождается оценками взаимодействия как эмоционально насыщенного ($r=0,33$).

ФАКТОРЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ РОЛЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

В ходе проведения факторный анализ по методу главных компонент, без вращения, было получено 16-факторное решение, описывающее 65,77% дисперсии. Количественные показатели факторного решения представлены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Количественные показатели факторной структуры (по методу главных компонент) / Quantitative indicators of the factor structure (by the method of principal components)

Фактор	Вес	% дисперсии	Суммарный %	Фактор	Вес	% дисперсии	Суммарный %
1	3,718	8,853	8,853	9	1,403	3,341	47,157
2	2,838	6,757	15,609	10	1,302	3,101	50,258
3	2,436	5,799	21,409	11	1,218	2,901	53,159
4*	2,403	5,721	27,129	12*	1,118	2,662	55,822
5	1,924	4,581	31,711	13	1,098	2,613	58,435
6*	1,864	4,438	36,149	14	1,058	2,519	60,954
7*	1,778	4,233	40,382	15*	1,017	2,421	63,375
8	1,442	3,434	43,816	16	1,005	2,392	65,767

Примечание: * отмечены факторы, в содержании которых выраженно проявились компоненты толерантности к неопределённости.

Анализ содержания переменных в структуре каждого из 16 факторов позволил нам выделить факторы, их оказалось пять, в содержании которых представлена толерантность к неопределённости и/или её компоненты. На основе суммирования веса факторов, отражающего их значимость в структуре изучаемого явления, было получено, что факторы, в содержании которых проявления толерантности к неопределённости занимают существенное место, составляют 30%. Это, по нашему мнению, еще раз доказывает значимую роль толерантности к неопределённости в регулировании социального взаимодействия. На рисунке 1 представлено графическая характеристика соотношения факторов с толерантностью к неопределённости в своем составе и без неё.

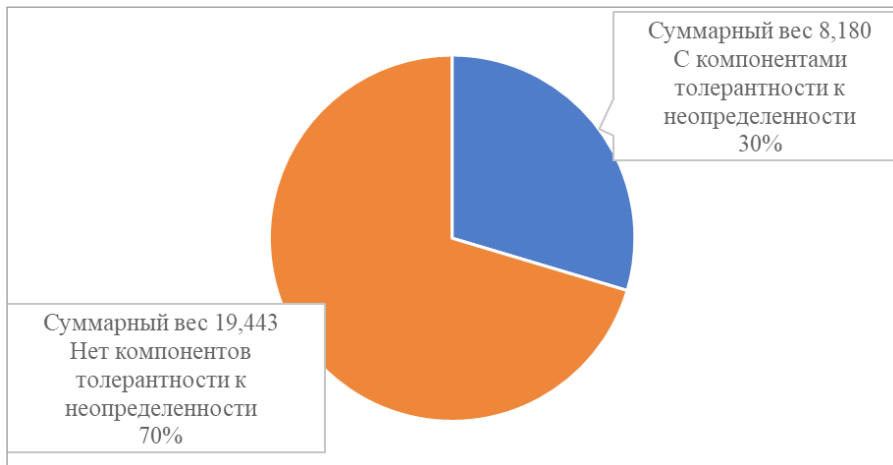


Рис. 1 / Fig. 1. Соотношение факторов по наличию в их структуре компонентов толерантности к неопределённости / The ratio of factors according to the presence of components of tolerance to uncertainty in their structure

В таблице 3 выборочно представлены только факторы, в содержании которых имеются показатели толерантности к неопределённости – общий показатель, толерантность к новизне, толерантность к сложности, толерантность к неразрешимости. По каждому из них переменные, наполняющие фактор, сгруппированы в зависимости от их вклада – с положительным или отрицательным вкладом они определяют смысловое содержание фактора.

Таблица 3 / Table 3

Факторы социального взаимодействия, содержащие компоненты толерантности к неопределённости / Factors of social interaction containing components of tolerance to uncertainty

Отрицательные вклады	Положительные вклады
Фактор 4 – Морально-нравственная нормативность взаимодействия (вес 5,72)	
Считает, что обычно люди ориентируются на собственные цели и интересы (-0,458)	Общий показатель интолерантности к неопределённости (0,48) *
В основе взаимодействия лежит стремление к непосредственному удовлетворению потребностей и эмоций (-0,415)	Строит взаимодействие с опорой на принцип нравственности (0,425)
Действует по ситуации – учитывает конкретные взаимоотношения с человеком (-0,375)	

Продолжение таблицы 3 на следующей странице

Отрицательные вклады	Положительные вклады
Фактор 6 – Вариативность взаимодействия в разных сферах (вес 4,44)	
Интолерантность к новизне (-0,33) *	Отношения в разных сферах не влияют на социальное взаимодействие (0,637)
Отношения в разных сферах сильно взаимосвязаны и влияют на социальное взаимодействие (-0,531)	Всегда следует своим принципам (0,39)
Фактор 7 – Спонтанности, отсутствия планов и ограничений во взаимодействии (вес 4,23)	
Ориентируется на общепринятые правила, старается не отступать от них (-0,307)	Интолерантность к сложности (0,478) *
	Действует спонтанно, планов не строит, над неудачами не размышляет (0,457)
	Заданных ограничений в отношениях не имеет – в них могут быть включены разные люди, действовать разные правила (0,314)
	Считает основой взаимодействия стремление к быстрому удовлетворению потребностей и взрывных эмоций (0,309)
Фактор 12 – Ориентация на партнера в преодолении трудностей во взаимодействии (вес 2,66)	
Интолерантность к неразрешимости (-0,52)*	Взаимодействие с людьми полностью зависит от их отношения ко мне (0,29)
Взаимодействие с людьми не зависит от их отношения ко мне (-0,299)	
Считает, что люди ориентируются на свои цели и интересы (-0,261)	
Фактор 15 – Позитивное отношение к новому опыту во взаимодействии (вес 2,42)	
Интолерантность к новизне (-0,314) *	Интолерантность к сложности (0,302)*

Анализ факторного решения с учётом роли толерантности к неопределённости в социальном взаимодействии определил 5 факторов, присущих неявной структуре предмета нашего исследования. Изучаемые переменные обобщены в факторы: морально-нравственная нормативность взаимодействия (5,72); вариативность взаимодействия в разных сферах (4,44); спонтанности, отсутствия планов и ограничений во взаимодействии (4,23); ориентация на партнёра в преодолении трудностей во взаимодействии

(2,66); позитивное отношение к новому опыту во взаимодействии (2,42), названия которых отражают психологические механизмы, посредством которых толерантность к неопределённости участвует в регуляции социального взаимодействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценим полученные результаты с точки зрения гипотезы. Обнаружены взаимосвязи толерантности к неопределённости с характеристиками социального взаимодействия: доминирование (свое и со стороны окружающих), подчинение со стороны окружающих, эмоциональная наполненность взаимодействия и дифференцированный подход к его осуществлению в разных сферах – на работе, в семье и с друзьями, стремление действовать по ситуации, а не спланированно и целенаправленно. С ростом интолерантности к неопределённости усиливается частота доминирования подчинения во взаимодействии, дифференциация по сферам, эмоциональная сторона отношений. Снижается осознанность и целенаправленность взаимодействия. Рациональность особо себя не проявила в связях с компонентами толерантности к неопределённости. Это несколько неожиданно, учитывая результаты исследований Т. В. Корниловой, в которых рациональный подход к решению поставленных задач выступает одним из инструментов принятия неопределённости, и тем самым ее снижения дезорганизующего влияния. Возможно это разные стороны рационального поведения человека – интеллектуальная, проявляющаяся при решении задач, и организационно-оценочная, проявляющаяся при построении социального взаимодействия.

Среди компонентов толерантности к неопределённости самым трудным для респондентов является «сложность» – высокий уровень толерантности к нему практически отсутствует в выборке, а низкий уровень встречается в 4 раза чаще по сравнению с толерантностью к новизне, и более чем в 2 раза чаще по сравнению с толерантностью к неразрешимости.

Не выявлено взаимосвязи выраженности толерантности к неопределённости и целого ряда параметров социального взаимодействия, в том числе: с частотой конкуренции и партнерства; с предпочитаемыми принципами взаимодействия – не связано со справедливостью, доверием, взаимностью; с проявлением инициативности и частотой ответных реакций на действия других людей.

Выделены факторы, учитывающие роль толерантности к неопределённости в социальном взаимодействии: 1) морально-нравственная нормативность взаимодействия; 2) вариативность взаимодействия в разных сферах; 3) спонтанности, отсутствия планов и ограничений во взаимодействии; 4) ориентация на партнера в преодолении трудностей во взаимодействии; 5) позитивное отношение к новому опыту во взаимодействии. Их наименование отражает психологические механизмы, посредством которых толерантность

к неопределённости участвует в регуляции социального взаимодействия.

Так, фактор «морально-нравственная нормативность взаимодействия» показывает, что с ростом интолерантности к неопределённости, нетерпимости к ней люди более склонны ориентироваться в социальном взаимодействии на принцип нравственности, и не склонны принимать в расчет индивидуальную составляющую взаимодействия – цели и интересы конкретных участников взаимодействия, в том числе свои собственные, отношения с конкретным человеком, актуальные в тот или иной момент времени потребности. Мы исходим из того, что толерантность к неопределённости – это свойство личности. Соответственно, как более стабильная характеристика оно обуславливает выбор модели социального взаимодействия, для которой характерны указанные выше особенности. Вместе с тем, не исключено, что именно привычка действовать «по принципу, обобщённо, как всегда», и тем самым не учитывать ситуативную составляющую социального взаимодействия порождает у субъекта рост нетерпимости к неопределённости в силу объективного отсутствия единственно верной модели поведения, применимой ко всем ситуациям социального взаимодействия.

Компоненты фактора «вариативность взаимодействия в разных сферах» показывают, что толерантность к неопределённости в социальном взаимодействии сопровождается принятием субъектом факта разнообразия взаимодействия в разных сферах (работа, семья, друзья и др.), независимости этих сфер друг от друга и вместе с тем предполагает наличие базовых принципов, объединяющих модели взаимодействия субъекта в разных сферах его жизни. Содержание фактора «спонтанности, отсутствия планов и ограничений во взаимодействии» показывает, что с ростом интолерантности к сложности и нетерпимости к ней усиливается склонность отказываться в социальном взаимодействии от общепринятых норм этикета, ценностных установок, отдавая приоритет спонтанным действиям и ситуативным правилам, с опорой на непосредственное удовлетворение потребностей и проявление эмоций.

Согласно компонентам фактора «ориентация на партнера в преодолении трудностей во взаимодействии» толерантность к неразрешимости в социальном взаимодействии повышает зависимость его содержания от отношений с другими людьми, с помощью которых неразрешимая ситуация может стать разрешимой. Фактор «позитивное отношение к новому опыту во взаимодействии» представлен одновременным сочетанием толерантности к новизне и интолерантности, нетерпимости к сложности, что указывает на предпочтение в социальном взаимодействии нового, но при этом несложного, не требующего усилий в понимании и реализации, то есть на поверхностность и приоритет внешнего эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко Е. М. Толерантность к неопределённости как профессионально значимое качество врача при принятии медицинских решений // Научный форум: педагогика и психология : сборник статей по материалам конференции. М., 2020. С. 58–62.
2. Вавакина Т. С. Проблема исследования партнерства в социальной психологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. 25. С. 38–50. DOI: 10.26516/2304-1226.2018.25.38.
3. Врублевская О. А. О сущности понятия «социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Сибирский журнал науки и технологий. 2006. № 5 (12). С. 60–65.
4. Гефеле О. Ф., Свешникова Л. М. Толерантность к неопределённости как фактор формирования эмоционального выгорания у педагогов-психологов учреждений социального обслуживания семей с детьми // Инновационное развитие. 2018. № 9 (26). С. 87–90.
5. Знаков В. В. Понимание невозможных событий как проблема психологии человеческого бытия // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.
6. Корнилова Т. В. Психология неопределённости: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 89–100.
7. Корнилова Т. В. Толерантность к неопределённости и эмоциональный интеллект при принятии решений в условиях подсказки // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 19–36.
8. Король Н. В. Изучение взаимосвязи временной перспективы личности студентов и толерантности к неопределённости // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : сборник материалов IV Международной научной конференции. Донецк : Издательство ДГУ, 2019. С. 292–295.
9. Лазюк И. В., Белоглазова Ю. А. Когнитивные стили и толерантность к неопределённости как факторы адаптации студентов к обучению в вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 343–348. DOI: 10.26140/anip-2020-0904-0078
10. Лактионова А. И. «Жизнеспособность» в структуре психологических понятий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2010. № 3. С. 11–15.
11. Лифинцев Д. В., Серых А. Б., Лифинцева А. А. Толерантность к неопределённости в контексте социальной поддержки: гендерная специфика в юности // Национальный психологический журнал. 2017. № 2. С. 98–105. DOI: 10.11621/nrpj.2017.0211.
12. Любачевская Е. А. Толерантность к неопределённости как личностный феномен // Акмеология. 2013. № 3 (47). С. 78–80.
13. Рябинкина А. Н. Толерантность студентов к неопределённости // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гумани-

тарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 295–297.

14. Титова О. И. Толерантность к неопределённости как фактор социального взаимодействия сотрудников правоохранительных органов // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления / отв. ред. Н.В. Борисова, М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2020. С. 448–455. DOI: 10.38098/univ.2020.55.72.033.

15. Титова О.И. Гендер и толерантность к неопределённости как факторы взаимодействия в деятельности сотрудников полиции // Человеческий капитал. 2020. №12. С. 191–202. DOI: 10.25629/НС.2020.12.19.

16. Титова О. И. Толерантность к неопределённости как фактор отношения к деловому взаимодействию в контексте развития общекультурных компетенций студентов вуза // Сибирский психологический журнал. 2018. № 68. С. 131–142. DOI: 10.17223/17267080/68/8.

17. Юртаева М. Н., Глуханюк Н. С. Психологические характеристики толерантности человека к неопределённости // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 50–59.

REFERENCES

1. Borisenko E. M. [Tolerance to Uncertainty as a Professionally Significant Quality of a Doctor in Taking Medical Decisions]. In: *Nauchnyi forum: pedagogika i psikhologiya : sbornik statei po materialam konferentsii* [Scientific Forum: Pedagogy and Psychology : Collection of Articles Based on Conference Proceedings]. Moscow, 2020, pp. 58–62.

2. Vavakina T. S. [The problem of researching partnership in social psychology]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Irkutsk State University Bulletin. Series: Psychology], 2018, vol. 25, pp. 38–50. DOI: 10.26516/2304-1226.2018.25.38.

3. Vrublevskaya O. A. [On the essence of the concept “social interaction” in scientific research]. In: *Sibirskii zhurnal nauki i tekhnologii* [Siberian Journal of Science and Technology], 2006, no. 5 (12), pp. 60–65.

4. Gefele O. F., Sveshnikova L. M. [Tolerance to Uncertainty as a Factor in the Formation of Emotional Burnout in Educational Psychologists of Social Service Institutions for Families with Children]. In: *Innovatsionnoe razvitie* [Innovative development], 2018, no. 9 (26), pp. 87–90.

5. Znakov V. V. [Understanding of the impossible events as a problem of psychology of human being]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal)], 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

6. Kornilova T. V. [Psychology of Uncertainty: Unity of Intellectual and Personal Regulation of Decisions and Choices]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2013, vol. 34, no. 3, pp. 89–100.

7. Kornilova T. V. [Uncertainty Tolerance and Emotional Intelligence in Decision Making under Prompt Conditions]. In: *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2014, vol.

11, no. 4, pp. 19–36

8. Korol' N. V. [Study of the relationship between the temporal perspective of students personality and tolerance to uncertainty]. In: *Donetskieskie chteniya 2019: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: sbornik materialov IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Donetsk Readings 2019: Education, Science, Innovation, Culture and Modern Challenges: Proceedings of the IV International Scientific Conference]. Donetsk, Dagestan State University Publ., 2019, pp. 292–295.

9. Lazyuk I. V., Beloglazova Yu. A. [Cognitive Styles and Uncertainty Tolerance as Factors of Students Integration into Higher Education]. In: *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2020, vol. 9, no. 4 (33), pp. 343–348. DOI: 10.26140/anip-2020-0904-0078.

10. Laktionova A. I. ["Human resilience" in the structure of psychological concepts]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological sciences], 2010, no. 3, pp. 11–15.

11. Lifintsev D. V., Serykh A. B., Lifintseva A. A. [Tolerance to uncertainty in the context of social support: gender specificity in the youth environment]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2017, no. 2 (26), pp. 98–105. DOI: 10.11621/npj.2017.0211

12. Lyubachevskaya E. A. [Uncertainty Tolerance as a Personal Phenomenon]. In: *Akmeologiya* [Acmeology], 2013, no. 3 (47), pp. 78–80.

13. Ryabinkina A. N. [Tolerance to uncertainty in students]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2018, no. 1(78), pp. 295–297

14. Titova O. I. [Tolerance to Uncertainty as a Factor of Social Interaction of Law Enforcement Officers]. In: Borisova N. V., Volovikova M. I., Zhuravlev A. L., eds. *Individual'noe, natsional'noe i global'noe v soznanii sovremennogo cheloveka: novye idei, problemy, nauchnye napravleniya* [Individual, national and global in contemporary person: new ideas, problems, scientific directions]. Moscow, Institute of Psychology RAS, 2020, pp. 448–455. DOI, 10.38098/univ.2020.55.72.033.

15. Titova O. I. [Gender and Uncertainty Tolerance as Factors of Interaction in the Activities of Police Officers]. In: *Chelovecheskii kapital* [Human capital], 2020, no. 12(144), pp. 191–202. DOI: 10.25629/HC.2020.12.19.

16. Titova O. I. [Tolerance to Uncertainty as a Factor of Attitude to Business Interaction in the Context of Development in University Students General Cultural Competencies]. In: *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 2018, no. 68, pp. 131–142. DOI: 10.17223/17267080/68/8.

17. Yurtaeva M. N., Glukhanyuk N. S. [Psychological characteristics of uncertainty tolerance in a person]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2012, vol. 33, no. 6, pp. 50–59.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 28.02.2021

Статья размещена на сайте: 24.03.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Титова Ольга Ивановна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России; доцент кафедры психологии Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева; e-mail: 944058@mail.ru

Ol'ga I. Titova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Department of Psychology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail: 944058@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Титова О. И. Толерантность к неопределённости в социальном взаимодействии: анализ взаимосвязей и факторной структуры // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Titova O. I. Tolerance to uncertainty in social interaction: analysis of relationships and factor structure. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 81.33

Князьков Д. А., Семина Т. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ (ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ)

АННОТАЦИЯ

Цель. Проверка гипотезы о возможности применения результатов анализа тональности при экспертизе текста.

Процедура и методы. Во время исследования был собран корпус песенных текстов конкурса «Евровидение», из которых были автоматически извлечены тональные лексические единицы и посчитана общая тональность композиции. Показатели тональности были оценены при помощи базовых критериев статистики. Собранные результаты были проанализированы с точки зрения их информативности для лингвистической экспертизы.

Результаты. На основе анализа извлечённых лексем и анализа текстов композиций удалось показать преимущества выделения тональных единиц перед проведением лингвистической экспертизы текста.

Теоретическая и / или практическая значимость. В статье сформулированы предложения по работе со сложностями, которые возникают при проведении анализа тональности песенных текстов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

анализ тональности, лингвистическая экспертиза, извлечение мнений, песенный дискурс, субъективность, песня

СТРУКТУРА

Введение

Тональность как языковая категория

Эксперимент

Тональные единицы в лингвистической экспертизе

Заключение

D. Knyazkov, T. Semina

Moscow Region State University

24 Very Voloshinai ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

SENTIMENT LEXEMES PROCESSING IN SONG DISCOURSE (EXPERIMENT IN LINGUISTIC EXPERTISE)

ABSTRACT

Aim. The purpose of the research is to prove the hypothesis about the possibility of applying sentiment analysis results to linguistic expertise.

Methodology. A corpus of song texts of the “Eurovision Song Contest” was collected, sentiment lexical units were automatically extracted from it and the overall sentiment of the composition was calculated. Sentiment scores were assessed using basic statistical criterion. The collected results were analyzed from the point of view of their applicability for linguistic expertise.

Results. The analysis of the extracted lexemes and the analysis of the texts of the compositions showed the advantages of sentiment units extraction before the linguistic expertise of the text.

Research implications. The article formulates suggestions for dealing with the difficulties that arise in the course of song texts sentiment analysis.

KEYWORDS

sentiment analysis, linguistic expertise, opinion mining, song discourse, subjectivity, song

ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика накопила богатый исследовательский инструментарий. Используя его, лингвист-эксперт анализирует спорное речевое произведение и создаёт аргументированное заключение, опираясь на всё разнообразие теоретико-методологической базы знания о языке и способах его использования в речи [9, с. 348].

Песенный дискурс нередко становится объектом исследования в современной лингвоэкспертной практике [1; 4; 11]. В научных работах песенный дискурс традиционно определяют как синтез вербальных и музыкальных (невербальных) компонентов, являющийся продуктом и посредником социальной, культурной и политической коммуникации [5, с. 143; 9; 6]. Песни содержат уникальные музыку, ритм, слова, поэтому разнообразные тематические особенности песенных композиций служат не только актуализатором смыслов и функций, но и одним из критериев выделения его жанров [5, с. 143; 9, с. 248]. Отметим особенности проявления последних в песнях, отбираемых на «Евровидение».

Конкурс песни «Евровидение» – это ежегодное музыкальное мероприятие, которое начинается с региональных и национальных отборов внутри каждой страны-участницы и заканчивается трансляцией в прямом эфире по

всей Европе и за её пределами [13, p. 239]. Песня, исполняемая на «Евровидении», должна восприниматься как творческая, опосредованная, ритуальная, перформативная, повествовательная и описательная единица, которая фиксирует в себе историю, нацию, коллективность в установленных правилах конкурса – «продолжительностью не более трёх минут» [17, p. 3]. Ф. Болман отмечает, что песня «Евровидения» – это не конкретный жанр, а результат творческих подходов, где исполнители, авторы песен и продюсеры становятся представителями национальной культуры страны, они находятся в русле исследования и развития данного популярного жанра композиции и используют различные вербальные и невербальные приёмы с целью завоевать внимание адресатов и выиграть конкурс [13, p. 239].

Часто песни музыкального конкурса «Евровидение» могут содержать и передавать больше смысла, чем обычное музыкальное произведение: это объясняется наличием эмоционально-экспрессивной лексики и использованием эксплицитной и имплицитной формы передачи информации [13, p. 241]. Зарубежные исследователи подчёркивают один важный аспект: все произведения конкурса проходят тщательную проверку перед ежегодным соревнованием. Песенный текст становится объектом исследования в лингвистической экспертизе, которая проводится лингвистами и организаторами мероприятия: в невербальном компоненте (музыкальном сопровождении) проверяют наличие плагиата и связь с другими музыкальными произведениями [12; 13; 17]. Песенные тексты «Евровидения» обладают различными характеристиками: фонетическими, лексико-стилистическими, синтаксическими средствами выразительности, приёмами речевого воздействия, словами-сигналами [2; 4]. Они взаимодействуют между собой с единой целью – композиция должна понравиться зрителям, которые отдадут свои голоса и обеспечат ей достойное место в финале конкурса. Это объясняет научный интерес в лингвистике к исследованию речевых произведений песенного дискурса конкурса «Евровидение».

ТОНАЛЬНОСТЬ КАК ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Тональность – языковая категория, включающая в себя оценку, позицию, эмоции и действия, оказывающие положительное или отрицательное влияние на объект. Стоит отметить, что подразумевается не коммуникативная тональность, которая в трактовке В. И. Карасика описывается как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [3, с. 99], а тональность в рамках её автоматического анализа.

Анализ тональности оформился как самостоятельное направление компьютерной лингвистики в начале XXI в. [8]. В ходе развития этого направления появлялись новые подходы к её анализу, разрабатывались специаль-

ные лингвистические ресурсы и менялось само понимание тональности: от балльной оценки до так называемых критериев “good for / bad for events”, выражающих фактическую, неоценочную тональность [7].

Анализ тональности проводят на текстах кинокритик, отзывов, твитов, блогов, новостных и аналитических статей для автоматического выделения или извлечения мнений из текстов. Основными компонентами тональных отношений являются субъект или источник мнения, объект или цель, а также полярность тональности – именно эти компоненты обычно ищутся в тексте. Тональность охватывает широкий спектр субъектно-объектных отношений, которые могут характеризоваться разными типами связи, например:

- субъект может оценивать объект [16];
- субъект может описывать чувства, которые вызывает у него объект [18];
- субъект может совершить действие, которое положительно или отрицательно сказалось на объекте (фактическая информация) [14].

Тональные единицы (лексемы и словосочетания, эксплицитно выражающие тональность) фиксируются в тональных лексиконах, в которых может отдельно указываться тип единицы, часть речи, связь с понятием в тезаурусе. Такого рода лексиконы создаются преимущественно для задач автоматической обработки естественного языка. Поэтому, например, для английского языка представлено большое число различных лексиконов, в том числе для текстов разных жанров. Самым большим по объёму можно назвать лексикон “SentiWords”, созданный L. Gatti, M. Guerini и M. Turchi [15]. Этот лексикон автоматически собран из “SentiWordNet”, доступного в библиотеке “Natural Language Toolkit” (“NLTK”) расширения тезауруса “WordNet”, объёмом более 150 тысяч лексем. У некоторых из них указана и нулевая тональность.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Для проведения эксперимента была разработана система подсчёта тональных лексем в текстах на английском языке. Объём корпуса составил 46 песенных текстов конкурса «Евровидение»: выбирались песни, занявшие первые три места в зрительском голосовании начиная с 2001 г. Программная часть разрабатывалась на языке “Python 3” с применением библиотеки “NLTK”. Для каждого текста получены три показателя: “SentScore” (доля тональных единиц в тексте), “PosScore” (доля положительных единиц среди тональных) и NegScore (доля отрицательных единиц среди тональных). Далее в исследовании были отмечены списки обнаруженных тональных единиц.

В качестве тонального лексикона использовался лексикон субъективных единиц, разработанный в Питтсбургском университете¹. Объём этого лексикона составляет 7629 тональных единиц, где 2718 положительных и 4911 отрицательных.

¹ Subjectivity Lexicon // Multi-Perspective Question Answering [сайт]. URL: https://mpqa.cs.pitt.edu/lexicons/subj_lexicon (дата обращения: 28.07.2020).

Субъективная единица не в полной степени эквивалентна тональной, но, т. к. особенности песенного дискурса позволяют выполнять только анализ субъективных лексических единиц, фактическая лексика в текстах не будет широко представлена, поскольку песня как жанр направлена в большей степени на выражение эмоций человека. Для предварительной обработки текста проводилась лемматизация (приведение слова к нормальной форме) при помощи инструмента “WordNetLemmatizer” из NLTK. Повторы тональных единиц не исключались из работы.

В таблицах 1 и 2 представлены доли тональных единиц в тексте, а также разница между положительным и отрицательным показателем тональности. Для данной величины брался модуль значения.

Таблица 1 / Table 1

Результаты анализа для текстов с преобладающей положительной тональностью / Analysis results for the texts with prevailing positive sentiment

Название файла	SentScore	PosScore - NegScore	Название файла	SentScore	PosScore - NegScore
den_2010	0,09375	0	swe_2015	0,175824176	0,33
ukr_2016	0,157894737	0	nor_2019	0,139917695	0,35
tur_2003	0,133531157	0,02	lat_2002	0,11965812	0,38
gre_2008	0,153024911	0,07	mal_2002	0,216027875	0,42
aze_2009	0,146341463	0,07	uk_2002	0,217777778	0,43
bul_2017	0,162561576	0,09	est_2001	0,093681917	0,44
pol_2016	0,176470588	0,11	gre_2005	0,162698413	0,46
gre_2011	0,192307692	0,12	aze_2013	0,084745763	0,5
ukr_2004	0,112195122	0,13	gre_2001	0,128205128	0,6
mal_2005	0,165605096	0,15	rus_2015	0,118721461	0,62
austria_2014	0,111111111	0,24	tur_2009	0,194444444	0,64
ukr_2008	0,180811808	0,27	ger_2010	0,152173913	0,64
est_2002	0,235772358	0,31	ukr_2013	0,128378378	0,79
rus_2016	0,096666667	0,31	swe_2011	0,200772201	0,81
rus_2006	0,128834356	0,33	swe_2012	0,129411765	1
tur_2010	0,1	0,33			

Источник: данные авторов.

В таблице 1 внесены и случаи, в которых разница между положительной и отрицательной тональностью равна нулю, то есть в текстах таких песен представлено одинаковое количество положительных и отрицательных тональных слов. Один из представленных результатов имеет показатель разницы, равный единице, то есть в нём были найдены только положительные слова. Размах для данных положительной тональности (без учёта первых двух случаев, которые, скорее, являются нейтральными) равен 0,98 (если не учитывать последний случай – 0,79). Результат, полученный для композиции Швеции 2012 г., скорее, является статистическим выбросом, возникшим из-за малого числа найденных тональных слов (всего 1 лексическая единица на композицию), и этот показатель выбивается из числа других, потому что при сортировке по разнице между тональностями наблюдается плавный рост показателя, что не произошло для данного текста песни. В связи с этим, из дальнейших расчётов этот показатель будет убран.

Таблица 2 / Table 2

Результаты анализа для текстов с преобладающей отрицательной тональностью / Analysis results for the texts with prevailing negative sentiment

Название файла	SentScore	PosScore - NegScore	Название файла	SentScore	PosScore - NegScore
rus_2008	0,130952381	0,03	neth_2014	0,123595506	0,27
nor_2009	0,186206897	0,04	mol_2017	0,076190476	0,33
arm_2014	0,136363636	0,07	den_2013	0,083056478	0,44
fin_2006	0,2	0,09	rus_2007	0,15625	0,47
den_2001	0,179487179	0,18	gre_2004	0,31443299	0,54
rom_2005	0,164251208	0,24	neth_2019	0,125	0,68
isr_2018	0,108187135	0,24	cyp_2018	0,042622951	0,69
aze_2011	0,152073733	0,27			

Источник: данные авторов

В таблице 2 подобных выбросов не было, размах равен 0,63. Минимальные значения в таблицах практически равны (0,02 и 0,03), в то время как разница между максимальными значениями составила 0,12. Медиана для положительных текстов тоже выше (0,33), в то время как для отрицательных она составила 0,27.

Эти данные наряду с преобладанием общего числа положительных текстов над отрицательными, могут являться показателем стремления кон-

курсантов к выбору текстов песен с вербально выраженной положительной окраской для создания у слушателей желания проголосовать за музыкальную композицию.

ТОНАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Проведённый эксперимент и анализ полученных данных показывает, что применение анализа тональных единиц может осуществляться в лингвистической экспертизе спорных речевых произведений. А. Н. Баранов подтверждает, что приёмы речевого воздействия – это объект исследования лингвистической экспертизы текста [1, с. 174]. Так, одним из приёмов суггестии, который часто фиксируется в различных дискурсивных практиках при проведении экспертной работы, является введение адресата в отрицательно или положительно оцениваемый контекст / ассоциативный ряд [1, с. 179]. Система подсчёта тональных лексем в конкурсных песенных текстах «Еurovision» на английском языке позволяет выделить не только положительные или отрицательные тональные единицы, но и связать их с тематической направленностью композиции. Так, «Топ-3» произведений «Еurovision» XXI века содержит различные тематические направленности: любовь, несчастная любовь, трудная жизненная ситуация, религия, слава, секс, вечеринка (торжество), политика. Эксперимент по применению тонального лексикона субъективных единиц с тремя показателями (“SentScore”, “PosScore” и “NegScore”) позволил выделить основные слова-сигналы, которые используются в лингвистической экспертизе текста при определении тематики или дискурсивной практики рассматриваемого речевого произведения. Например, песенные тексты, в которых программа выделила тональные лексические единицы “love”, “game”, “ill”, “hurt”, “lonely”, “cry”, “sick”, “lie”, “mistake”, “wrong”, “miss”, “hate”, “drama”, “pain”, “kiss”, относятся к тематической направленности «любовь» и «несчастливая любовь». Схожая лексическая организация продемонстрирована в тематической направленности «трудной жизненной ситуации», однако слова “love”, “lover”, “loved”, “loving” встречаются редко (Malta-2005, Ukraine-2013, Poland-2016). Обычно лексемы “love” и “kiss” выражены с помощью метафоры или олицетворения в тематике «трудной жизненной ситуации» как эффективные приёмы речевого воздействия: “Love will come through”, “When there is no love in your heart”, “What if it’s all in one kiss”, “Nothing comes from love but love / Why is it growing stronger?”².

В религиозной тематике победной композиции “Hard Rock Hallelujah” (Finland-2006) наша программа отметила следующие тональные слова-сигналы: “angel”, “saint”, “light”, “true”, “faith”, “awe”, “straight” и др. (положительные); “demon”, “hard”, “lost”, “down”, “moon”, “false”, “hell” и др. (отрицательные). Такое разнообразие тональных единиц в песенной композиции позволяет не толь-

² Eurovision Song Contest [Электронный ресурс]. URL: <https://eurovision.tv> (дата обращения: 28.07.2020).

ко определить тематическую направленность речевого произведения, но и зафиксировать различные приёмы речевого воздействия при проведении лингвистической экспертизы.

Песенный текст "Song #1" (Russia-2007) содержит определённые тональные единицы, которые характерны для тематической направленности «секс»: "sexy", "ready", "funny", "dirty", "kick", "freak", "tease", "bad", "bitch", "nasty", "slow" и др. В приведённом лексическом ряде можно выделить инвективу "bitch", которая запрещена правилами конкурса³. Однако, программа не выделила другую инвективу в речевом акте данной композиции: "My bad ass spinnin' for you". В данном случае лексема "ass" имеет несколько значений: 1 – осёл; 2 – глупый человек; 3 – часть тела, на которой сидит человек (ягодицы, попа)⁴. Таким образом, программа определила лексему "ass" в её первом нейтральном значении. При проведении лингвистической экспертизы текста необходимо обращаться к исходному материалу для проверки многозначных слов и выражений, которая программа может «пропустить».

В песенных текстах конкурса «Евровидения» о «славе» (Ukraine-2008, Sweden-2001) программа выделила основные слова-сигналы: "ready", "steady", "star", "light", "desire", "popular", "will", "want", "impossible", "fight" и др. Однако программа зафиксировала сравнительные обороты и определила их в качестве положительных лексем: "Shady lady – I'm gonna strike like thunder"⁵. Такая тенденция прослеживается и в других песенных текстах разных тематических направленностей: "Sometimes I'm acting like a lady" (Greece-2008), "The walls come down like thunder" (Finland-2006), "You make me feel just like I should" (Turkey-2003), "Rise like a phoenix" (Austria-2014) и др. Поэтому лексема "like" требует дополнительного анализа в ходе проведения лингвистической экспертизы. Кроме того, анализ речевых актов, в которых содержится сравнение как средство выразительности и приём речевого воздействия, может быть ускорен предшествующим ему процессом автоматической обработки речевого произведения. Квантитативные методы для отметки частотности использования данного феномена языка позволяют посчитать количество лексем в приведённой лингвистической категории в рассматриваемых текстах.

В композициях политической тематики "Million voices" (Russia-2015) и "1944" (Ukraine-2016) программа в ходе эксперимента выявила лексические (тональные) единицы, большинство из которых являются положительными: "dream", "peace", "hope", "love", "shine", "heart", "humanity", "free", "live"⁶. Особен-

³ Rules // Eurovision Song Contest : [сайт]. URL: https://www.ebu.ch/files/live/sites/ebu/files/Publications/EBU_ESC2014_RULES_EN.pdf (дата обращения: 26.07.2020).

⁴ Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения: 30.07.2020).

⁵ Eurovision Song Contest [Электронный ресурс]. URL: <https://eurovision.tv> (дата обращения: 28.07.2020).

⁶ Eurovision Song Contest [Электронный ресурс]. URL: <https://eurovision.tv> (дата обращения: 28.07.2020).

ность зафиксированных лексических единиц политической направленности текста заключается в том, что они являются частотными для всех других конкурсных песен с разными темами.

Словами-сигналами в победной композиции "Everybody" (Estonia-2001) тематической направленности «вечеринка (торжество)» являются тональные единицы "dance", "night", "heart", "light", "live" и "laugh". Концентрированное повторение той или иной информации в лингвистической экспертизе песенного текста – это эффективный приём речевого воздействия в различных видах дискурса (реклама, песня, политические дебаты, СМИ и др.) [1, с. 222].

Таким образом, при исследовании речевых произведений анализ тональности позволяет выявить приёмы суггестии, использованные для создания положительного или отрицательного контекста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании при комплексном анализе песенных текстов конкурса «Евровидение» был использован совершенно новый подход, который может применяться в экспертной работе лингвиста. Во-первых, применение анализа тональных лексических единиц в лингвистической экспертизе речевых произведений позволяет упростить выявление тематической направленности композиции. Во-вторых, анализ тональных единиц фиксирует частотные положительные или отрицательные лексемы, которые формируют приёмы речевого воздействия (введение в отрицательно или положительно оцениваемый контекст / ассоциативный ряд, концентрированное повторение информации, феномены языка и речи: сравнение, метафора, олицетворение, инвективы). Наконец, особенности песенного дискурса позволяют использовать в качестве тональных субъективные единицы, так как песенный текст – это жанр, направленный в большей степени на выражение эмоций адресанта.

Исследование языка тональности в конкурсных песенных текстах показало, что победная композиция "1944" (Ukraine-2016) является нейтральной, а "Euphoria" (Sweden-2012) – наиболее положительной с точки зрения представленных в текстах тональных единиц. В целом, большинство победных произведений отмечены наибольшим количеством лексических единиц, в которых использованы положительные или отрицательные лексемы.

В ходе проведения эксперимента и последующего анализа полученных данных удалось выделить и ряд ограничений, с которыми сталкивается такого рода анализ. Самым главным является необходимость проведения дизамбигуации или снятия неоднозначности, что, к сожалению, не всегда возможно. В работе упоминалась лексема "like", трактуемая системой как положительная тональная единица, но в текстах было несколько примеров нейтрального предлога "like". Подобные случаи нужно проверять вручную, или же для наиболее частотных лексем нужно прописать дополнительные

правила, которые будут предварительно устанавливать часть речи. Для многозначных слов, чьи значения в рамках одной части речи имеют разную тональность, могут применяться методы разрешения многозначности и установления тональности с использованием тонального тезаурус, однако, это значительно усложнит проведение анализа. Другой проблемой является выбор подходящего тонального лексикона.

Анализ тональности позволяет зафиксировать языковые параметры, которые зачастую становятся объектом исследования в прагмалингвистике и лингвистической экспертизе текста. Применение такого подхода в научном исследовании раскрывает дальнейшие перспективы для автоматической обработки текстовых массивов разных речевых произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2018. 591 с.
2. Валуццева И. И., Князьков Д. А. Фонетические способы оформления текста как приёмы речевого воздействия песенного дискурса (на примере композиций конкурса Евровидение XXI века) // Вопросы прикладной лингвистики, 2020. № 1 (37). С. 29–53.
3. Карасик В. И. Коммуникативная тональность // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2008. №. 10. С. 99–109.
4. Князьков Д. А. Имплицитная информация песенного текста (на примере композиции "Non mi avete fatto niente") // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал), 2019. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.
5. Потапчук М. А. Песенный дискурс как коммуникативный процесс // Вестник Челябинского государственного университета, 2013. № 2 (293). Вып. 74. С. 140–143.
6. Самохин И. С. Слова-сигналы различных видов эмоциональной модальности в дискурсе поп-музыки 1970-х гг. (на материале англо- и русско-язычных песенных текстов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 232 с.
7. Семина Т. А. Анализ выражения мнения в письменном политическом медиадискурсе // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал), 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.
8. Семина Т. А. Анализ тональности текста: современные подходы и существующие проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. С. 47–63.
9. Чернышова Т. В. Возможности лингвистической экспертизы в аспекте анализа дискурса (из опыта работы Ассоциации лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис») // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании. Организационная коммуникация – 2016: материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 7–9 апреля 2016 г. / отв. ред. О. В. Терещенко. Минск: Издательский центр БГУ, 2016. С. 289–292.

10. Шевченко О. В. Тематическое своеобразие песенных текстов как способ реализации функции жанров песенного дискурса // Известия РГПУ имени А. И. Герцена, 2009. № 115. С. 242–248.
11. Юкина Е. Ю. Семантико-стилистические особенности текстов английских и русских песен периода Второй мировой войны // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал), 2019. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru
12. Björnberg A. *Made in Sweden: Studies in Popular Music*. 1st edition. Abingdon: Routledge, 2016. 266 p. (Routledge Global Popular Music Series).
13. Bohlman V. P. *Eurovision Song* // *Bloomsbury Encyclopedia of Popular Music of the World, Volume XI: Genres: Europe*. Bloomsbury Academic, 2017. P. 239–241.
14. Deng L., Choi Y., Wiebe J. Benefactive / malefactive event and writer attitude annotation // *Proceedings of the 51 st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 2: Short Papers)*, Sofia: Association of Computational Linguistics, 2013. P. 120–125.
15. Gatti L., Guerini M., Turchi M. SentiWords: Deriving a high precision and high coverage lexicon for sentiment analysis. // *IEEE Transactions on Affective Computing*, 2016. P. 409–421.
16. Pang B., Lee L. Opinion mining and sentiment analysis // *Foundations and Trends in Information Retrieval*, 2008. T. 2. №. 1–2. P. 1–135.
17. Tragaki D. *Empire of Song: Europe and Nation in the Eurovision Song Contest (Europea: Ethnomusicologies and Modernities Book 15)*. Lanham, Toronto, Plymouth, Scarecrow Press, 2013. 336 p.
18. Wiebe J., Wilson T., Cardie C. Annotating expressions of opinions and emotions in language // *Language Resources and Evaluation*. 2005. Volume 39. № 2–3. P. 165–210.

REFERENCES

1. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika* [Linguistic text expertise: theory and practice]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2018. 591 p.
2. Valuitseva I. I., Knyazkov D. A. [Phonetic methods of text presentation as speech impact techniques of song discourse (based on compositions of the Eurovision song contest of the 21st century)]. In: *Voprosy prikladnoi lingvistiki* [Issues of applied linguistics], 2020, no 1 (37), pp. 29–53.
3. Karasik V. I. [Communicative tonality]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Current issues in philology and pedagogical linguistics], 2008, no. 10, pp. 99–109.
4. Knyazkov D. A. [Implicit information of the song text (based on the composition "Non mi avete fatto niente")]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2019, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.
5. Potapchuk M. A. [Song discourse as a communicative process]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state University], 2013, no. 2 (293), pp. 99–109.

6. Samokhin I. S. *Slova-signaly razlichnykh vidov emotsional'noi modal'nosti v diskurse pop-muzyki 1970-kh gg. (na materiale anglo- i russkoyazychnykh pesennykh tekstov) : dis. ... kand. filol. nauk* [Words-signals of various types of emotional modality in the pop music discourse of the 1970s: (based on the material of English and Russian-language song texts) : PhD Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2010. 232 p.
7. Semina T. A. [Analysis of expression of opinion in written political media discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.
8. Semina T. A. [Sentiment analysis: Modern approaches and existing problems]. In: *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie. Referativnyi zhurnal* [Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Series 6: Language. Abstract journal], 2020, no. 4. pp. 47–63.
9. Chernyshova T. V. [The possibility of linguistic expertise in the aspect of discourse analysis (based on works of the Association of linguists-experts, "Lexis")]. In: *Kommunikatsiya v sotsial'no-gumanitarnom znanii, ekonomike, obrazovanii. Organizatsionnaya kommunikatsiya – 2016: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 7–9 aprelya 2016 g.* [Communication in social and humanitarian knowledge, economics, education. Organizational Communication – 2016: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Minsk, April 7–9th, 2016]. Minsk, Publishing Center of Belarusian State University, 2016, pp. 289–292.
10. Shevchenko O. V. [Thematic originality of song texts as a way to implement the function of song discourse genres]. In: *Izvestiya RGPU imeni A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences], 2009, no. 115, pp. 242–248.
11. Yukina E. Y. [Semantic and stylistic features of English and Russian songs texts of the Second World War]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow Region State University (electronic journal)], 2019, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru.
12. Björnberg A. *Made in Sweden: Studies in Popular Music*. 1st edition. Abingdon: Routledge, 2016. 266 p. (Routledge Global Popular Music Series).
13. Bohlman V. P. Eurovision Song. In: *Bloomsbury Encyclopedia of Popular Music of the World*, 2017, volume XI: Genres: Europe. Bloomsbury Academic, pp. 239–241.
14. Deng L., Choi Y., Wiebe J. Benefactive / malefactive event and writer attitude annotation. In: *Proceedings of the 51st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2013, volume 2: Short Papers, pp. 120–125.
15. Gatti L., Guerini M., Turchi M. SentiWords: Deriving a high precision and high coverage lexicon for sentiment analysis. In: *IEEE Transactions on Affective Computing*, 2016, no. 7.4, pp. 409–421.
16. Pang B., Lee L. Opinion mining and sentiment analysis. In: *Foundations and Trends in Information Retrieval*, 2008, vol. 2, no. 1–2, pp. 1–135.

17. Tragaki D. Empire of Song: Europe and Nation in the Eurovision Song Contest (Europe: Ethnomusicologies and Modernities Book 15). Lanham, Toronto, Plymouth, Scarecrow Press, 2013. 336 p.

18. Wiebe J., Wilson T., Cardie C. Annotating expressions of opinions and emotions in language. In: *Language Resources and Evaluation*, 2005, vol. 39, no. 2–3, pp. 165–210.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 27.10.2020

Статья размещена на сайте: 17.03.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Князьков Дмитрий Александрович – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета; e-mail: mityabauer13@gmail.com

Семина Татьяна Алексеевна – ассистент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета; email: taniasemina@gmail.com

Dmitry A. Knyazkov – Postgraduate Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow Region State University; e-mail: mityabauer13@gmail.com

Tatiana A. Semina – Assistant Lecturer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow Region State University; e-mail: taniasemina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Князьков Д. А., Семина Т. А. Автоматическая обработка тональных единиц в песенном дискурсе (опыт лингвистической экспертизы) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Knyazkov D., Semina T. Sentiment lexemes processing in song discourse (experiment in linguistic expertise). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: evestnik-mgou.ru

УДК 81.23

Мазирка И. О., Митюшина М. С.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ВЕРБАЛЬНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ ИНДИВИДУАЦИИ ПО К. Г. ЮНГУ ПОСРЕДСТВОМ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

АННОТАЦИЯ

Цель. Показать возможную вербализацию понятия К. Г. Юнга «индивидуация» посредством фразеологических единиц (ФЕ) английского языка, составляющих семантические микрополя с архисемой “*individuation*”.

Процедура и методы. В исследовании описательным методом и методом анализа семантического поля выделяются и характеризуются посредством ФЕ микрополя с архисемой “*individuation*”, представляющей собой отражение процесса раскрытия потенциала развития личности и её самореализации.

Результаты. Авторами впервые предлагаются ФЕ, семантическое содержание которых способствует более глубокому и многогранному раскрытию юнговского понятия индивидуации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Анализ юнговского понятия «индивидуация», проведённый посредством использования ФЕ английского языка, отобранных методом сплошной выборки для описания этого понятия, показал, что такой подход к изучению личности и её развития является одним из способов более полного и глубокого её исследования. Кроме того, проведённое исследование вносит определённый вклад в дальнейшую работу над разрешением актуальных проблем современной науки о категоризации знаний о структуре психики личности посредством лингвистического знания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

фразеологические единицы, К. Г. Юнг, индивидуация, вербальная презентация, личность

СТРУКТУРА

Введение

Юнговское понятие «индивидуация»

ФЕ как средство описания понятия «индивидуация»

Коллективное и личное

Две половинки жизни

Заключение

I. Mazirka, M. Mityushina

Moscow Region State University,
24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

VERBAL PRESENTATION OF THE C. JUNG'S CONCEPT OF INDIVIDUATION BY THE MEANS OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS

ABSTRACT

Aim is to show the possible verbalization of the concept of C. G. Jung "individuation" through phraseological units (PhU) of the English language that make up the semantic microfields with the archisema "individuation".

Methodology taken in the study are the descriptive method and method of analysis of the semantic field, stand out and are characterized, through PhU, microfield with the archisema "individuation", which is a reflection of the process of unlocking the potential of personal development and self-realization.

Results. For the first time, the authors offer PhU, the semantic content of which contributes to a deeper and more multifaceted disclosure of the Jung concept of individuation.

Research implications. An analysis of Jung's concept of "individualization" conducted through the use of PhU in English, selected by a continuous sample to describe this concept, showed that this approach to the study of personality and its development is one of the ways in a more complete and deeper study of it. In addition, the study contributes to further work on the solution of the current problems of modern science on the categorization of knowledge about the structure of the personality through linguistic knowledge.

KEYWORDS

phraseological units, C. Jung, individuation, verbal presentation, personality

ВВЕДЕНИЕ

В исследовании была предпринята попытка вербально представить процесс индивидуации личности, где этот термин будет пониматься нами согласно определению К. Г. Юнга. Вопросы, которыми занимаются исследователи таких научных дисциплин, как психология личности, социология и медицина (в частности, психиатрия), давно представляют взаимный интерес не только для специалистов этих областей знания, но и для лингвистов и философов. Познание личности и законов её всестороннего развития практически невозможны без обращения к лингвистическому и психолингвистическому исследованиям данных из упомянутых нами дисциплин [6, с. 52; 7, с. 59]. С помощью метода семантического поля в работе было сформировано фразеосемантическое макро-поле с центральной архисемой "individuation", включившее в себя такие микро-поля, как "development", "self-knowledge", "integrity", "freedom", которые объединили в себе англоязычные фразеологические единицы, подобранные методом сплошной выборки из англоязычных фразеологических и идиоматических словарей, с целью вербально охарак-

теризовать вышеупомянутый процесс (индивидуацию) и показать связь психического и лингвистического в личности.

Актуальность данного исследования детерминирована стабильно повышенным общелингвистическим интересом как к фразеологии, так и к психологическим аспектам формирования личности. Мы предполагаем, что посредством фразеологических единиц процессы формирования и развития личности могут быть охарактеризованы ярче и точнее, чем посредством лексических.

Материалами исследования послужили англоязычные фразеологические единицы, характеризующие процесс индивидуации согласно теории К. Г. Юнга. Они отобраны методом сплошной выборки из четырёх идиоматических, а также фразеологических, англоязычных, электронных словарей и большого англо-русского фразеологического словаря.

Исследование было реализовано в алгоритмическом порядке. В первую очередь, на основе изученных трудов по юнгианской психологии было дано определение понятию «индивидуация» с психологической точки зрения. Далее методом сплошной выборки были подобраны ФЕ, описывающие данное понятие. Эти единицы, в свою очередь, были расформированы по смысловым группам с помощью метода семантического поля. В заключении были представлены выводы о проделанной работе.

ЮНГОВСКОЕ ПОНЯТИЕ «ИНДИВИДУАЦИЯ»

Концепция индивидуации занимает центральное место в аналитической психологии К. Г. Юнга. Согласно трудам учёного, именно индивидуация является центральным процессом человеческого развития [13, с. 103].

Определение юнговского термина «индивидуация» и описание его значения посредством привлечения лингвистического материала (нами были рассмотрены ФЕ) дают возможность глубже понять процесс самореализации личности. Даже после того, как понятие «индивидуация» стало признанным термином в мировой науке, сам К. Г. Юнг всё же предполагал, что это определение станет чем-то более объёмным, а именно будет одновременно связано с философской, мистической и духовной сферами человеческого существования [1, с. 8].

Само понятие «индивидуация» уходит корнями в XVII век, когда этот термин использовался применительно к человеку как к единичному в своём роде существу (индивиду). Это подтверждается мыслью о том, что «психологический индивид отличается своеобразной и, в известном отношении, уникальной, т. е. неповторяемой психологией. Своеобразие индивидуальной психики проявляется не столько в её элементах, сколько в её сложных образованиях» [12, с. 112]. В контексте исследований К. Г. Юнга индивидуация понимается как процесс становления личности. В отношении данного явления учёный применил ещё один элемент классической психологической парадигмы – он сво-

бодно переименовывал и переопределял в ограниченном объёме те термины, которые были применимы к данной работе, пытаясь наиболее точно представить понятие индивидуации [12, с. 185]. В самом широком смысле индивидуацию можно определить, как достижение самоактуализации посредством процесса интеграции сознательного и бессознательного [9, с. 16].

В 1948 г. при содействии К. Г. Юнга был основан Цюрихский институт (позднее названный именем учёного), сотрудники которого прицельно занимались изучением бессознательного, придавая исследованиям этого направления особую важность; а все изыскания учёных института базировались на юнгианской аналитической психологии, где прежде всего обращали внимание на первостепенную значимость научного рассмотрения двух вещей: индивидуальной психики человека и стремления индивида к формированию целостности своей личности. Так в постюнгианской аналитической науке возник и заявил своё право на существование ряд классических и архетипических научных школ, развивающихся согласно положениям исследований самого К. Г. Юнга, среди которых известный Центр исследований аналитической психологии им. К. Г. Юнга, основанный в 1988 г. в Брунswике, штате Мэн, США.

Один из современных постюнгианских исследователей Джеймс Холлис определяет индивидуацию как императив развития для каждого из нас, который предписывает достижение максимально возможной полноты личности в тех рамках, которые отпущены для нас судьбой [10, с. 69].

Изучение индивидуации невозможно без значимых архетипов. Более точное понимание сути этих понятий, предложенных и используемых самим К. Г. Юнгом, содержится в следующем определении: «архетип – это оригинальная модель человека, идеальный пример или прототип, по которому копируются, моделируются или подражают другие; символ, общепризнанный всеми. В психологии архетип – это модель человека, личности или поведения» [12, с. 115].

ФЕ КАК СРЕДСТВО ОПИСАНИЯ ПОНЯТИЯ «ИНДИВУАЦИЯ»

С лингвистической точки зрения, в любом языке упомянутая модель индивидуума может быть представлена семантическими полями фразеологических единиц, в которых могут содержаться и сведения об этимологии этих уникальных компонентов лексического состава языка [11, с. 27].

Отметим, что мы посчитали работу по формированию ФЕ в семантические поля при определении понятия *“individuation”* наиболее подходящей для нашего исследования, поскольку эти устойчивые обороты речи ближе всего связаны с сознательным и бессознательным в психике личности при описании её развития и деятельности.

Итак, приведём пример представления с помощью ФЕ в английском и русском языках жизни человека, стремящегося раскрыть и реализовать в процессе становления его как личности свой глубинный личностный по-

тенциал с учётом того, что индивидууму приходится сталкиваться с различными жизненными ситуациями, в том числе и трудностями и по возможности преодолевать их, а это порой оказывает огромное влияние на деятельность индивидуума, а именно на интенсивность его личностного роста и самоактуализацию.

Народная мудрость, изобилующая в своём лингвистическом выражении фразеологическими единицами, отражает процесс жизнедеятельности человека как сложный и трудоёмкий путь последнего, где бывают как сложные, так и радостные для индивидуума периоды существования. Вот как это представлено в английском и русском языках:

– ФЕ английского языка: *"life is not a bed of roses"; "life is not all cakes and ale"; "life is not all clear sailing in calm water"; "life is not all honey"; "ups and downs"; "a sandwich of good and bad"; "bear one's cross"; "life is made up of little things"*

– ФЕ русского языка: «жизнь прожить – не поле перейти»; «жизнь прожить – не море переплыть»; «жизнь – не мёд»; «жизнь полосатая: смотря в какую полосу попадёшь»; «у каждого свой крест»; «в жизни всякое бывает»¹ [2, с. 98; 4, с. 95].

Способность и желание личности оптимистически воспринимать жизнь способствуют тому, что даже неблагоприятные обстоятельства, с которыми сталкивается индивид, могут стать стимулом для его психологического, профессионального и социального роста, катализатором процесса раскрытия его глубинного потенциала и максимальной самореализации. Индивидуация в этом случае может вербализовываться такими «жизнеутверждающими» ФЕ как, например:

– ФЕ английского языка: *"it's a great life if you don't weaken"; "keep one's head above water"; "every dog has his day"; "fortune knocks at least once at every man's gate"; "it is always darkest before the dawn";*

– ФЕ русского языка: «нет жизни вечной»; «нет печали бесконечной»; «держаться хвост пистолетом»; «после ненастья приходит и счастье»; «будет и на нашей улице праздник»; «не всё ненастье», «проглянет и красное солнышко».

Размышления К. Г. Юнга о «самости» в процессе её познания, раскрытия и реализации её проявлений (это и есть процесс индивидуации) отличают юнговскую научно-аналитическую точку зрения от суждений представителей других психоаналитических школ. Исследователь использует «Я» как составляющую психики для описания своего понимания сущности индивидуума, которая формируется в процессе индивидуации последнего. Учёный преследует цель: дать подробное описание этому процессу, т. к., проходя через него, человек может реализовывать свой потенциал, добиваясь поставленной перед собой цели, и в итоге стать тем, кем он может быть в зависимости от своих способностей.

¹ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus : [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 09.07.2020).

Так индивидуация, согласно К. Г. Юнгу, описывает процесс самореализации индивидуума, его открытия и переживания относительно смысла и цели своей жизни; она является средством, с помощью которого человек находит себя и становится тем, кем он задуман быть. Индивидуация зависит от взаимодействия и синтеза противоположностей, например, сознательного и бессознательного, личного и коллективного, психики и сомы, божественного и человеческого, жизни и смерти.

Прежде чем перейти к нашему исследованию, считаем важным обозначить критерии определения ФЕ, а именно их формальные признаки:

- семантический признак, который сводится к идиоматичности ФЕ, «характеризующихся семантической спаянностью компонентов образования и непереводаемостью их буквальных значений»;

- признак бытования;

- функциональные признаки: коммуникативные и номинативные;

- стилистический признак – экспрессивность [8, с. 115].

Семантический критерий (семантика прототипа), то есть значение неидиоматической фразы или выражения, к которому восходит прототип, является основным источником значения идиомы. Например, английская идиома *“to lay out a red carpet”*² – «дать торжественный приём» содержит условно «положительную» сему «разложить красную дорожку». Таким образом, семантическое значение самого слова «индивидуация» может быть представлено посредством, например, английского литературного идиоматического выражения *“to raise (one’s) consciousness”*³, что означает «повышать уровень осознанности». Это выражение несёт в себе идею развития личности, её стремления к познанию и пониманию своих внутренних нужд, а также к раскрытию собственного внутреннего потенциала, который имеет все перспективы реализоваться в дальнейшем.

Значение идиомы также определяется такими экстралингвистическими факторами, как обычаи, традиции, суеверия, легенды, мифы и др., присущие одному или нескольким национальным социумам [3, с. 48]. Например, английское выражение *“Let it all burn with a blue flame!”*⁴ (русс. «Пусть всё горит синим пламенем!») означает, что человек потерял последнюю надежду устроить какое-либо дело должным образом и махнул на всё рукой. Это происходит тогда, когда индивидум «психологически опустошён». Поэтому целесообразно отметить, что «Индивидуация, которая определяется свойствами объекта внеязыковой действительности и отражается в сознании человека и фиксируется в значении языкового знака, выражается в функционировании

² The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 08.07.2020).

³ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 05.07.2020).

⁴ The Idioms. Largest Idioms Dictionary [сайт]. URL: <https://www.theidioms.com> (дата обращения: 18.07.2020).

языковой формы, в словарном определении, в словарном комментарии или в словарных ценностных метках» [10, с. 128].

Таким образом, словарные ярлыки могли бы служить критерием выделения ценностного компонента во фразеологическом значении слова «индивидуация». Так как индивидуация включает в себя само понятие «развитие личности» и стремление последней к своему совершенствованию, то этот процесс можно было бы представить следующими фразеологизмами:

- *“Learning light is not learning darkness”*⁵ – «Учение – свет, а неученье – тьма»;
- *“He who would catch fish must not mind getting wet”*⁶ – «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»;
- *“The early bird catches the worm”*⁷ – «Кто рано встаёт, тому Бог подаёт» и т. д.

Также отметим в контексте разбора индивидуации и её выражения посредством ФЕ такие положительные «условия» для личностного роста индивидуума (экстралингвистический фактор), как его физическое состояние (здоровье), присутствие у него бодрости духа и положительной энергетической заряженности, без которых трудно говорить о всестороннем и гармоничном развитии личности:

- *“to be hale and hearty (especially of old people) healthy and strong”* [9, с. 341]”; *“as healthy as a horse”*⁸ – «здоров как бык»;
- *“There is a sound mind in a sound body”*⁹ – «В здоровом теле – здоровый дух»;
- *“Temperance is the best physic”*¹⁰ – «Умеренность – мать здоровья»;
- *“Health and cheerfulness mutually beget each other”*¹¹ – «Здоровье и жизнерадостность рука об руку идут»;
- *“to be alive and kicking/well”*¹² – «жив и здоров, полон жизни».

Рассмотрим, к примеру, компоненты одной из приведённых идиом:

- 1) *“hale – partly from Middle English (northern) hale, from Old English hāl; partly from Middle English hail, from Old Norse heill – whole; free from defect, disease, or infirmity; retaining exceptional health and vigor”* [9, с. 15];
- 2) *“hearty – exhibiting vigorous good health”* [9, с. 15].

⁵ The Idioms. Largest Idioms Dictionary [сайт]. URL: <https://www.theidioms.com> (дата обращения: 18.07.2020).

⁶ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 11.07.2020).

⁷ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 11.07.2020).

⁸ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 09.07.2020).

⁹ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 18.07.2020).

¹⁰ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 18.07.2020).

¹¹ The Idioms. Largest Idioms Dictionary

¹² Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.07.2020).

Ценностные знаки, содержащиеся в лексикографическом значении идиомы, могут также являться критерием выделения её значения в целом (они содержатся в аллегории и аксиологически маркированных прилагательных, выражающих положительное или отрицательное значение (*хороший, добрый, приятный, жадный, грубый, агрессивный и т. д.*). Применительно к процессу индивидуации, можно сказать следующее: насколько больше индивид осознаёт себя через процесс самопознания и действует соответственно ему, настолько меньше становится пласт его личного бессознательного относительно коллективного бессознательного. Например:

*"bring to light"*¹³ – «выяснять»; *"become aware of"*¹⁴ – «отдавать себе отчёт в чём-либо»; *"to take black for white"*¹⁵ – «принимать чёрное за белое» (о неопытности человека) / лит. «принимать плохое за хорошее», *"to give a green light"*¹⁶ – дословно «дать зелёную улицу», лит. «дать зелёный свет» /, «создать особо благоприятные условия для свободного продвижения кого-то/чего-то или для реализации чего-то» [13, с. 12] – эти ФЕ содержат значение «предоставление возможности для развития личности»,

*"to see the red"*¹⁷ (дословно – «увидеть красного») – «стать очень злым»,

*"a bull in a china shop"*¹⁸ – «Как слон в посудной лавке» – отсутствие контроля индивидуума над своим собственным поведением и эмоциями.

Индивидуация, по мнению К. Г. Юнга, «создаёт условия в отношениях между его пациентом и аналитиком, для разреженных переживаний и трансформации «Я», которая иначе может и не произойти вовсе» [13, с. 85]. Концепция индивидуации является краеугольным камнем научных изысканий К. Г. Юнга. [13, с. 218], которую мы представим ниже посредством ФЕ.

КОЛЛЕКТИВНОЕ И ЛИЧНОЕ

К. Г. Юнг (1935) подчёркивал, что индивидуация требует от индивидуума интеграции элементов: как личного компонента, так и коллективного бессознательного. Причину невротических состояний своих больных учёный видел в том, что индивидум начинает отрицать прежде всего коллективное [8, с. 230]. Согласно цели нашей работы, эти процессы можно представить посредством ФЕ следующим образом: *"he that is born to be hanged shall never be drowned; every bullet has its billet"*¹⁹ – «от судьбы не уйдёшь» и *"contrary to popular opinion"* – «вопреки общепринятому мнению». При психотическом со-

¹³ PowerThesaurus.Idioms [сайт]. URL: <https://www.powerthesaurus.org> (дата обращения: 15.07.2020).

¹⁴ PowerThesaurus.Idioms [сайт]. URL: <https://www.powerthesaurus.org> (дата обращения: 15.07.2020).

¹⁵ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.the-free-dictionary.com/freedom> (дата обращения: 19.07.2020).

¹⁶ PowerThesaurus.Idioms [сайт]. URL: <https://www.powerthesaurus.org> (дата обращения: 15.07.2020).

¹⁷ PowerThesaurus.Idioms [сайт]. URL: <https://www.powerthesaurus.org> (дата обращения: 15.07.2020).

¹⁸ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.07.2020).

¹⁹ PowerThesaurus.Idioms [сайт]. URL: <https://www.powerthesaurus.org> (дата обращения: 15.07.2020)..

стоянии происходит отрицание личного, например, *"To see (notice) a mote in smb.'s eye and not to see a beam in one's own"*²⁰ – «в чужом глазу соринку видим, а в своём бревна не замечаем», *"None so deaf as those that won't hear"*²¹ – «Не тот глухой, кто глух, а тот, кто не желает слышать». При этом архетипическая инфляция может подавить и само Эго, например, сознательного и бессознательного, личного и коллективного, психики и соматики, божественного и человеческого, жизни и смерти. Например, *"It's easier to fool a crowd than one person"*²² – «Легче обмануть толпу, чем одного человека».

«Цель индивидуации состоит ни в чём ином, как в освобождении «я» от ложных оболочек личности, с одной стороны, и суггестивной силы изначальных образов – с другой» [8, с. 86].

ДВЕ ПОЛОВИНКИ ЖИЗНИ

Британский исследователь М. Фордхэм (1985) описал начало проявления индивидуации в период младенчества, а К. Г. Юнг, наоборот, рассматривал развитие этого феномена преимущественно во второй половине жизни человека. Именно в начале жизни внимание индивида больше сосредоточено на процессе расширения Эго и его «адаптации к коллективным нормам», например, к созданию личного социального статуса [12, с. 98] посредством ФЕ. Это может выглядеть, например, следующим образом: *"to take the helm"*²³ – «встать у руля», *"to be held in high esteem"*²⁴ – «быть в почёте», *"to reach for the moon / stars"*²⁵ – «достать до Луны / звёзд».

Вторая же половина жизни человека, по мнению учёного, связана с примирением индивидума с мыслью о неизбежности смерти [7, с. 102], что в контексте нашей работы может быть представлено следующим образом: *"Death when it comes will have no denial"*²⁶ – «смерть не скосит, придёт и спросит», *"at death's door"*²⁷ – «на смертном одре». Важно для человека в этот период его жизнедеятельности и удовлетворить своё сильное желание наконец-то обрести смысл жизни. Вербализация данного процесса через ФЕ может быть осуществ-

²⁰ Кунин А. В. Большой Англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд. М.: Живой язык, 1998. 944 с. С. 392.

²¹ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 19.07.2020).

²² The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 18.07.2020).

²³ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 11.07.2020).

²⁴ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.07.2020).

²⁵ PowerThesaurus. Idioms [сайт]. URL: <https://www.powerthesaurus.org> (дата обращения: 15.07.2020).

²⁶ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 18.07.2020).

²⁷ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.07.2020).

влена следующим образом: *"every tub must stand on its own bottom"*²⁸ – «живи всяк своим умом, да своим горбом», *"life is not a bed of roses"*²⁹ – «жизнь – не ложе из роз»; *"life is not all clear sailing in calm waters"* – «жизнь – не безмятежное плавание в спокойных водах»; *"there is a crook in the lot of everyone"* – «Жизнь прожить – не поле перейти». При этом индивиду важно осознавать свою уникальность и роль, которую он играет в этом мире. Этот аспект может быть вербализован посредством следующих ФЕ: *"one and only"*³⁰ – «единственный и неповторимый», *"second to none"*³¹ – «не имеющий себе равных», *"so many men – so many minds"*, *"so many wells, so many buckets"*³² – «сколько голов, столько умов», *"the same knife cuts bread and fingers"*³³ – «тот же нож режет хлеб и пальцы».

Именно в превратностях процесса индивидуации К. Г. Юнг видел главные причины заболеваний своих пациентов: здоровый человек не жалуется на тяготы своей судьбы и трудности жизни постоянно и смерти не ожидает. Эта мысль может найти своё отражение в следующих ФЕ и паремиях: *"no man is so old, but thinks he may yet live another year"*³⁴ – «Жить – мучиться, а умереть не хочется»; *"To live is to suffer, but you don't want to die"*; *"Old age is not joy, and death is not self-interest (not a find)"*³⁵ – «Старость не радость, а и смерть не корысть (не находка)».

Индивидуация определяется не только как реакция психики человека на предлагаемые ему жизнью обстоятельства, но и включает в себя входящие в её процесс другие компоненты. Для отражения последних в национально-культурной англоязычной среде посредством ФЕ мы предложили базовую структуру рассмотрения понятия индивидуации, созданную посредством применения метода семантического поля.

Далее нами предложено семантическое поле с интегральной архисемой *"individuation"* («индивидуация»), в состав которого вошли следующие микрополя с представляющими их ФЕ:

1. **"Development"** («развитие», «рост») – *"development", "growth", "evolution", "progress", "extension", "elaboration"*. Данное микрополе выделено нами, поскольку К. Г. Юнг считал, что «сознательный процесс дифференциации,

²⁸ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 22.07.2020).

²⁹ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 18.07.2020).

³⁰ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus : [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 11.07.2020).

³¹ Кунин А. В. Большой Англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд. М.: Живой язык, 1998. 944 с. С. 719.

³² The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus : [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 18.07.2020).

³³ Power Thesaurus. Idioms. [Сайт]. URL: <https://www.powerthesaurus.org> (дата обращения: 15.07.2020).

³⁴ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus : [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.07.2020).

³⁵ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus : [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 23.07.2020).

или индивидуации необходим для того, чтобы подвести человека к осознанию, то есть возвысить его над состоянием идентификации с объектом» [12, с. 107] или иными словами, развить в себе «наблюдателя». Приведём примеры составляющих данного микрополя ФЕ: *“get it together”*³⁶ – «брать себя в руки, собраться»; *“growth experience”*³⁷ – «опыт в развитии»; *“lay the foundation(s) of / for”*³⁸ – «заложить основу, посеять зерно».

2. **“Self-knowing”** («самопознание», «самостоятельное изучение / развитие») – *“self-knowing”, “self-development”, “on your own”*. По мнению К. Г. Юнга, в процессе индивидуации необходимо понимать самого себя, и учёный в качестве примера приводит Иисуса, который, говоря своему призванию «да», становится Христом. Истинное подражание Христу (*“imitatio Christi”*) состоит не в том, чтобы жить, как жил Назаретянин, а в том, чтобы следовать своей индивидуации, своему призванию в той же мере, как Иисус [10, с. 127].

Приведём примеры ФЕ, представляющих данное микрополе: *“a reach of the imagination”*³⁹ – «старательная попытка представить, вообразить что-либо»; *“beyond your wildest dreams”*⁴⁰ – «за пределами самых смелых мечтаний»; *“think outside the box”*⁴¹ – «мыслить за рамками общепринятого»; *“be of sound mind”*⁴² – «быть в своём уме».

3. **“Holism”** («целостность», «неразрывность») – *“holism”, “entirety” “continuity”*. Обретение целостности или стремление индивида к обладанию этой характеристикой личности является неотъемлемой составляющей процесса индивидуации. По мнению Дж. Холлиса, не Эго ведёт нас по жизни, а именно таинство самости призывает нас стать целостной личностью, а то, каким образом мы решим израсходовать свою энергию, в существенной степени определит наше жизненное странствие [10, с. 128]. Приведём примеры ФЕ, представляющих это микрополе: *“in its/their entirety”*⁴³ – «целиком, в целом, полностью»; *“the whole ball of wax”*⁴⁴ – «целиком, всё вместе»; *“all the whole way”*⁴⁵ – «до конца», «полностью», «от начала до конца» [13; 11].

³⁶ PowerThesaurus.Idioms [сайт]. URL: <https://www.powerthesaurus.org> (дата обращения: 15.07.2020).

³⁷ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.07.2020).

³⁸ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 18.07.2020).

³⁹ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 11.07.2020).

⁴⁰ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 10.07.2020).

⁴¹ PowerThesaurus.Idioms [сайт]. URL: <https://www.powerthesaurus.org> (дата обращения: 14.07.2020).

⁴² The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 17.07.2020).

⁴³ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.07.2020).

⁴⁴ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.07.2020).

⁴⁵ PowerThesaurus.Idioms [сайт]. URL: <https://www.powerthesaurus.org> (дата обращения: 15.07.2020).

4. "Freedom" («свобода», «освобождение», «воля», «свобода»): "*liberation*", "*will*", "*freedom*". Мысли и действия, осуществляемые индивидумом в состоянии свободы в большей степени способствуют индивидуации личности. Мыслями, изложенными в своих научных трудах, Дж. Холлис подтверждает верность совета экзистенциалистов «поступать так, словно мы уже свободны, чтобы узнать со всей определённости, насколько мы свободны или зависимы на самом деле». Такие поступки поддерживают достоинство человека и его жизненные установки, в противном же случае он будет лишь испытывать страдания, продолжая считать себя жертвой [10, с. 167]. Приведём примеры выражения данного аспекта проявления индивидуации посредством ФЕ: "*as free as a bird*"⁴⁶ – «быть свободным как птица», «обладать возможностью делать всё, что душа пожелает»; "*freedom of maneuver*"⁴⁷ – «свобода действий»; "*freedom of speech*"⁴⁸ – «свобода слова»; "*give (one) (one's) freedom*"⁴⁹ – «освободить от обязательств», «наделять свободой».

Для удобства восприятия процесса индивидуации по Г. К. Юнгу, на Рис. 1 схематично представлены семантическое поле с архисемой "*individuation*" и входящие в него микрополя:



Рис. 1 / Fig. 1 Базовая схема семантического поля с центрирующей архисемой "*Individuation*" (индивидуация) / Basic scheme of the semantic field with the centering archiseme "*Individuation*"

Источник: данные автора

⁴⁶ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 14.07.2020).

⁴⁷ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 13.07.2020).

⁴⁸ PowerThesaurus. Idioms [сайт]. URL: <https://www.powerthesaurus.org> (дата обращения: 15.07.2020).

⁴⁹ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 18.07.2020).

Отметим, что имплицитное содержание термина *"individuation"* с точки зрения рассмотрения его в поле фразеологической семантики может коррелировать с процессом определения понятия «немотивированное значение идиомы» с учётом влияния на последнее экстралингвистических факторов и внутренней формы самой идиомы (чёткой или размытой). Например, понятия «целостность» и «свобода индивидуума» можно выразить посредством идиом *"the whole ball of wax"*⁵⁰ – «целиком, всё вместе»; *"the whole enchilada"*⁵¹ – «всё вместе, целиком»; *"as free as a bird"*⁵² – «быть свободным как птица», «обладать возможностью делать всё, что душа пожелает», *"card blanche"*⁵³ – «карт-бланш (т. е. свобода делать что-либо)». Исследуемые идиомы образовались на основе неметафорического понятия, изначально означающего индивидуацию как процесс объединения противоположностей из состояния свободного духа. Например, *"in its/their entirety"*⁵⁴ – «целиком, в целом, полностью», *"give (one) (one's) freedom"*⁵⁵ – «освобождать от обязательств, наделять свободой».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение семантических особенностей ФЕ и паремий, характеризующих жизнь и деятельность индивидуума, а также процессов, происходящих с ним на этом пути, «помогает глубже проникнуть в семантическую структуру отношения и поведения личности, раскрыть своеобразие восприятия окружающей действительности через призму языка и национальной культуры [13, с. 102].

Таким образом, понятия, отражающие такие масштабные ментальные процессы, имеющие значительный смысловой объём, как индивидуация по К. Г. Юнгу, могут быть описаны в виде семантических полей посредством представления последних через ФЕ языка. Анализ юнговского понятия «индивидуация» на основе критериев, применяемых при определении характеристик ФЕ в языке и используемых при описании этого понятия, показал, что такой подход к изучению личности и её развитию является ещё одним способом более полного и глубокого её исследования, поскольку ФЕ, являясь составляющими лексической системы любого языка, выступают основными языковыми хранителями мудрости и культуры народа. Каждая фразеологическая единица имеет образно-экспрессивный характер и несёт в себе большое количество информации, что в свою очередь, может помочь учёным

⁵⁰ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus : [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.07.2020).

⁵¹ PowerThesaurus. Idioms [сайт]. URL: <https://www.powerthesaurus.org> (дата обращения: 13.07.2020).

⁵² PowerThesaurus. Idioms [сайт]. URL: <https://www.powerthesaurus.org> (дата обращения: 15.07.2020)..

⁵³ The Free Dictionary by farlex. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus : [сайт]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/freedom> (дата обращения: 11.07.2020).

⁵⁴ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus : [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 10.07.2020).

⁵⁵ Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations & Thesaurus : [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.07.2020).

разного рода научного знания глубже и точнее понять процесс развития личности и в случае необходимости суметь влиять на него. Подбор ФЕ определённого характера и направления и их популяризация с самого раннего детства среди членов социума поможет последнему в процессе формирования как конкретной языковой личности, так и в создании ментальной модели языковой картины мира общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валуццева И. И., Хухуни И. Г. Термин и слово: соотношение понятий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 6–16.
2. Ковшова М. Л., Орлова О. С. Когнитивный анализ загадок и культурологический комментарий: опыт исследования // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 97–101.
3. Ковшова М. Л., Орлова О. С. Загадки о рождении: опыт когнитивно-лингвокультурологического исследования // Когнитивные исследования языка. Взгляд в будущее. Новые перспективы когнитивных исследований языка. 2018. № 35. С. 44–51
4. Ковшова М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов // Вопросы психолингвистики. 2016. Т. 4. № 30. С. 90–101.
5. Кузьменко Е. Л. Вербальная характеристика личности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 257 с.
6. Мазирка И. О. Психологические и лингвистические аспекты исследования личности в научной и художественной литературе // Прикладная психология и психоанализ. 2004. № 2. С. 50–55.
7. Мазирка И. О. Семантические микрополя, характеризующие направление отношения // Инновационные проблемы психолингвистики : сб. науч. тр. М.: МГОУ, 2007. С. 57–60.
8. Мальцева Д. Г. Страноведение через фразеологизмы: пособие по немецкому языку. М.: Высшая Школа, 1991. 173 с.
9. Рязанцев С. В. Тайна смерти: Танатология – учение о смерти. М., СПб: АСТ; Астрель-СПб, 2005. 463 с
10. Холлис Д. Перевал в середине пути. Как преодолеть кризис среднего возраста и найти новый смысл жизни. М.: Когито Центр, 2009. 208 с.
11. Хухуни Г. Т., Беляева И. Ф. Понятия дух и организм языка в лингвистике XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 25–33.
12. Юнг К. Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного. М.: Канон +, Реабилитация, 2013. 320 с.
13. Юнг К. Г. Символическая жизнь. М.: Когито Центр, 2013. 326 с.

REFERENCES

1. Valujceva I. I., Huhuni I. G. [Term and word: the ratio of concepts]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*

- [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 2019, no. 5, pp. 6–16.
2. Kovshova M. L., Orlova O. S. [Cognitive analysis of riddles and cultural commentary: research experience]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2020, no. 2 (41), pp. 97–101.
 3. Kovshova M. L., Orlova O. S. [Riddles about birth: the experience of cognitive-linguocultural research]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vzgl'yad v budushchee. Novye perspektivy kognitivnykh issledovaniy yazyka* [Cognitive studies of language. A look into the future. New perspectives for cognitive language research], 2018, no. 35, pp. 44–51.
 4. Kovshova M. L. [Cultural-national specificity of phraseological units and questions of explication of their cultural meanings]. In: *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2016, vol. 4, no. 30, pp. 90–101.
 5. Kuz'menko E. L. *Verbal'naya harakteristika lichnosti: dis. kand. fil. nauk* [Verbal characteristics of personality: PhD Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2005. 257 p.
 6. Mazirka I. O. [Psychological and linguistic aspects of personality research in scientific and fiction literature]. In: *Prikladnaya psihologiya i psihoanaliz* [Applied psychology and psychoanalysis], 2004, no 2, pp. 50–55.
 7. Mazirka I. O. [Semantic microfields characterizing the direction of the relationship]. In: *Innovacionnye problemy psiholingvistiki* [Innovative problems of psycholinguistics]. Moscow, 2007, pp. 57–60.
 8. Mal'ceva D. G. *Stranovedenie cherez frazeologizmy* [Country studies through phraseological units], Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1991. 173 p.
 9. Ryazancev S. V. *Tajna smerti: Tanatologiya – uchenie o smerti* [Mystery of death: Thanatology – the doctrine of death], Moscow, AST Publ., Saint Petersburg, Astrel' Publ., 2005. 463 p.
 10. Hollis D. *Pereval v seredine puti. Kak preodolet' krizis srednego vozrasta i najti novyj smysl zhizni* [Pass in the middle of the way. How to overcome a midlife crisis and find a new meaning in life]. Moscow, Kogito Centr, Publ., 2009. 208 p.
 11. Huhuni G. T., Belyaeva I. F. [Concepts of the spirit and organism of language in linguistics of the 19th century]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Lingvistika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 2018, no 3. pp. 25–33.
 12. Jung K. G. *Sobranie sochinenij. Psihologiya bessoznatel'nogo* [Collected Works. Psychology of the unconscious]. Moscow, Kanon +, Reabilitaciya Publ., 2013. 320 p.
 13. Jung K. G. *Simvolicheskaya zhizn'* [Symbolic life]. Moscow, Kogito Centr Publ., 2013. 326 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 05.10.2020

Статья размещена на сайте: 17.03.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мазирка Ирина Олеговна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета; e-mail: mazirka_den@mail.ru

Митюшина Маргарита Сергеевна – аспирант кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета; e-mail: derbinova_margarita@mail.ru

Irina O. Mazirka – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Language Theory and Anglistics, Moscow Region State University; e-mail: mazirka_den@mail.ru

Margarita S. Mityushina – Postgraduate Student, Department of the Russian Language, Moscow Region State University; e-mail: derbinova_margarita@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Мазирка И. О., Митюшина М. С. Вербальная презентация понятия индивидуации по К. Г. Юнгу посредством англоязычных фразеологических единиц // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Mazirka I., Mityushina M. Verbal Presentation of the C. Jung's Concept of Individuation by the Means of English Phraseological Units. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: evestnik-mgou.ru

УДК 81-119

Пугачева Е. Ю.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ «ИСТОРИК» В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ Л. Н. ТОЛСТОГО И ДЖ. ФАУЛЗА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

АННОТАЦИЯ

Цель. Установить лингвистические особенности, характерные для интертекстуальных вкраплений дневникового дискурса, тематически объединённых обращением к истории и восприятием исторических событий языковой личностью, и способность этого рода интертекстуальных вкраплений передавать эмоции.

Процедура и методы. Использованы несколько взаимозависимых методов исследования: контекстуальный, лексико-стилистический, дискурсивный, лингвокультурологический, статистический. Анализ показал наличие повышенной эмотивной включённости авторов в происходящие вокруг них перемены, о чём свидетельствуют расширенный ряд средств экспрессии и их конвергенция.

Результаты. Выявлено, что социальная роль «историк» имеет особый инструмент выдвижения в потоке речи («они-коммуникация») и особый способ использования самих интертекстуальных отсылок как средств выразительности.

Теоретическая и практическая значимость связаны с расширением взглядов на природу интертекста и его эмотивного модуса, а также с возможностью применения предлагаемого подхода на занятиях по аналитическому чтению, теории дискурса и интерпретации текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

интертекстуальность, прецедентность, интертекстуальные вкрапления, цитата, тематический регистр, реминисценция, глубинный смысл

СТРУКТУРА

Введение

Методика анализа интертекстуальных вкраплений

Историческое событие – смерть монарха

Смена исторических формаций

Анализ полученных результатов

Выводы

E. Pugacheva

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

VERBALIZATION OF THE EMOTIONAL ASPECT OF “HISTORIAN” SOCIAL ROLE IN LEO TOLSTOY’S AND JOHN FOWLES’ DIARY DISCOURSE: COMPARATIVE ANALYSIS

ABSTRACT

Aim. To establish the linguistic features characteristic of intertextual inclusions in diary discourse, thematically united by an appeal to history and the perception of historical events by a linguistic person, and the ability of this kind of intertextual inclusions to convey emotions.

Methodology. Several interdependent research methods were used: contextual, lexico-stylistic, discursive, linguocultural, statistical. The analysis showed the presence of an increased emotive involvement of the authors in the changes taking place around them, as evidenced by the extended range of means of expression and their convergence.

Results. It was revealed that the social role of the “Historian” has a special tool for advancing in the flow of speech (“they-communication”) and a special way of using the intertextual references as means of expression.

Research implications. The study contributes to the expansion of views on the nature of the intertext and its emotive mode, as well as to the possibility of using the proposed approach in classes on analytical reading, discourse theory and text interpretation.

KEYWORDS

intertextuality, precedent, intertextual inclusion, quotation, thematic register, reminiscence, innermost sense

ВВЕДЕНИЕ

Язык средств эмотивности в разных дискурсивных пространствах анализируется не только лингвистами, но и целым рядом специалистов смежных профессий: антропологами, психологами, криминалистами, социологами, историками [1–7]. Наиболее ярким с этой точки зрения иллюстративным материалом остаётся разговор наедине с собой, а именно – страницы дневников. Их язык имеет особый вид, похожий на поток сознания: здесь не преследуется цель кого-то переубедить или отследить точную событийную последовательность. Важнейшей функцией дневникового дискурса всегда являются эмоциональная разрядка пишущего и аналитика собственных ощущений, что, безусловно, включает неограниченный набор средств вербализации [2, с. 53].

Изучению инструментов эмотивности посвящено немало работ [2–6], а вопросы, в них поднятые, не сходят с повестки дня актуальной лингвисти-

ки. **Материалом** представленного исследования послужили записи дневников Л. Н. Толстого (1847–1894 гг.) и Дж. Фаулза (J. Fowles) (1949–1965 гг.). Выбор материала сопоставления продиктован несколькими аспектами: 1) судьбы писателей выстраиваются в удивительные параллели: отсутствие родительского влияния, опыт участия в военных действиях, педагогическая деятельность, определение с главным ремеслом жизни в зрелом возрасте, сложные отношения к религиозным догмам, проблемы в семейной жизни, страсть к физическому труду, общность литературных интересов, продолжительность жизни и мн. др.; 2) Дж. Фаулз не раз признавал Л. Н. Толстого своим Учителем, полемизировал с его идеями и произведениями в целом, восхищался его стилем и мощностью слова¹; 3) различия писателей по национальности, времени жизни, социально-экономическому положению, вероисповеданию и пр. обеспечивают максимальную беспристрастность к пониманию социальной роли «историк» в структуре языковой личности и особенностям её вербализации; 4) нами не зафиксировано подобного диахронического исследования, в чём усматриваем **дополнительную научную оригинальность**. **Практическая ценность** исследования обусловлена тем, что вскрытые параллели в дневниковых текстах указанных личностей позволяют обозначить их как своеобразный «творческий диалог» и переосмыслить актуальный материал с точки зрения личностного и «надличностного» аспектов.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ

Алгоритм исследования включает несколько взаимосвязанных этапов:

1) *методом сплошной выборки* выявлены отрывки дневниковых записей, в которых наиболее ярко проявлена социальная роль «историк»²; 2) *методом лексико-стилистического, контекстуального, лингвокультурологического анализа* выделены фонетические, морфологические, лексические и синтаксические особенности, присущие обозначенной социальной роли языковой личности автора дневникового дискурса; 3) *методом дискурсивного анализа* определено эмотивное состояние пишущего; 4) *сравнительно-сопоставительным методом* проведён анализ полученных данных и 5) *общефилософским методом дедукции* сделан вывод по проделанной работе.

Выделены и проанализированы 20 проявлений социальной роли «историк» на страницах дневников Дж. Фаулза и 40 – Л. Н. Толстого. Такая разница связана с тем, что во время Кавказской кампании (1817–1864) Л. Н. Толстой смог продолжать вести дневник и фиксировать происходящие исторические

¹ Fowles J. The Journals. Vol. 1 / ed. Ch. Drazin. London: Vintage, 2004. 668 p.

² Под социальной ролью «историк» в данной статье мы понимаем аспект языковой личности писателя, фиксирующий не внутренние, личные или творческие факты биографии и/или переживания, но внешние события, важные для всей нации и меняющие реальность их творческого бытия, в частности.

события. Фаулз во время службы не вёл дневниковых записей. Однако события, происходившие во время Второй мировой войны 1939–1945 гг., имели не меньшую историческую значимость для Дж. Фаулза.

Для социальной роли «историк» в целом характерно активное использование интертекстуальных отсылок, т. е. «непосредственные упоминания имён, неявных аллюзий к объектам, процессам и событиям внетекстовой реальности, к культуре в широком смысле как семиотической системе» [4, с. 62]. Однако в условиях дневникового дискурса нами было установлено, что дополнительной чертой указанной социальной роли можно считать переход с «я-повествования» на «они-повествование», где объектом описания служат не приватные акции или события воображаемой действительности, но действительность внешнего мира, важная для всей нации, т. е. глобального масштаба, влияющая на бытие каждого. Редкость и своеобразие оформления текстовых кодов разных социальных ролей позволяют рассматривать интертекстуальные отсылки к таким событиям как особый стилистический приём, близкий по функциональному потенциалу к прочим средствам экспрессии и выразительности.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ – СМЕРТЬ МОНАРХА

Приведём текстовый фрагмент в качестве примера:

Болезнь и, вероя[т]но, скорая смер[т]ь государс[т]ва очень [т]рогае[т] меня. Хо[т]я[т] удержа[т]ь и спас[т]и [т]онущее самодержавие и посылают на выручку ему православие, но самодержавие у[т]ону[т]и православию и само по[т]оне[т] скорее ... те же безумие и подлос[т]ь по случаю смер[т]и с[т]арого и восшес[т]вия нового царя. В Москве [т]яжело о[т] множес[т]ва людей ... Помню [т]олько [т]о, ч[т]о шес[т]вие через Москву с гробом было очевидным лицедейством, которое должны были производить цари. Такое лицедейство они производят всю жизнь: в этом проходит вся их жизнь³.

Следуя заявленному алгоритму, начнём анализ с лингво-культурологического, контекстуального и лексико-стилистического изучения представленной выдержки. Совокупность слов (*болезнь, смерть, безумие, подлость, гроб*), принадлежащих семантическому полю «болезнь», формирует гневливую атмосферу повествования. Параллельно развивается метафора, уподобляющая смерть потопу (*тонущее самодержавие, утопит православие, потопит скорее*). В этом можно усмотреть опасение за судьбу государства, Родины писателя. Эмоциональная вовлечённость историка в этом примере имеет яркое выражение.

С точки зрения культурологического анализа, само событие – кончина Александра III (1 ноября 1894 г.) – было потрясением не только российского, но мирового масштаба. Страх и агрессия, сквозящие в этом высказывании,

³ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 20. Дневники 1895–1910 гг. М.: Художественная литература, 1965. С. 513–514.

вполне естественны и объяснимы. В энциклопедическом издании «Теория личности» читаем: «Ни один психолог не рискнет предсказать поведение крысы, не зная, в каком рукаве Т-образного лабиринта размещается пища или будет нанесён удар током. Не проще предсказать поведение человека, не зная условий его “лабиринта”, то есть структуры его социальной среды ... эмпирическая дефиниция психологических переменных невозможна без обращения к мудрости и данным антропологии, что в свою очередь подчёркивает транскультурную всеобщность...» [8, с. 472].

Беспрецедентность произошедшего повысила ответственность каждого отдельного члена сообщества за последующее существование целого народа. Резкая реакция хоть одного из них могла радикально повлиять на ход истории в целом. Многие, как и Л. Н. Толстой, осуждали поведение власть имущих, негодовали по поводу некоторых решений (есть свидетельства, что Л. Н. Толстой не просто констатировал свои мысли в дневниках, но эмоционально обсуждал случившееся со своими соратниками и оппонентами как лично, так и в переписке, и невозможность переубедить последних также горькими сокрушениями фиксировалась в дневниках⁴), но в то же время осознавали их фундаментальную роль в жизни страны и мира. Вот почему при всём негативизме фразы ощущается сочувствие писателя не как объективного историка, но как субъективного частного лица, знающего утраты (*очень трогает меня, тяжело*).

Формируется цепочка контекстуальных синонимов: *государство, тонущее самодержавие, православие, лицедейство*. Установление знака равенства между ними (стилистический приём метафоры) придаёт уничижительный оттенок высказыванию, поскольку уподобляет событие государственного масштаба театрализованному действию. Примечательны эти синонимические ряды ещё и тем, что создают косвенный звукописный эффект: аллитерация звука [т] создаёт некое нагромождение, утяжеляющее восприятие и без того скорбной вести.

Этой же цели отвечает интенсифицированная модальность в отрывке: *вероятно, скорее, очевидным, должны*. Используя эти лексические единицы, Толстой-историк занимает позицию в рядах «народного фронта», о чём явно свидетельствует «мы-коммуникация», а также вследствие чего формируется оппозиция царствующему дому и православию. По мысли Л. Н. Толстого, человек – простой рабочий люд — остаётся на передовой линии борьбы между институтами власти: светской и религиозной. Они представлены, с одной стороны, тождественными (*посылают на выручку*), но, тем не менее, между собой враждующими сторонами, поскольку самодержавие использовало догмы православия исключительно в выгодной для себя позиции, в

⁴ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 20. Дневники 1895–1910 гг. М.: Художественная литература, 1965. 670 с.

чём и проявлялось для Л. Н. Толстого его двуличность. Вспомним слова доктора исторических наук, профессора МГУ Н. В. Борисова о том, что многие цари, считая себя «помазанниками Божиими», творили всяческие злодеяния, транслируя идею, что через них творится помысел Божий [1]. Вот почему автор цитируемой выдержки приходит к выводу, человек – вовсе не мелкая пешка: цари сменяются, но индивид – остаётся; и только благодаря русской всетерпимости, «вере в справедливого царя-батюшку» и трудолюбию самодержавие имеет свойство восстанавливаться.

Вторая часть анализируемого интертекстуального вкрапления представляет собой «я-послание», прерванное навалившимися испытаниями (стилистический приём *apoziopezisa*), связанными с личным опытом утраты. Сам Лев Николаевич не раз терял собственных детей и друзей (во время военных кампаний)⁵. Память настойчиво стремится вытолкнуть подробности этих воспоминаний, оставляя только общее впечатление. В этом мы убеждаемся за счёт противопоставления «*смерти старого – восшествию нового*»: история не стоит на месте, и освободившееся место всегда недолго остаётся незанятым.

Отметим, что, как и Л. Н. Толстой, Дж. Фаулз свидетельствовал в дневниках смерть монарха и, в свою очередь, делал акцент на реакции окружающих через инструмент «они-коммуникация». Приведём отрывок:

(6 February 1952) Death of **King George VI** – people keep on coming to me, and gleefully announcing the sad news. When I came into dinner, all the boys at my table looked at me with a joyful smile, and the perfect said, with a broad grin, “The **King** of England is died” I think they were faintly surprised I was not in black and weeping.

The death of a king no longer touches the particular, except in as much as it is a milestone, the end and the beginning of epochs. This **king** had **no** characteristics – a neutral, insipid personality. The modern **king** is a constitutional nobody; his only chance of [b]eing remem[b]ered is [b]y his personality.

Now we shall be flooded under with obituaries and salutes to the glorious new **Queen (6)**, with drawing of parallels and general smugness. But Elizabethan ages, and the conditions in which they could arise, are done with; now only political epochs, and this Elizabeth is a prig, a throwback, a second Victoria⁶ [7, с. 165].

⁵ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 20. Дневники 1895–1910 гг. М.: Художественная литература, 1965. 670 с.

⁶ (6 февраля) Смерть короля Георга VI. Люди подходят ко мне и с веселым видом сообщают печальную новость. За обедом ученики радостно пилились на меня, а староста, широко улыбаясь, объявил: – Умер король Англии. Думаю, их слегка удивило, что я не в трауре и не заливаюсь слезами. Смерть королей теперь уже не так волнует подданных, к этому событию относиться как к одной из вех, концу одной эпохи и началу другой. В скончавшемся короле не было ничего выдающегося – ни ярких качеств, ни энергии. В наши дни король по конституции – никто, он может остаться в истории только благодаря своей личности. Теперь в изобилии польются некрологи и приветствия блистательной новой королеве, непременно проведут параллели – к всеобщему

Первое, на что мы обратили внимание, – это числовые характеристики, которые принадлежат иной системе знаков (яркий пример междискурсивной интертекстуальности): 6 февраля, Георг VI и 6-кратное повторение лексической единицы **king** – *the title of the male ruler of a country, usually a son of the former ruler; the most important man or male animal in a group, esp. a chief among competitors; the most important piece in chess or any other of the four playing cards with a picture of a king*⁷. Нередко такую комбинацию цифр (666) именуют «числом зверя» и считают дурным предзнаменованием, что также участвует в формировании подтекстовой атмосферы и эмоционального фона высказывания.

Вторым пунктом, фокусирующим целый спектр различных эмоций, служит объединение в одном контексте оксюморонных элементов: *gleefully* («радостный, веселый, ликующий») – *sad* («печальный, грустный, унылый»), *a joyful smile* («улыбка, расположение, поддержка») – *a broad grin* («оскал зубов, выражение угрозы, усмешка»), *the end* («конец») – *the beginning* («начало»), *obituaries* («некролог, поминальные сводки, синодик») – *salutes* («дружеское приветствие, отдавание чести, салют»), *neutral, insipid personality* – *most important man, constitutional nobody, second Victoria*. Такое противопоставление с конечным негативным компонентом перевешивает чашу весов формирующегося у читателя отношения в сторону презрительного, недоверительного. Подобные параллели формируют особое психологическое ожидаемое, вопреки традиционной вере в лучшее.

В-третьих, финальные уничижительные словосочетания построены на синтаксическом приёме 'неоправданное ожидание' с элементом иронии. Вместо (конституционный) *монарх* приводится местоимение с отрицательной частицей *no*. Вместо логического следования элементов *Виктория (R-Регина) II* видим 'вторая Виктория', имеющее в подтексте «повтор ошибок, совершённых предшествующим монархом», «такая же, как и первая». Относительно повтора отрицательных частиц можно сказать, что они, образуя тончайшую ткань повествования всего корпуса дневников, участвуют в создании протестной реакции автора на происходящие исторические смены режимов и сигнализируют о гражданском недовольстве.

В-четвёртых, примечательна цитата одного из греческих коллег Фаулза, построенная с явной грамматической ошибкой: (букв.) *король есть умер*. Нарушение структурных парадигм языка не препятствует коммуникации, но служит средством выдвигания негативной информации. Противопоставление местоимений «я – они» усугубляет одиночество и отстранение повествователя от окружающих.

самодовольству. Но елизаветинские эпохи и условия, при которых они возникают, канули в прошлое, теперь царит политика, а наша Елизавета – консерватор и педант, она – вторая Виктория (Фаулз Дж. Дневники 1949–1965. М.: АСТ: АСТ Москва, 2007. 860, [4] с.).

⁷ Longman Dictionary of English Language and Culture. 4th impr. Harlow: Longman, 2000. P. 723.

В-пятых, в конечной фразе выдержки целый ряд метафор образует на-
растание посредством бессоюзной связи (синтаксический приём асиндето-
на): а *prig* («педант, формалист, самодовольный человек»), а *throwback* («ата-
визм, регресс, задержка, возврат к прошлому»), а *second Victoria*, (имя Вик-
тории ассоциировалось с рядом радикальных, не всегда приветствуемых
народом, реформ). Сниженный регистр указанных определений явно сигна-
лизирует о личной вовлечённости Фаулза-историка в противовес должному
абстрагированному повествованию о случившемся, в чём прослеживается
совпадение с высказываниями Л. Н. Толстого. Вторая метафора деперсони-
фицирует личность престолонаследницы, что служит яркой иллюстрацией
эмоционального модуса автора дневника. В представленной выдержке вы-
деляется гиперболическая метафора – *be flooded under* с аллитерированным
согласным [d], создающим косвенную звукопись. Вспомним, что повтор этого
звука характерен для указания на смерть (*death*), тьму (*darkness*), разруше-
ние (*destruction*), звучанию набата (*динь-дон*) [7]. У читающей публики могут
возникнуть аллюзия на произведение Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол»
(1940) и соответствующее ожидание разочарований.

В-шестых, упоминание ещё одного прецедентного имени – королевы
Елизаветы I (1533–1603, которая на период написания дневника не имела
одноимённых монархов-потомков) – может восприниматься как опреде-
лённый инструмент сравнения. Её эпоха вошла в историю беспрецедент-
ной вехой, а достижения её современников едва ли сравнимы с последую-
щими. Подобные тонкости повествования заметно повышают требования
к читательской аудитории. Автор ведёт полемику с образованным, много
знающим и тонко чувствующим читателем-собеседником. Ещё при жизни
Фаулз дал согласие на публикацию своих записей (см. вступление к «Жур-
налам⁸»), поскольку считал их своим лучшим творением – письменным сви-
детельством становления собственной личности, своей писательской на-
туры, человеческих качеств.

Не только смерть монархов фиксировалась писателями в личных хро-
никах. Указы и акты также подвергались фиксации. Так, ещё одной вехой, не
ускользнувшей от чуткого барометра истинной человечности Л. Н. Толстого,
явилось объявление царём о высшей мере наказания: *Ругал царя за то, что
возобновилась смертная казнь*⁹. Отметим, что эта фраза упомянута вскользь:
между описанием утренних дел самого Толстого и дел его домочадцев. Воз-
никает ощущение, что он по-свойски пожурил нашкодившего, но далее, уже
в роли философа, много и подробно рассуждает о причинах, толкнувших не-
счастных на совершение преступлений, ведущих на эшафот. В то же время
как христианин Л. Н. Толстой объяснял, что «ничего нельзя оправдать дела-

⁸ Fowles J. The Journals : in 2 vols. / ed. Ch. Drazin. Vol. 1. 1949–1965. London: Vintage, 2004. P. X–XX.

⁹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 20. Дневники 1895–1910 гг.
М.: Художественная литература, 1965. С. 420.

нием зла»¹⁰. Анализ социальных ролей философа и христианина не входит в круг поставленных задач и целей данной работы.

СМЕНА ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Разобранные выдержки позволяют констатировать диффузность и многоплановость позиции «историка – свидетеля глобальных национальных событий». Трудно писателям сохранить объективность летописцев. Языковая личность таких масштабов не может остаться в стороне от событийного ряда современности. Ответить на такое положение можно словами самого Л. Н. Толстого: *исторически новое редко бывает хорошо, потому что хорошее недолго остается новым*¹¹.

Представленный во фрагменте парадокс отражает истинное положение вещей. Люди редко добровольно идут на изменение устоявшегося образа жизни, да и сама скоротечность жизни не даёт воспитать *привычку бытия*. Отрывок, характеризующий социальную роль «историк», выстраивается по линии противопоставления лексических единиц: *новое – хорошее*. С синтаксической точки зрения высказывание образует зеркальный повтор (стили-стический приём *хиазма*). С лексической точки зрения формируется поле времени за счёт слов *редко* и *недолго*. На наш взгляд, это квинтэссенция понимания истории как смены формаций.

Дж. Фаулз также много писал о смене исторических формаций. Приве-дём две выдержки: *Two causes for hate. Being born into an age and place where civilization has been crowned, and now is a decadent monarchy. Thus, France cul-minates in **her** 17th, us – in our 16th, Germany – in **her** 18th to 19th, Russia – in **her** 19th, Italy – in **her** 12th – 14th–15th (and Rome). Coming at the tail end, one as no chance. It is impossible to surmount the barriers inherent in the age. Secondly, to be destined to the most limited and perishable of arts, literature. Pictorial art and music both last longer and appeal more widely*¹².

Следуя заявленному алгоритму, приведём лексико-стили-стический, культурологический и контекстуальный разбор цитаты.

Выдержка являет собой крик души: её распространённость, отсутствие союзной связи (особый модернистский приём – поток сознания) создают экс-

¹⁰ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 20. Дневники 1895–1910 гг. М.: Художественная литература, 1965. С. 420.

¹¹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 20. Дневники 1895–1910 гг. М.: Художественная литература, 1965. С. 454.

¹² Две причины для недовольства. Во-первых, родился я не в то время, в месте, где цивили-зация завершилась, оставив загнивать монархию. Франция достигла расцвета в XVII веке, мы – в XVI, Германия – в XVIII–XIX веках, Россия – в XIX, Италия – в XII, XIV и XV веках (не считая Рима). Когда являешься под занавес, у тебя нет шансов. Невозможно преодолеть барьеры, присущие твоему веку. Во-вторых, обречен служить самому ограниченному и преходящему виду искусства – литературе. Изобразительное искусство и музыка живут дольше и волнуют большее число лю-дей (Фаулз Дж. Дневники 1949–1965. М.: АСТ: АСТ Москва, 2007. С. 21).

прессивную насыщенность. Эмоциональность повышается за счёт вклинивания прецедентных имён – названий стран, переживших всплеск развития цивилизации: *Италия – Великобритания – Франция – Германия – Россия – (Рим) – Америка*. Именно в таком порядке, по мнению автора, происходит передача эстафеты культурно-экономического первенства в историческом масштабе. Примечательно, что обращение к странам идёт через персонификацию, о чём свидетельствуют местоимения женского рода *her*. Несколько особняком в этом ряду стоит *Рим*. Любовь Фаулза к этому вечному городу весьма заметна на страницах дневников.

Примечательно образование особого лексико-семантического поля с ядерным компонентом «расстройство»: *hate – a very strong dislike, detest; to be sorry, regret*¹³, *Decadent – marked by falling to a lower or worse level of mortality, civilization, art from a former higher or better level; state of having low standards of behavior or morality; in a state of decline (ibid)*; (метафорический эпитет) *Tail-end – the very last part (ibid)*; *No chance, Impossible – that cannot happen or exist, or be done or fulfilled; difficult or awkward to accept or deal with (ibid)*; (метафорическое выражение, построенное на сочетании французских слов *sur – поверх, mount – гора*) *Surmount barriers – to succeed in dealing with a difficulty; overcome; to be above or atop sth that is used to keep people or things apart or prevent or control their movement; sth not physical that prevents activity, movement (ibid)*; *Destined – intended by fate for some special purpose, having a destination (ibid)*; *Most limited – not very great in amount, power, not able to increase or improve; having limits (ibid)*; *Perishable – likely to decay quickly if not kept in proper conditions (ibid)*. Как видим, в дефинициях слов много отрицательных конstituентов, о чём мы не раз упоминали при стилистическом разборе предшествующих примеров.

Как хроникёр, Фаулз замечает проявления артефактов истории и в литературе, и в искусстве зодчества, живописи, скульптуре и кинематографе. Как резидент Великобритании, Фаулз не мог оставаться равнодушным к политическим и прочим историческим событиям. Одним из них можно считать всеобщие выборы 23 февраля 1950 г., сократившие количество мест, занимаемых лейбористской партией в английском парламенте.

*Fascination of listening in the small hours of the morning to Election results. The constant interruption of the music and the numbers counted floating out of the loudspeaker. Interest grows like a child's interest in a match boat-race in a gutter. The Liberals play magnificent spoiling game. The Conservatives creep up, stealthily. A dull, wet night*¹⁴.

Представленная выдержка пронизана иронией: едва ли кто будет очарован (*Fascinate – to attract and hold the interest or attention of; to fix the eyes so*

¹³ Longman Dictionary of English Language and Culture. 4th impr. Harlow: Longman, 2000. P. 606.

¹⁴ Fowles J. The Journals: in 2 vols. / ed. Ch. Drazin. Vol. 1. 1949–1965. London: Vintage, 2004. P. 19.

as to take away the power of movement, as a snake does¹⁵) сухими количественными данными в предрассветный час (*in the small hours* – *первые часы после полуночи, предрассветные часы*), когда естественное желание нормального человека – спать. Отметим капитализацию лексем *Election, Liberals, Conservatives*, придающую значимость данным номинируемым феноменам. Однако релевантность этих явлений теряет свою весомость рядом с Музыкой – истинным воплощением очарования для Фаулза (и ещё одним артефактом истинной истории).

Фаулз сравнивает выборы политической верхушки британского общества с сомнительной заинтересованностью ребёнка, пускающего кораблики в сточной канаве. Столь сниженное уподобление колоритно отражает отношение и эмоциональное участие писателя в «ребяческих забавах» взрослых дядей, стремящихся закрепить свою позицию в мире за счёт пустого *воздухотрясения* (авторский неологизм). Именно по этой причине Фаулз прибегает к метафорам и оксюмору: *magnificent* («великолепный, пышный, замечательный») *spoiling game* (воен. «Упреждающий удар, отвлекающий маневр, дословно – портящая игра»); *creeping up* («медленное движение, просачивание, еле передвигать ноги»). Отметим, что в просторечии эта лексическая единица может иметь значение «воришка, незначительная кража», что едва ли ускользнуло от внимания писателя и добавило колоритности высказыванию. Тем самым Фаулз умышленно ставит под сомнение честность сильных мира сего по отношению к волеизъявлению народа. Ввиду этого лексическая единица *stealthily* («украдкой, исподтишка, тайно, втихомолку») употребляется в постпозиции – для подтверждения. На фоне ярких авторских метафор стёртость словарных уподоблений (*floating out, wet night*) констатирует некую привычность происходящих подтасовок, что в некотором роде представляет собой историческую неизбежность, политическую фатальность. Отметим ономотопичный характер каждой метафоры: дифтонги передают континуальность процесса, а аллитерация звука [t] созвучна падающим каплям дождя (или слёз, или пота?). Заключительная фраза представляет собой предложение, синтезирующее незаконченность и бесконечность борьбы за первенство.

С эмотивной точки зрения данное высказывание весьма насыщено: весь комплекс стилистических средств наглядно демонстрирует авторское равнодушное участие и вместе с тем пассивное созерцание мелочности жизни своего поколения соотечественников.

АНАЛИЗ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Представим полученные результаты в сводной таблице (табл. 1).

¹⁵ Longman Dictionary of English Language and Culture. 4th impr. Harlow: Longman, 2000. P. 606.

Таблица 1 / Table 1

Сводные данные по средствам вербализации эмотивного модуса социальной роли «историк» в дневниковом дискурсе / Summary data on the means of verbalizing the emotive mode of the social role “historian” in the diary discourse

	Экспрессивные средства в ДД Л. Н. Толстого	Экспрессивные средства в ДД Дж. Фаулза
Количество и тематика заметок	(40) Смерть царя, указы царя +	(20) Смерть короля, результаты выборов
Аллитерации \ ассонанс	[t]+	[d]+
Аллюзии \ интертекст		+
Апозипоэсис \ прерванное повествование	+	
Асиндетон \ поток сознания \ увеличенная эмотивность текста		+
гипербола	Не выявлено	+
Деперсонификация \ персонификация	+	+
метафорика	+	+
повторы	Лексический, хиазм	Синтаксический, цепной
Формирование лексико- семантических полей слов	+	+
Контрадикции \ противопоставления	+	+
цитирования	Не выявлено	+
Грамматические девиации	Не выявлено	+
Звукопись \ ониматопея	+	+
Модальность неуверенности / страха \ негации	+	+
Нарастание \ градации	+	+
неологизмы	Не выявлено	+
оксюморон	Не выявлено	+
Парадокс \ ирония	+	+
Подтекст / аллюзии	Не выявлено	+
Вариации форм интертекстуальных вкраплений	Открытые письма государю, записки христианина, дневник помещика	Не выявлено
Прецедентные имена	Не выявлено	+
асиндетон	+	+
оксюморон	Не выявлено	+
Неоправданное ожидание	Не выявлено	+
Я-они коммуникация	+	+

Терминологическая насыщенность	Не выявлено	+
--------------------------------	-------------	---

Как видим, идиостили обоих авторов весьма различны. Во-первых, немалую роль в этом играет и тип языка: русский принадлежит флективному типу, английский – сейчас близок к изолирующему типу, безусловно, прибегающих к разным типам выдвигания информации. Но, как мы указывали во введении, чем больше различий в сопоставляемых объектах, тем интереснее случаи совпадения средств вербализации авторской языковой личности в социальной роли «историк».

Во-вторых, самым важным различием мы усматриваем разную целевую аудиторию. В то время как Л. Н. Толстой стремится к максимальному объятию читательской аудитории, максимальному пониманию в среде народной (что весьма соответствует языковой картине мира русских – единению), Фаулз стремится максимально обособиться и стать доступным для понимания только избранных, интеллектуально развитой части общества (что соответствует стремлению к элитарности, свойственной английской языковой картине мира)¹⁶.

В-третьих, примечательной особенностью текстов дневников обоих авторов становится обращение к интертекстуальным отсылкам как к особому стилистическому приёму, сопоставимому в своём функциональном качестве с прочими средствами выразительности речи – фигурам и тропам. Считаем, что данный вывод может стать отправной точкой нового направления в развитии теории языковой личности – интертекстуальной характерологии как референтного способа организации текста и эмотивных функций отсылок.

ВЫВОДЫ

1. В результате исследования сделан определённый вклад в разработку комплексного анализа функционально-семантической категории языковой личности, а именно в развитие лингвосемантики, когнитивной лингвистики, лингвистики текста, стилистики, лингвокультурологии и теории интертекстуальности, т. е. способности текста включать несколько взаимнозаменяющих-ся субъектов речи как на уровне формы, так и на уровне содержания.

2. Опыт анализа дневникового дискурса показывает, что в 90% случаев очевидец прописывает то, что его задевает с негативной стороны, вызывает обиду, негодование, споры, а не нечто положительное. Отчего? Ответ очевиден. Человеческой природе свойственно хорошее воспринимать как норму, а плохое – как отклонение от таковой, что и требует отдачи на бумаге.

3. Набор стилистических приёмов, несмотря на общность тематики и выражаемых эмоций, весьма шире у Дж. Фаулза. Его способу изложения присущи: повышенная субъективность повествования, что обладает эффек-

¹⁶ Указания на то, что дневники могли быть и были достоянием нации, приводятся в самих дневниках.

том глубинного психологического самораскрытия автора; эффект катарсиса, экспрессивная лексика, интенсификаторы, прямые и переносные значения слов, средства экспрессивной фонетики, фигуры и тропы, формирование контекстной эмоциональной коннотации, композиционные приёмы экспрессивности, подтекстовое пространство.

4. Спектр проявленных эмоций в корпусе дневникового дискурса образует общий модус повествования, из которого можно заключить, что всё отражённое в дневниковом дискурсе является тонированным субъективной оценкой. Отметим, что оценочность дневников Л. Н. Толстого носит более открытый характер и включает элементы авторского настроения, носящего по всему корпусу выявленных интертекстуальных отрезков устойчивый, гомогенный характер. У Дж. Фаулза, напротив, эмоциональность не гомогенна и выражается более изощрёнными средствами. В этом мы усматриваем желание манипулировать своей читательской аудиторией.

5. В перспективе данного исследования можно предложить использование выработанного алгоритма для изучения прочих социальных ролей глубинной языковой личности автора дневникового наследия или других видов дискурса. И развитие предложенного направления – интертекстуальной характерологии как референтного способа организации текста и эмотивных функций отсылок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов Н. В. История России с древнейших времен до конца XVIII века: учебник для бакалавриата по направлению «История» / отв. ред. Б. Н. Флора. 2-е изд., испр. и доп. М.: Московский университет, 2019. 544 с.
2. Босова Л. М. Речевой портрет женщины-политика // Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе: вопросы теории языка и методики обучения: программа 7-й международной научно-практической конференции и тезисы докладов. Коломна: ГСГУ, 2019. С. 36–37.
3. Жирова И. Г. Межкультурный творческий диалог между М. Ю. Лермонтовым и Дж. Г. Байроном // Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе: вопросы теории языка и методики обучения: программа 7-й международной научно-практической конференции и тезисы докладов. Коломна: ГСГУ, 2019. С. 59–60.
4. Игнатов К. Ю. Интертекстуальные отсылки в лингвопоэтическом анализе стихотворения // Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе: вопросы теории языка и методики обучения: программа 7-й международной научно-практической конференции и тезисы докладов. Коломна: ГСГУ, 2019. С. 62–63.
5. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта: Наука, 2014. 352 с.
6. Матвеева Т. В. Тональность (субъективная модальность, текстовая модальность, текстовая экспрессивность) // Стилистический энциклопедиче-

- ский словарь русского языка / гл. ред. М. Н. Кожина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 549–552.
7. Пугачева Е. Ю. Практикум по аналитическому чтению. М.: Перо, 2019. 176 с.
8. Холл К. С., Гарнер Л. Теория личности / пер. с англ. И. Б. Гриншпун. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 592 с. (Мир психологии).

REFERENCES

1. Borisov N. V. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa 18 veka* [History of Russia from ancient times to the end of the XVIII century]. Moscow, Moscow State University Publ., 2019. 544 p.
2. Bosova L. M. [Speech portrait of a female politician]. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo yazykovogo obrazovaniya v vuze: voprosy teorii yazyka i metodiki obucheniya: programma 7-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii i tezisy dokladov* [Current issues of contemporary language education at higher school: questions of language theory and teaching methods: Program of the 7th international scientific-practical conference and theses of reports]. Kolomna, State Social and Humanitarian Studies University Publ., 2019, pp. 36–37.
3. Zhironova I. G. [Intercultural creative dialogue between M. Yu. Lermontov and J. G. Byron]. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo yazykovogo obrazovaniya v vuze: voprosy teorii yazyka i metodiki obucheniya: programma 7-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii i tezisy dokladov* [Current issues of contemporary language education at higher school: questions of language theory and teaching methods: Program of the 7th international scientific and practical conference and theses of reports]. Kolomna, State Social and Humanitarian Studies University Publ., 2019, pp. 59–60.
4. Ignatov K. Yu. [Intertextual references in the linguo-poetic analysis of the poem]. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo yazykovogo obrazovaniya v vuze: voprosy teorii yazyka i metodiki obucheniya: programma 7-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii i tezisy dokladov* [Current issues of contemporary language education at higher school: questions of language theory and teaching methods: Program of the 7th international scientific-practical conference and theses of reports]. Kolomna, State Social and Humanitarian Studies University Publ., 2019, pp. 62–63.
5. Kolokol'tseva T. N., Moskvina V. P., sci. eds. *Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov* [Intertextuality and figures of intertext in different types of discourse]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2014. 352 p.
6. Matveeva T. V. [Textual expressiveness]. In: Kozhina M. N., ch. ed. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006, pp. 549–552.
7. Pugacheva E. Yu. *Praktikum po analiticheskomu chteniyu* [Analytical Reading Workshop]. Moscow, Pero Publ., 2019. 176 p.
8. Hall C. S., Garner L. Theories of Personality (Russ. ed.: Grinshpun I. B., transl.

Teoriya lichnosti. Moscow, EKSMO-Press Publ., 1999. 592 p.).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 15.04.2020

Статья размещена на сайте: 05.02.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пугачева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: elenapetrishina@mail.ru

Elena Yu. Pugacheva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Philology, Moscow Region State University; e-mail: elenapetrishina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Пугачева Е. Ю. Особенности вербализации эмоциональной составляющей социальной роли «историк» в дневниковом дискурсе Л. Н. Толстого и Дж. Фаулза в сопоставительном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Pugacheva E. Yu. Verbalization of the emotional aspect of "historian" social role in Leo Tolstoy's and John Fowles' diary discourse: comparative analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

НАШИ АВТОРЫ

Алексеев Роман Андреевич	кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права	Московский государственный областной университет	alekseev.r555@mail.ru
Багдасарян Вардан Эрнестович	доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени	Московский государственный областной университет	vardanb@mail.ru;ve.bagdasaryan@mgou.ru
Бакшиханова Сэсэг Сыреновна	кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии детства	Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова	bakshi0611@mail.ru
Бронников Иван Алексеевич	кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	ivbronn@gmail.com
Бурда Михаил Александрович	кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Института общественных наук	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ	burdam584@gmail.com
Ванданова Эльвира Леонидовна	кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИЦ стратегии, проектирования и правового обеспечения ФИРО	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ	vandanova67@mail.ru
Герасимова Ирина Владимировна	кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук	iraida.ga@gmail.com
Горбачев Михаил Валерьевич	доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	ussr-86@mail.ru

Ежов Дмитрий Александрович	кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций	Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации	president@lenta.ru
Зорин Владимир Юрьевич	доктор политических наук, профессор, заместитель директора; заместитель председателя экспертного совета ВАК по политологии	Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Министерство образования и науки РФ	v.y.zorin@mail.ru
Князьков Дмитрий Александрович	аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики	Московский государственный областной университет	mityabauer13@gmail.com
Коломацкая Дарья Александровна	консультант отдела информационных технологий	Центральный комитет Коммунистической партии Российской Федерации	kolomatskaj45@yandex.ru
Кононенко Олег Сергеевич	студент магистратуры факультета политологии	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	okey_ok_ey@hotmail.com
Лиханова Тамара Юрьевна	аспирант кафедры российской политики	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	tamara_l91@mail.ru
Мазирка Ирина Олеговна	доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и англистики	Московский государственный областной университет	mazirka_den@mail.ru
Манойло Андрей Викторович	доктор политических наук; член Научного совета при Совете Безопасности РФ, профессор кафедры российской политики	Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова	cyberhurricane@yandex.ru
Митюшина Маргарита Сергеевна	аспирант кафедры теории языка и англистики	Московский государственный областной университет	derbinova_margarita@mail.ru
Пилипенко Александр Дмитриевич	аспирант кафедры российской политики	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	smsfruit23@gmail.com

Пугачева Елена Юрьевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии	Московский государственный областной университет	elenapetrishina@mail.ru
Семина Татьяна Алексеевна	кандидат филологических наук, ассистент кафедры теоретической и прикладной лингвистики	Московский государственный областной университет	taniasemina@gmail.com
Скрипкина Татьяна Петровна	доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и юридической психологии, ведущий научный сотрудник Федерального института развития образования, профессор кафедры психологического консультирования	Российский государственный гуманитарный университет, Московский государственный областной университет	skripkinaurao@mail.ru
Тимирчев Илья Константинович	студент магистратуры факультета политологии	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	romeos22gr@gmail.com
Титова Ольга Ивановна	кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин; доцент кафедры психологии	Сибирский юридический институт МВД России; Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева	944058@mail.ru
Федоров Владислав Иванович	аспирант кафедры истории и теории политики	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	fedorov@polit.msu.ru
Юферева Анастасия Сергеевна	аспирант	Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина Институт философии и права Уральского отделения РАН	nesty16@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-69267 от 29.03.2017 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания <https://www.evestnik-mgou.ru>

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (Elibrary.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Вестник Московского государственного областного университета» обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Германова А.Ф.

Технический редактор:

Ахриева Л.М.

Переводчик:

Приказчикова Е.В.

Корректор:

Гладунов И.К.

Компьютерная вёрстка и системное администрирование сайта:

Горбунов А.А.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 1740,

<https://evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».